

Том 19, № 3

Июль – сентябрь 2026

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

**Регистрационный номер ПИ № ФС 77–89190 от 17 марта 2025 года
выдан Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)**

Учредитель журнала:
**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»**

Издатель: **ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»,
625000, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, +7(3452)28-35-91**

Периодичность: 4 раза в год

Условия распространения материалов:
контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакторы — В. И. Карашлийска, Н. В. Шуваева

Адрес редакции: **625027, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, к. 306**
Тел./факс: **8 (3452) 28-30-76, <http://www.sep-tyuiu.ru>**
E-mail: **belonozhkoml@tyuiu.ru**

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, индексируется в РИНЦ**

Vol. 19, No. 3

July – September 2026

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. SOCIOLOGY. ECONOMICS. POLITICS

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings from higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

Registration number of PI № FS 77–89190 dated March 17, 2025
**Issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)**

Founder:
**Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen"**

Publisher: **Industrial University of Tyumen,
625000, Tyumen, 38, Volodarskogo St., +7(3452)28-35-91**

Frequency: 4 times a year

Distribution: content is distributed under
Creative Commons Attribution 4.0 License

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editors — V. I. Karashliyska, N. V. Shuvaeva

Address of editorial office: **625027, Tyumen, 52 Kievskaya St., office 306**
Telephone/Fax: 8 (3452) 28-30-76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications, and in the RISC database**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножка Марина Львовна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна, д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич, д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна, к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна, д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу, PhD (доктор философии по истории), ученый секретарь Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад, PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович, д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович, д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсен Канат Алексеевич, к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович, д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович, д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич, д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна, д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна, д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна, д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич, д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович, д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна, Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие, PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Marina L. Belonozhko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Nursafa G. Khairullina, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksander N. Alekseenko, Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Oleg M. Barbakov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Nazygul T. Batyrova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Vera V. Gavriluk, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Elnur L. Hasanov, PhD in History, Academic Secretary of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Vlad Genin, PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Zinaida T. Golenkova, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Boris Z. Doctorov, PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Ashot P. Engoyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Kanat A. Yensenov, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Garold E. Zborovsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Svetlana A. Iljinyh, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Viktor K. Levashov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Svetlana G. Maximova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Mikhail Yu. Martynov, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Karakat M. Nagymzhanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Nikolai P. Narbut, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Vera V. Plenkina, Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Oleg M. Roy, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Nurzhan K. Sartbekova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Anatoliy N. Silin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksandr A. Taradanov, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Galia S. Ukubasova, Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Julie Jančárková, PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Багаева К. А. Социальная деятельность буддизма в России: философские основания и практическая реализация	7
Гарбузов И. С., Амбарова П. А. Художественное любительство как средство творческой самореализации взрослых	18
Ковальжина Л. С., Орлова А. А. Культура труда студенческой молодежи: от ценностей к формированию стратегии трудового поведения	33
Макарова Г. И. Теоретические подходы к изучению городской идентичности в российском промышленном городе	58
Попкова А. А., Третьякова О. В., Воронин А. В. Участие обучающихся в общественно-полезных проектах как механизм развития социально ответственной личности	72
Ребышева Л. В., Толмачева С. В., Шляков А. В. Профессиональное выгорание преподавателей	85
Стружкина А. В. Методы мотивации студентов к обучению (по материалам экспертного опроса)	106
Фарахутдинов Ш. Ф., Мехришвили Л. Л. Отцовство в общественном мнении: социально-демографический анализ в контексте семейной политики	118
Хайруллина Н. Г. Хадж как социокультурный феномен ислама	134

CONTENTS

Bagaeva K. A. Social activities of Buddhism in Russia: philosophical foundations and practical implementation	7
Garbuzov I. S., Ambarova P. A. Amateur art as a means of creative self-realization for adults	18
Kovalzhina L. S., Orlova A. A. Work culture of student youth: from values to the formation of work behavior strategies	33
Makarova G. I. Theoretical approaches to the study of urban identity in a Russian industrial city	58
Popkova A. A., Tretyakova O. V., Voronin A. V. Participation of students in socially useful projects as a mechanism for developing a socially responsible personality	72
Rebysheva L. V., Tolmacheva S. V., Shlyakov A. V. Professional burnout of lecturers	85
Struzhkina A. V. Methods of motivation of students to learn (based on the materials of an expert survey)	106
Farakhutdinov Sh. F., Mekhrishvili L. L. Fatherhood in public opinion: a socio-demographic analysis in the context of family policy	118
Khairullina N. G. Hajj as a sociocultural phenomenon of Islam	134

Научная статья / Original research article

УДК 316:24

DOI: <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-7-17>

EDN: CSLLRI

Социальная деятельность буддизма в России: философские основания и практическая реализация

К. А. Багаева

*Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ,
Российская Федерация
ksyusha.81@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется социальная деятельность буддийских организаций. В виде примера приводится деятельность буддийской традиционной Сангхи России. Показано, что социальная деятельность организаций религии определяется их сущностью как социальных институтов и базируется на основополагающих принципах буддийского учения. Автор проводит теоретико-методологический анализ социальной деятельности, выделяет некоторые научные подходы к ее пониманию. В качестве основополагающего изучается подход М. Вебера, согласно которому религия предстает как деятельностный фактор в жизни общества. Другой подход — теория религиозной экономики, основоположники которого рассматривают социальную деятельность религиозных организаций, реализуемую в социальной сфере, как конкуренцию на рынке религиозных услуг. Отечественные исследователи обращают внимание на необходимость участия государства и особо подчеркивают государственное регулирование социальной деятельности религиозных организаций и учреждений. Среди других теорий подробно анализируется теория дарообмена как основы социальной деятельности. Буддийские организации не выработали социальной концепции, но изначально в буддизме заложены философские основания для социальной деятельности, содержащиеся в классических буддийских текстах, например, сострадание, принцип взаимозависимого возникновения. Особое значение в формировании социальной деятельности религиозных организаций оказала буддийская концепция дара, обмена между монахами и мирянами. Продемонстрированы примеры социальной деятельности БТСР, показана значимость образовательной и просветительской деятельности буддийских монастырей. Отмечается, что сегодня наблюдается процесс интеграции светского и буддийского образования. По результатам проведенного анализа автором сформулирован вывод, что БТСР является активным участником социальной деятельности, в основе которой лежит буддийское философское учение, позволяющее интегрироваться в реалии современной жизни.

Ключевые слова: общество, Макс Вебер, теория рационального выбора, теория дарообмена, реципрок, социальная деятельность, буддийское образование, буддийская философия

Для цитирования: Багаева К. А. Социальная деятельность буддизма в России: философские основания и практическая реализация. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2026;(3):7–17. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-7-17> EDN CSLLRI

Social activities of Buddhism in Russia: philosophical foundations and practical implementation

Kseniya A. Bagaeva

*Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation
ksyusha.81@mail.ru*

Abstract. This article analyzes the social activities of Buddhist organizations, using the Buddhist Traditional Sangha of Russia as an example. It argues that the social activities of religious organizations are determined by their essence as social institutions and are grounded in the fundamental principles of Buddhist teachings. The author addresses the theoretical and methodological aspects of social activities and highlights various scholarly approaches to their understanding. The first approach draws on Max Weber's approach, which views religion as an active force in social life. The second approach explores how modern representatives of the theory of religious economics consider the social activities of religious organizations as competition in the religious market. Russian researchers emphasize the importance state involvement, particularly the importance of government regulation in the social activities of religious organizations and institutions. Among other approaches, the article analyzes in some detail gift exchange theory as a basis for social activities. Although Buddhist organizations have not developed a social concept, the philosophical foundations for social activities are laid out in classical Buddhist texts. These concepts include compassion and dependent origination. The Buddhist concept of the gift, an exchange between monks and laypeople, played an important role in shaping the social activities. The article demonstrates examples of the BTSR's social activities and highlights the importance of the educational and outreach work carried out by Buddhist monasteries. Secular and Buddhist education are becoming integrated today. Based on the analysis, the author concludes that the Buddhist Traditional Sangha of Russia is an active participant in social activities, which is rooted in Buddhist philosophical teaching, yet adapted to modern reality.

Keywords: society, Max Weber, theory of rational choice, theory of gift exchange, reciprocity, social activity, Buddhist education, Buddhist philosophy

For citation: Bagaeva K. A. Social activities of Buddhism in Russia: philosophical foundations and practical implementation. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics.* 2026;(3):7–17. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-7-17>

Введение

В современной России посредником между обществом и институтами государства выступают религиозные организации. С каждым годом их активность в общественном пространстве возрастает. Это проявляется в том, что они проникают в различные сферы общественной жизни. При этом, по мнению автора, они формируют среди россиян представления о нормах морали, ценностные ориентации, влияют на деятельность государственных институтов, гражданского общества, социальные инициативы, экономические процессы и другие аспекты жизнедеятельности социума. Религиозные организации одновременно являются действующими субъектами в социальной, политической, культурной, экономической и других сферах. Сегодня религиозные организации инициируют социально значимые проекты, организуют и проводят научные конференции различного уровня, благотворительные мероприятия, самостоятельно занимаются предпринимательством и бизнесом [1].

По различным направлениям в своей деятельности они тесно взаимодействуют с государственными органами власти, организациями и учреждениями. Наиболее активно это проявляется в социальной деятельности исследуемых организаций, чьи сотрудники именно в ходе реализации социально значимых проектов воплощают принципы милосердия, служения ближнему, когда оказывают содействие и помощь нуждающимся категориям россиян, решают их социальные проблемы. Взаимодействуя с мирским обществом, религиозные организации вынуждены приспосабливаться к социально-экономическим обстоятельствам и политической ситуации. При этом религиоз-

ные служители помогают людям независимо от их веры, национальности и социального статуса, что говорит об этической наполненности их социальной роли.

Социальная деятельность разнонаправлена: благотворительность, образование, здравоохранение, средства массовой коммуникации и информации, проблемы молодежи, уязвимых категорий россиян, бездомные, малоимущие, одинокие и пожилые граждане, инвалиды, дети-сироты и т. д.

Все традиционные православные, исламские, католические и другие религиозные российские организации активно участвуют в социальных проектах. Не являются исключением и буддийские. Наглядным примером служит крупнейшая Буддийская традиционная Сангха России (БТСР), созданная в 1997 г.

Материалы и методы

В ходе работы был проведен теоретический анализ ключевых теорий, объясняющих социальную деятельность религиозных организаций. Основные подходы сконцентрированы вокруг двух противоположных концепций: классической теории М. Вебера и теории религиозной экономики. Известно, что теория М. Вебера легла в основу социологии религии, определив ее развитие на многие годы, соответственно, последователи развивали его взгляды [2]. Теория религиозной экономики возникла в 1960–1970-х гг. Ее разработчики критиковали классический подход Вебера и существовавшие теории секуляризации общества (У. Бейнбридж, Р. Финк, Л. Яннаконе, Р. Старк и др.) [3]. Б. Малиновский и М. Мосса разработали теорию дарообмена, которая впоследствии способствовала формированию системы реципрокности. Сущность системы заключается в необходимости создания социального института на основе обязательств одного человека (или социальной общности) перед другим человеком (общностью).

Для понимания социальной деятельности буддийских общин будут рассмотрены учения российских буддологов, в частности, Е. П. Островской, В. И. Рудой, Ф. И. Щербатской [4]. Они считали, что в основе буддийских учений лежат этические принципы, которые нашли применение в практической повседневной деятельности буддийских организаций.

В качестве методов исследования были применены системный подход, анализ и синтез.

Результаты и обсуждение

Будем использовать термин «социальная деятельность», поскольку характеризуем буддийские организации. При этом есть термин «социальное служение», встречающийся в большей степени в христианском дискурсе. Вместе с тем в научных исследованиях оба этих термина равноправны. В то же время социальное служение, благотворительность и профессиональная социальная работа ориентированы на оказание помощи людям

в сложных жизненных ситуациях и предоставление им необходимых социальных услуг. Социальная деятельность — важный аспект существования религиозных институтов.

К настоящему времени сложились многочисленные подходы, позволяющие раскрыть сущность социальной деятельности религиозных учреждений и организаций.

Как было отмечено выше, М. Вебер изучал религиозно-культурную составляющую капиталистического общества, понимая религию как источник социального прогресса и социальных изменений. При этом он рассматривал протестантизм в качестве субъекта социального действия [2] рационализированного поведения. Это позволило объяснить основу функционирования современной капиталистической системы, которая до профессионализма доводит все производственные процессы и, соответственно, работников, вынужденных неумолимо трудиться и вести скромный образ жизни в связи с невысокой оплатой труда. При этом с человека не снимается ответственность за совершаемые поступки и действия, а, напротив, повышается. Веберу удалось показать огромное влияние религии на деятельность человека [2]. В дальнейшем Р. Финке и Р. Старк [3] разработали новаторский подход, позволяющий изучать роль религий в обществе. Они впервые ввели дефиницию «религиозная экономика». Одновременно заметили, что учреждения религии могут успешно функционировать в рыночной экономике как полноправные субъекты. Как верно указывает Р. О. Сафронов, «в основе теории рационального выбора лежит аналогия религии как системы отношений с рынком (поэтому иногда эту теорию называют религиозно-экономической)» [5]. Но законы рынка одинаковы для всех субъектов, поэтому религиозные организации должны следовать им, что приводит к ограничению конкуренции между организациями, принадлежащими к разным религиям, а это, в свою очередь, влияет на потребительские предпочтения верующих.

На важность государственного регулирования религиозного рынка обратила внимание И. Г. Каргина, по мнению которой религиозная свобода заставляет находить новые способы для привлечения верующих в свои организации [6]. Государство в таких условиях старается предотвратить «провалы» на религиозном рынке, снизить зависимость от религиозных монополий, субсидировать отдельных поставщиков услуг религиозных организаций и стимулировать потребителей, которые выражают лояльность к существующей идеологии государства.

Поддержка государством социальной деятельности организаций религии оказывает позитивное влияние на государство в целом, сами религиозные организации и российское общество в виде формируемых религиозных норм и ценностей. В настоящее время в нашей стране насчитывается около 50 тысяч религиозных организаций, но зарегистрировано более 34 тысяч учреждений, из них только 286 — буддистские и 17 из них централизованы. Наиболее крупные религиозные организации (чаще организации Русской православной церкви) не только выстраивают свою позицию по большинству социально значимых вопросов, но и принимают реальное участие в социально значимых проектах. Сказанное находит отражение в официальных документах, таких как:

«Основы социальной концепции Русской православной церкви» [7], «Основные положения социальной программы российских мусульман» [8] и др. Таким образом, в современном российском обществе нельзя не учитывать влияние религиозного фактора. Эти доктринальные документы показывают влияние института религии на российское общество. Не случайно предлагаемые религиозными организациями принципы нашли официальное закрепление как в документах, так и в обществе в целом. Разрабатываемые социальные концепции способствуют сотрудничеству религиозных организаций с государством.

При этом буддийские организации, как отмечал автор в своей работе, до сегодняшнего дня не смогли выработать единой социальной концепции. По нашему мнению, это объясняется отсутствием единства между буддистскими организациями, хотя буддизм как учение основывается на социальной этике. К примеру, основы социальной деятельности в буддизме находим в тексте «Абхидхармакоша», где описывается общество, ориентированное на ценности буддизма [2].

В этой статье также отмечено, что буддизме нет Бога-Творца, соответственно, нет необходимости служить Богу. В отличие от православия, социальная деятельность проявляется в ином контексте. Е. А. Торчинов заявил, что в буддийском вероучении присутствует идеал боддхисаттвы — пример освобождения от уз сансары, называемый сотериологической миссией. Идеал боддхисаттвы он нашел и в буддийской благотворительности [9].

Другим значимым маркером социальной деятельности буддизма является сострадание, когда монахи сочувствуют верующим, стремятся различными путями освободить от страданий нуждающихся в этом [10]. Далай-лама XIV говорил, что сострадание — чудо человеческой природы, драгоценный внутренний ресурс и фундамент благополучия и гармонии человечества [11]. В этом выражается активная позиция буддистов. Сегодня указанный принцип проявляется в сферах образования, медицины, благотворительности. Не случайно буддийские монастыри всегда были и остаются центрами социально-экономической активности, поскольку в буддизме всегда важную роль играла Сангха (община). Сегодня сострадание проявляется в зоне СВО, где организуют дацаны с целью духовной поддержки бурятских военнослужащих. Одновременно буддийские монастыри оказывают гуманитарную помощь участникам СВО [12].

В этом контексте затронем феномен социально вовлеченного буддизма. Ж. А. Аякова полагает, что данный феномен актуализируется в период социально-политических кризисов, военных действий, экологических катастроф и др. [13]. Ранее автор обращала внимание, что дефиницию «социально вовлеченный буддизм» ввел буддист из Вьетнама Т. Н. Хан, по чьему мнению буддизм активно помогает при решении многочисленных социальных проблем. Идеи Хана широко распространились в западных странах. Проведя много лет во Франции, он основал общину, которая стала основным центром распространения его учения. В Германии, Нидерландах читал лек-

ции и дважды побывал в нашей стране в 1992 и 1994 гг. После в России появились центры осознанности. В буддизме социальная вовлеченность проявляется в различных сферах, но всегда опирается на буддистское учение о благородных истинах. Социальная деятельность сегодня — в повседневной практике БТСР, которая основывается на этических принципах традиционного буддизма.

Ключевым фактором буддийской этики и фундаментом социальной философии буддизма называют ахимсу (ненасилие), подразумевающую отказ от причинения вреда как действиями, так и словами и мыслями по отношению ко всем живым существам, обладающим сознанием. Поэтому картина мира в буддийском вероучении способствует интеграции человека и природы, гармонизации отношений между людьми и различными сферами культуры [14].

Следующая идея буддизма, лежащая в основе социального действия, базируется на концепции дара, даяния, тесно взаимосвязанной с теорией религиозного реципрока. Реципрокность означает взаимообмен дарами, а религиозной практике — наличие дарообменных отношений. Е. А. Островская в контексте буддизма в религиозной модели общества перечисляет четыре обязательных института — религиозные профессионалы, мирянство, религиозное образование и религиозный реципрок. Последний выполняет функцию религиозной коммуникации между первыми тремя институтами [4]. В буддизме между монахами и мирянами существует система дарообмена, когда монахи помогают своим учением мирянам в их страданиях, а последние подносят еду, одежду. Принцип дара-обмена активно практикуется при оказании материальной, финансовой, хозяйственной помощи монахам. Приносящие дар миряне в перспективе получают просветление. В буддизме даяние и дар — сознательное намерение совершить благое дело посредством добровольной помощи в разной форме, а получатель осознанно использует принесенный подарок. Поэтому реципрокные отношения между теми и другими и сегодня лежат в основе социальной деятельности в буддийском обществе.

Другой значимый и важный принцип в буддизме — пратитья-самутпада, означающая взаимозависимое возникновение. Согласно данному принципу все происходящие явления зависят от различных факторов, формируя основу проявления социальной ответственности людьми. Принцип пратитья-самутпады подтверждает зависимость причин и условий, в результате которых возникли существа и явления, поэтому это необходимо учитывать при взаимоотношениях в различных сферах жизнедеятельности человека.

Социальная деятельность активно проявляется в образовательной сфере, поскольку именно образование служит основным каналом передачи буддийского мировоззрения, ценностей учения Будды. В центре образования находится буддийский монастырь. Именно в монастырях просвещаются монахи, сохраняя религиозно-идеологическое наследие буддизма. Не случайно сегодня в российских регионах (где

распространен буддизм) сохраняется монастырское образование, позволяющее приобщаться к буддийским ценностям в процессе получения образования [15].

В другой работе указано, что в настоящее время буддийское духовное образование реализуется в двух образовательных заведениях: Агинской буддийской академии в Агинском дацане и Буддийском университете «Даши Чойнхорлин имени Дамба Даржа Заяева» в Иволгинском дацане. Агинская буддийская академия функционирует с 1998 г. Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» в 1999 г. получил государственную лицензию на право ведения образовательной деятельности в области религиозного образования, а в 2004 г. — государственную лицензию на право образовательной деятельности. Студент (хуварак) получает диплом о высшем образовании и звание «Лама-богослов». Эти два высших религиозных заведения являются важными институтами для подготовки специалистов по буддийской философии, выполняющими функцию воспроизведения буддийского духовенства и его первичную социализацию [16].

По мнению автора, начавшееся в 1990-е гг. религиозное возрождение в российском обществе запустило процесс формирования буддийского образования: создаются буддийские учебные заведения, например, Школа тибетской медицины с традициями Манба дугана Агинского дацана [14]. Это и другие образовательные учреждения стали фундаментом буддийского образования. Другим источником для их развития служат законодательные документы. В статье 14 Конституции Российской Федерации указано, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [17]. Федеральный закон от 26.09.97 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» утверждает «право на свободу совести и свободу вероисповедания» [18]. Эти и другие нормативно-правовые документы способствовали тому, что религиозные организации усилили свое влияние за счет осуществления образовательной деятельности, сближению с учреждениями светского образования [16].

Ранее автор отмечала, что созданные образовательные организации, продолжая традиции буддийского образования в монастырях, вносят в образовательный процесс светские черты. Например, регламент образовательной деятельности идентичен светским высшим учреждениям: так, одновременно с дисциплинами буддийского направления студенты изучают социологию, английский язык, математику и др. Как видим, буддийское образование является светским по форме, но имеет религиозное содержание [1].

Для поддержки буддийского образования создан Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям, который в столице провел два международных форума, посвященные буддизму [19]. Для развития и популяризации буддийского образования Фонд при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, совместно с научно-исследовательскими институтами проводит буддологические исследования, оказывающие влияние в целом на развитие буддизма и на буддийское образование [16].

В Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова в 2024 г. на образовательную программу «Философия буддизма» приняты студенты, которые одновременно обучаются в буддийском университете «Даши Чойнхорлин». После завершения обучения выпускник становится обладателем квалификаций священнослужителя и светского специалиста. Он сможет продолжить дальнейшее образование в монастырях Индии или Тибета или работать в выбранном им дацане. Наши исследования показывают, что не всегда полученное духовное образование является залогом успешной интеграции в современное общество. Сегодня многие выпускники духовных буддийских университетов не могут успешно включиться в социум, не имея светского образования [15].

В заключение следует отметить, что философия буддизма ориентирована на личность, а буддийское образование ориентировано на личностные особенности учащегося и способствует его самореализации. Буддийское образование позволяет открыть потенциал обучающегося, сформировать социокультурные компетенции, которые будут востребованы в современных условиях.

Выводы

Социальная деятельность буддизма, заложенная в древности, в современных реалиях способствует превращению буддийских концептов в активные составляющие практической деятельности. Важным каналом социальной деятельности остается буддийское образование, которое сегодня формируется на основе глубокого изучения философии буддизма в синтезе со светским образованием, содействуя интеграции буддийского духовенства в современное общество.

Общественная деятельность БТСР способствует распространению духовности, объединению и достижению единства буддийских общин. Практическая деятельность буддийских организаций влияет на различные стороны жизни верующих, например, культуру, спорт, экологию, образование, возрождение и строительство буддийских монастырей. Бурятия сегодня остается центром российского буддизма, а БТСР — активным транслятором религии в бурятском обществе.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interests.

Список источников

1. Багаева К. А. Интеграция буддизма в систему российского образования: ключевые аспекты. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(1):39–44. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-39-44>

2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. Москва: Прогресс; 1990. 808 с.
3. Finke R., Stark R. *The Churching of America: 1776-1990*. Rutgers University Press, 1992.
4. Островская Е. А. Теория традиционных религиозных идеологий: методологические возможности и горизонты применимости. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2011;12(1):83–96.
5. Сафронов Р. О. Современные социологические теории религии США и Европы. *Религиоведческие исследования*. 2009;1-2(1-2):24–44.
6. Каргина И. Г. *Современный религиозный плюрализм: теоретико-социологический анализ: диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук*. Москва; 2015. 404 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennyyi-religioznyiy-pluralizm-teoretiko-sotsiologicheskii-analiz?ysclid=mt9shhlxgk492729236>
7. *Основы социальной концепции Русской Православной церкви*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения 14.07.2025.)
8. *Основные положения социальной программы российских мусульман*. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/conception/islam/> (дата обращения 14.07.2025.)
9. Торчинов Е. А. *Введение в буддологию. Курс лекций*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество; 2000. 304 с.
10. Багаева К. А. *Мировоззренческие основы традиции Гелугпа в Центральной Азии*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета; 2012. 127 с.
11. Далай-Лама XIV (Тензин Гьяцо). *Вне религии: этика для целого мира*: под ред. С. Гинзбурга; пер. с англ. А. Морозова. Новосибирск: Чже Цонкапа; 2013. 155 с.
12. *Волонтеры Иволгинского дацана развернули четыре цеха для поддержки бойцов СВО*. URL: <https://burunen.ru/news/society/134693-volontery-ivolginskogo-datsana-razvernuli-chetyre-tsekha-dlya-podderzhki-boytsov-svo/> (дата обращения 54.11.2025.)
13. Аякова Ж. А. Социально ангажированный буддизм в США. *Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова*. 2014;3(36):102–106.
14. Мантатов В. В. Экологическая этика буддизма. В сб.: *Мир буддийской культуры: материалы международного симпозиума*. Чита: Изд-во ЗабГПУ; 2001. С.12–25.
15. Багаева К. А. *Интеграция буддийского образования в систему российского образования: ключевые аспекты*. В сб.: Сборник научных статей XVIII Международной научно-практической конференции «Религия и общество». Могилев: Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова; 2025.
16. Багаева К. А. Социальная деятельность буддийских организаций в России: теоретические основания и практическая реализация. *Вестник бурятского государственного университета. Философия*. 2026;(2):44–54. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2026-2-44-54>
17. Конституция РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения 15.07.2025)
18. Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», Принят Государственной Думой 19 сентября 1997 года. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359> (дата обращения 15.07.2025)

19. Международный буддийский форум. URL: <https://buddha-forum.ru/> (дата обращения 16.09.2025)

References

1. Bagaeva K. A. Key Aspects of Buddhism Integration into the Russian Education System. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(1):39–44. *Protestant ethics and the spirit of Capitalism. Selected works*. Moscow: Progress; 1990. 808 с. (In Russ.). <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-39-44>
2. Weber M. *Protestant ethics and the spirit of Capitalism. Selected works*. Moscow: Progress; 1990. 808 с. (In Russ.).
3. Finke R., Stark R. *The Churching of America: 1776-1990*. Rutgers University Press, 1992.
4. Ostrovskaya E. A. Theory of traditional religious ideologies: methodological possibilities and horizons of applicability. Review of the Russian Christian Academy for the Humanities. 2011;12(1):83–96.
5. Safronov R. O. Contemporary sociological theories of religion in the USA and Europe. *Religious studies*. 2009;1-2(1-2):24–44. (In Russ.).
6. Kargina I. G. (2015) *Modern religious pluralism: a theoretical and sociological analysis: dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences*. Moscow, 2015. 404 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennyyi-religioznyy-plyuralizm-teoretiko-sotsiologicheskii-analiz?ysclid=mt9shhlxgk492729236>
7. *The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (In Russ.).
8. *The main provisions of the social program of Russian Muslims*. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/conception/islam/> (In Russ.).
9. Torchinov E. A. (2000) *Introduction to Buddhology. A course of lectures*. St.Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society; 2000. 304 p. (In Russ.).
10. Bagaeva K. A. *Ideological foundations of the Gelugpa tradition in Central Asia*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University; 2012. (In Russ.).
11. Dalai Lama XIV (Tenzin Gyatso). *Beyond religion: ethics for the whole world*. edited by S. Ginzburg; translated from English by A. Morozov. Novosibirsk: Zhe Tsongkhapa; 2013. (In Russ.).
12. Ivolginsky datsan volunteers deployed four workshops to support the fighters SVO. URL: <https://burunen.ru/news/society/134693-volontery-ivolginskogo-datsana-razvernuli-chetyre-tsekha-dlya-podderzhki-boytsov-svo/> (In Russ.).
13. Aiakova Zh. A. Socially engaged Buddhism in the USA. *Bulletin of the Buryat State Agricultural Academy named after V. N. Filippov*. 2014;3(36):102–106. (In Russ.).
14. Mantatov V. V. Ecological ethics of Buddhism. In.: *The world of Buddhist culture: proceedings of the International*. Chita: Publishing House of ZabGPU; 2001. P. 12–25(In Russ.).

15. Bagaeva K. A. *Integration of Buddhist education into the Russian education system: key aspects*. In: Collection of scientific articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference "Religion and Society". Mogilev: Mogilev State University named after A. A. Kuleshov; 2025. *Protestant ethics and the spirit of Capitalism. Selected works*. Moscow: Progress; 1990. 808 с. (In Russ.).
16. Bagaeva K. A. Social Activity of Buddhism in Russia: Theoretical Foundations and Practical Implementation. *BSU bulletin. Philosophy*. 2026;(2):44–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2026-2-44-54>
17. The Constitution of the Russian Federation. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (In Russ.).
18. Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359> (In Russ.).
19. International Buddhist Forum. URL: <https://buddha-forum.ru/> (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Багаева Ксения Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, ksyusha.81@mail.ru
SPIN-код: 8523-5032, AuthorID: 666022

Kseniya A. Bagaeva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, ksyusha.81@mail.ru
SPIN code: 8523-5032, AuthorID: 666022

Поступила в редакцию / Received 17.12.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.02.2026

Принята к публикации / Accepted 13.06.2026

Научная статья / Original research article

УДК 316

DOI: <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-18-32>

EDN: MSVCBM

Художественное любительство как средство творческой самореализации взрослых

И. С. Гарбузов^{1*}, П. А. Амбарова²

¹ Екатеринбургский монтажный колледж, Екатеринбург, Российская Федерация

² Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

*rogirbacon@gmail.com

Аннотация. В статье проблематизируется феномен регулярных занятий самостоятельным художественным творчеством у взрослых как форма проведения досуга и самореализации, а также вторичной занятости. На основе анализа биографических эссе и профилей в социальной сети «ВКонтакте» создается обобщенный портрет взрослого, строящего с помощью практик художественного творчества двойную карьеру на основной работе и в свободное время. Научная новизна исследования заключается в изучении субъективного взгляда акторов на исследуемый феномен. Цель статьи — выявление основ аматорной деятельности взрослых посредством изучения предпосылок обращения и мотивации к этой деятельности, определение ее места в бюджете времени по сравнению с трудовой занятостью, а также описание сценариев включения в нее, вовлеченности в художественные сообщества. Определяются факторы вовлечения взрослых в постоянные досуговые креативные практики. Теоретической основой интерпретации эмпирических данных выступают положения социологических, философских и психологических теорий творчества и досуга.

Ключевые слова: аматорная деятельность взрослых, хобби, серьезный досуг, гибкие навыки, искусство, самореализация, самостоятельность

Для цитирования: Гарбузов И. С., Амбарова П. А. Художественное любительство как средство творческой самореализации взрослых. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2026;(3):18–32. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-18-32> EDN MSVCBM

Amateur art as a means of creative self-realization for adults

Igor S. Garbuzov^{1*}, Polina A. Ambarova²

¹ Ekaterinburg Assembly College, Yekaterinburg, Russian Federation

² Ural Federal University named after the first president of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

*rogirbacon@gmail.com

Abstract. This article examines the phenomenon of regular participation in amateur artistic activities among adults as a form of leisure, self-realization, and secondary employment. Through an analysis of biographical essays and VK profiles, the authors of this article develop a generalized profile of adults who pursue a dual career by engaging in artistic activities alongside their primary employment and during their free time. The scientific novelty lies in the examination of actors' subjective perspectives on the phenomenon under study. The article aims to identify the foundations of adult amateur artistic activity by exploring the factors that motivate individuals to engage in it, how they allocate their time compared to paid employment, and the ways in which they become involved in artistic pursuits and communities. The study identifies the factors that encourage adults to engage in regular creative leisure practices. The theoretical framework for interpreting the empirical data serves sociological, philosophical, and psychological theories of creativity and leisure.

Keywords: amateur art of adults, hobbies, serious leisure, soft skills, art, self-realization, self-activity

For citation: Garbuzov I. S., Ambarova P. A. Amateur art as a means of creative self-realization for adults. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics.* 2026;(3):18–32. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-18-32>

Введение

Жизнь современного человека пронизана экзистенциальными переживаниями, связанными с его потребностями в самовыражении и самореализации, с поисками личного счастья. В разные исторические эпохи этот вопрос по-разному ставился, осмыслялся и решался. Так, средневековый традиционализм, заключавшийся в практически полном воспроизводстве ценностей от поколения к поколению, не заострял проблемы личности, одиночества, существования. Например, вопрос выбора профессии для большинства не являлся сложным: ремесло переходило от отца к сыну, от мастера к подмастерью, принадлежность к сословию заранее определяла поведенческую модель, в основе которой лежал конформизм [1]. Гуманизм эпохи Возрождения отразил идею воплощения себя через творчество. Развитие образования, рационализма и рефлексии, учения о правах и свободах в Новое время усилило индивидуалистские тенденции в обществе. Брак, работа, увлечения в капиталистической формации становятся личным выбором индивида, а не его родителей и социального окружения. В современном обществе выбор семьи, профессии, способа самореализации не делается окончательно до наступления зрелого возраста, а может осуществляться и в 30, и в 50 лет. Иными словами, индивидам сегодня доступна возможность изменения жизненной стратегии, и это не является аномалией [2].

Вышесказанное становится социологической проблемой, суть которой отражается в вопросе: в каких сферах человек себя реализует наиболее полно и как распределяет для этой цели свое время? Сегодня мы нередко наблюдаем систематическое занятие самодеятельным художественным творчеством во взрослом, зрелом и даже пожилом возрасте. В то же время этот феномен недостаточно изучен, особенно изнутри, то есть с учетом мнения самих акторов. При этом очевидно, что его изучение носит междисциплинарный характер и может быть реализовано на стыке социологии, психологии и философии.

Мы ставим целью выявить основы так называемой аматерной деятельности взрослых. Цель реализуется в изучении предпосылок обращения и мотивации к этой деятельности, определении ее места в бюджете времени по сравнению с трудовой занятостью, а также описании сценариев включения в нее, вовлеченности в художественные сообщества.

Обзор литературы

На рубеже XIX–XX вв. обществоведы обращаются к исследованиям соотношения работы и досуга. Т. Веблен выделяет целый «праздный класс», для которого характерно проведение времени нетрудовым способом [3]. Ф. Гиддингс, а вслед за ним П. Сорокин обращаются к изучению бюджетов времени [4]. В СССР это направление развивал С. Г. Струмилин [5]. Позже Ж. Дюмазедье посвящает свои работы исследованию досуга, понимая последний не просто как отдых от работы, а как поле для самореализации в нетрудовой сфере [6]. Дальнейшее развитие этих идей наблюдается в теории «серьезного досуга» канадского социолога Р. Стеббинса, считающего регулярные досуговые практики основой для альтернативной карьеры вне профессиональной деятельности [7]. В России исследованию свободного времени были посвящены работы Г. Е. Зборовского [8].

Параллельно в социологии разрабатывалась проблема творчества и искусства, например, в работах Т. Адорно [9], Р. Флориды [1], Л. Н. Когана [10]. Досуг начинает рассматриваться в качестве пространства креативности. В поле зрения исследователей попадают аматерные практики (художественное любительство), которым отводится важная роль в самореализации при дефиците креатива в профессии.

Согласно концепции Э. Эриксона главное позитивное качество периода взрослости — генеративность (в противовес негативному — отчаянию), которая включает продуктивность и креативность [11]. Потребность в творчестве в зрелом возрасте становится более осознанной, нежели в детстве и юношестве. Если у подростков через креатив проявляются бунт, максимализм, поиск себя, то уже для ранней взрослости характерны развитие рефлексии, аналитического мышления, сопоставление индивидуальных потребностей и потенций с общественными условиями [12]. В то же время возникают экзистенциальные переживания, вызванные недостаточной удовлетворенностью профессией, семейной жизнью, социальным положением даже при высоком материальном достатке. Индивид сравнивает устремления юности со своим нынешним состоянием. Это состояние ярко передано в культовых кинофильмах 1999 г. «Красота по-американски» С. Мендеса и «Бойцовский клуб» Д. Финчера, где герои, переживающие кризис среднего возраста, пытаются внести в свою жизнь свежую струю, хотя и весьма деструктивными методами.

Один из вариантов обретения полноты бытия, нахождения «тихой гавани» в терминах А. Шопенгауэра [13], способа достойной жизни в условиях трагичной и

противоречивой действительности — это искусство. Вне творческих профессий обращение к нему возможно в рамках любительства, самодеятельности.

Одно из важных условий самореализации личности — наличие способности к креативности [14], которая понимается как свойство индивида проявлять творчество, создавать новое. В психологии, начиная с А. Маслоу, некоторыми исследователями креативность рассматривается в качестве потребности личности, обусловленной наличием сознания, интеллекта [15]. На раскрытие творческого потенциала личности воздействует ее социальное окружение. Оно может как способствовать, так и препятствовать этому процессу [16]. В то же время творческий индивид сам влияет на общество, например, консолидируя усилия других людей в своей деятельности, создавая креативные команды [1].

В управлении персоналом креативность сегодня называют метанавыком — одним из базовых качеств индивида, способствующих развитию гибких навыков (soft skills), таких как планирование, критическое мышление, эмоциональный интеллект, гибкость и адаптивность [17]. По данным опроса работодателей, проведенного сервисами «Работа.ру» и «СберПодбор» в 2025 г., креативность занимает второе место среди ключевых компетенций, необходимых в профессиональной деятельности [18]. Однако на практике сферы труда значительно различаются степенью применимости креативных навыков.

Раскрытию творческого потенциала личности наиболее способствует занятость в креативных индустриях. К ним, в соответствии с отечественным законодательством, относятся следующие виды экономической деятельности: искусство, программирование и проектирование, реклама, гастрономия, музеи, медиа и СМИ, отдых и развлечения, кино и телевидение, книжное дело, дизайн, народные промыслы и ремесла, мода, видеоигры, связи с общественностью [19]. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, в 2024 г. в креативных индустриях была занята почти 1/16 часть работающего населения России [20]. Сильный творческий компонент включают также профессии в образовании, науке, индустрии красоты.

В то же время в отдельных отраслях мы сталкиваемся с рутинизацией и бюрократизацией трудовых процессов, что ведет к трудностям творческой реализации работников. Это напрямую не связано с социально-экономическим статусом и престижем профессии: от грузчиков до чиновников. Можно привести примеры неуместного «креатива» при выполнении трудовых функций: составление излишне детализированных отчетов, создание электронных презентаций с большим количеством эффектов анимации, введение эстетических элементов без необходимости. Даже в профессиях, изначально имеющих творческий характер, существует проблема дегуманизации. Это характерно для бюджетной сферы. В образовании имеют место перегибы: административный управленческий аппарат стремится строго регламентировать работу педагогов через микроконтроль и чрезмерно формализованную систему отчетности [21].

Обобщая представленные в обзоре идеи, раскрывающие те или иные аспекты изучаемой проблемы, отметим, что работы социологов, философов, психологов создали серьезный теоретико-методологический фундамент для исследования аматорной деятельности взрослых. В то же время конкретные социологические исследования, раскрывающие и верифицирующие на эмпирическом материале теоретические положения, не были проведены. Это и определяет актуальность, новизну, цель и задачи нашей статьи.

Материалы и методы

Основной метод нашего исследования — традиционный анализ документов. Девяти жителям Екатеринбурга (4 мужчин и 5 женщин) в возрасте от 32 до 67 лет, занимающимся любительским художественным творчеством, в марте 2026 г. было предложено написать автобиографическое эссе с акцентом на своих художественных увлечениях.

Дополнительно были проанализированы публикации на личных страницах участников исследования в социальной сети «ВКонтакте». В выборку попали восемь человек с высшим образованием, один — со средним профессиональным. Сферы трудовой занятости авторов эссе: юриспруденция, педагогика (кандидат наук), информационные технологии и сотовая связь, торговля, металлургия, пищевая промышленность. Все, кроме двух участников исследования, имеют постоянное место работы (более 10 лет). Двое вышли на пенсию после многолетнего преподавания в колледже. Один исследуемый регулярно посвящает досуг сразу четырем видам творчества (музыке, сочинению стихов и песен, живописи, графическому дизайну). Еще один пишет сказки и занимается декоративно-прикладным искусством. Регулярно публикуют посты о своем творчестве восемь авторов эссе, лишь в одном профиле записей не было с ноября 2025 г.

Результаты

Часто истоки творческого хобби взрослого могут находиться в детстве: это посещение кружков и секций, компаний по интересам, принадлежность к субкультуре. Тогда объяснение возвращения к занятию искусством в зрелом возрасте возможно через социологическую теорию непреднамеренных последствий Р. Мертон [22], получившую дальнейшее развитие у Э. Гидденса [23]. Актор не в состоянии полностью оценить и осознать эффект своего действия, особенно долгосрочный. Влияние на индивида социальных институтов и процессов приводит к трудно прогнозируемым результатам в будущем. Например, ребенок, который в детстве занимался изобразительным искусством, но впоследствии осознанно стал инженером, может вернуться к рисованию, даже если этого не планировал.

Наше исследование четко показало справедливость данного теоретического предположения. Одна из исследуемых (женщина 32 лет, юрист по профессии, занимающаяся вокалом параллельно с основной работой) отмечала, что ее родители обожали

петь на досуге, а сама она окончила музыкальную школу, *«но дальше не пошла»*. Вернулась к этому спустя 10 лет. Другой изучаемый (менеджер, 54 года) пишет, что все началось с подростковой самодеятельности: *«гитару начал осваивать лет в 12 в детском клубе»*. Автор еще одного эссе (мужчина 60 лет, сетевой инженер в вузе, играющий на гитаре, сочиняющий стихи и песни) вспоминает, что сначала была меломания, прослушивание пластинок с приятелями: *«Услышав песни Джорджа Харрисона в 1975 году, я проникся невероятной пластичностью его песен. Это стало тропинкой к моему будущему увлечению»*. Ему захотелось самому музицировать. Он попросил отца, владевшего гитарой, показать несколько аккордов, и подростком вместе с друзьями стал осваивать инструмент. Подобный же путь к творчеству описал и сорокалетний преподаватель вуза, музыкант: *«Дома были проигрыватель и небольшая коллекция винила — в основном русский рок, бардовские песни, хорошая эстрадная музыка. Я любил приходить из школы и, пока никого нет дома, по кругу слушать пластинки, делая вид, что играю на гитаре и пою... А чуть позже появились аудиокассеты у старшего брата с записями "Дорз", "Пинк Флойд", Майка Науменко и так далее»*.

В нашем исследовании был выявлен другой сценарий «входа» в самодеятельное художественное творчество — это поиск путей творческой самореализации в зрелом возрасте как средство разнообразить жизнь, раскрыть личностный потенциал, расширить социальные связи. Начальник отдела в металлургической компании (45 лет) начал заниматься вокалом с 2021 г. (*«потому что люблю петь, но хотел научиться это делать красиво»*). Другая участница исследования (женщина 44 лет, инженер на заводе, ведущая активный образ жизни, увлечения путешествиями, спелеологией), признается, что занялась живописью 15 лет назад, посетив мастер-класс. Увлечение рисованием дополнило путешествия (*«я рисовала горы, реки, водопады»*). Похожая ситуация у женщины-педагога 55 лет, которая раньше эпизодически сочиняла стихи на праздники и юбилеи, а после выхода на пенсию 3 месяца провела в Индии, где стала писать регулярно: *«главное желание, которое меня сподвигло — найти точные выражения своим впечатлениям от увиденного в новой культуре и рассказать друзьям»*. В своем эссе преподаватель вуза (кандидат наук, 40 лет), со школы начавший играть в рок-группе, писать стихи и песни, отметил, что творчество порождает творчество. Поэтому занятие живописью, начавшееся 5 лет назад, стало для него органичным дополнением других креативных практик. В его случае также сыграл роль и детский опыт: в младших классах некоторое время он посещал художественную школу.

Две участницы исследования (женщины с филологическим образованием) систематически занялись литературным творчеством после выхода на пенсию. Они объясняют свое увлечение появившимся свободным временем, а значит, новыми возможностями для самореализации, *«когда жизнь в основном сводится к плите и огороду, а душе все еще "летать охота"»*, *«это как вторая жизнь»*. Обе они считают, что писа-

тельство стало логическим продолжением профессиональной деятельности преподавателя («урок — *тоже процесс творческий*»).

Мотивы занятия любительским творчеством у исследуемых близки к феномену самоактуализации в понимании А. Маслоу, то есть к потребности во внутренней цельности, креативности, верности своей природе [24]. «Я понял, что каждая из этих сфер — музыка, наука, живопись, поэзия, дизайн — это отдельный язык, с помощью которого я описываю один и тот же мир», — сообщает 40-летний преподаватель, кандидат наук. Кроме того, творчество — это источник эмоционального удовлетворения («фонтируешь идеями, ощущаешь полет мысли»; «после концерта ощущаешь подъем»; «то чувство, когда ты на своем месте»; «занимаюсь делом, которое мне тоже по душе»; «я счастливый человек... давно уже не занимаюсь тем, что мне не нравится»). Креативность для участников нашего исследования выступает в качестве средства самопознания, повышения самооценки («в этом я чувствую, что остаюсь по-прежнему молодым», «просто искусство дает разные инструменты, чтобы описать то, что я вижу и чувствую»; «для меня живопись сродни медитации, когда я на несколько часов могу просто "отключиться" от реальности»).

Обобщая материалы эссе, мы выявили важный фактор занятия творческим досугом — наличие сообщества, разделяющего интересы и ценности индивида (клуб авторской песни, музыкальный коллектив, групповые занятия). За счет интеграции в такое сообщество авторы эссе получают общественное признание: «параллельно втянулся в широчайшее творческое сообщество авторской песни, сотрудничаю со многими авторами-исполнителями Урала в качестве аранжировщика и гитариста»; «возможность знакомиться с творчеством других исполнителей, получать кайф как от своего голоса, так и от голосов других артистов-вокалистов»; «насколько это у меня получается — судить никак не мне, но народ приходит к нам на концерты»; «книгу я выпускать не собиралась, но от друзей был запрос»; «мои авторские сувениры понравились и туристам, и местным, это вдохновило на то, чтоб придумывать какие-то интересные вещи и дальше»; «за два года я вошла в поэтические сообщества, принимая участие во всероссийских литературных конкурсах и фестивалях». Для одного из авторов (женщины 44 лет) мотив одобрения был преобладающим. Удовлетворение данной потребности даже привело к охлаждению интереса к живописи: «желание отпало, почти у каждого друга есть мои картины в квартире, дарить их стало не актуально, сейчас нахожусь в творческом поиске».

Важный признак «серьезного» досуга — стремление повысить квалификацию, уровень мастерства. Это оказалось характерным для большинства исследуемых, которые в разных форматах получают образование в творческой сфере. Начальник отдела промышленной компании 45 лет «заниматься начал в 2021 году, пройдя курс из 24 занятий в школе вокала». Женщина 55 лет на пенсии «в социальной сети наткнулась на объявление о наборе в бесплатную поэтическую онлайн-студию» и с тех пор регулярно

посещает мастер-классы, творческие семинары. Юрист 32 лет сообщает: *«знаний мне показалось недостаточно, я поступила в Институт современного искусства в Москве, который закончила в 2025 с отличием»*. Писательница 67 лет *«на заре своего графоманства участвовала в литературных вебинарах»*. Бард 65 лет занимается на курсах вокала и активно делится впечатлениями об этом на своей странице в «В Контакте».

Особенность всех участников исследования, кроме вышедших на пенсию, в том, что для них занятие творчеством остается в определенной мере частью дихотомии «до-суг/работа», поскольку основным источником дохода является иная трудовая деятельность, от которой зависит планирование концертов, наличие свободного времени. То есть авторы эссе вынуждены работать, чтобы оплачивать свое творчество (*«главным препятствием для хобби стало обилие работы и усталость после нее»*; *«уйти полностью в одну профессию тяжело, так как творческая деятельность достаточно непостоянный вид заработка»*; *«преподавателем я себя не считаю особо, занимаюсь этим, чтобы был какой-то стабильный заработок»*; *«в свои 54 года так и не смог монетизировать свое занятие музыкой»*). Лишь двое исследуемых — преподаватель и юрист — говорят, что творчество стало вторичной занятостью, приносит дополнительный доход (*«музыка давно стала отчасти работой, так как я получаю деньги за концерты»*; *«люди покупают мои картины»*). Те же два автора эссе выступают в ВИА с привлечением профессионалов: *«я чувствую свою ответственность за музыкантов, некоторые из которых, кроме как музыкой, ничем не зарабатывают»*.

Из части эссе видно, что основная трудовая деятельность расценивается авторами в качестве некоторой помехи творческим занятиям. Так один из авторов рад свободному рабочему графику: *«я могу позволить сам выстраивать свое расписание»*. Другой исследуемый отметил, что отсутствие фактической занятости на рабочем месте позволяет заниматься хобби в рабочие часы (*«Свободного времени у меня было просто немерено! Я... приносил на работу гитару... а обед у нас растягивался на два часа!»*). Третий делится, что живопись — это отдых от тяжелой профессиональной деятельности (*«работа заместителем начальника отдела очень стрессовая, а в студии тишина, красота красок и чистого холста»*).

При этом двое исследуемых считают, что нашли баланс между основной работой и творческими увлечениями. Женщина, занимающаяся декоративно-прикладным искусством, сообщает, что *«научилась сочетать свое хобби с работой»*, даже сделала одну коллаборацию своих сувениров с пастилой (работает в пищевой промышленности). Преподаватель заявляет: *«я занимаюсь тем, что люблю, и сделал это своей работой, будь то музыка, наука или преподавание»*.

В нескольких эссе авторы говорят, что не претендуют на профессионализм своих увлечений (*«не называю это стихами, потому что я не поэт»*; *«профессиональной писательницей я себя не считаю»*; *«творческих планов особых нет»*; *«профессионалом нигде себя не ощущаю, предпочитаю говорить не "я — музыкант", а "я — человек, ко-*

торый пишет музыку"», «не могу назвать свое писательство серьезным творчеством»). При этом четверо исследуемых ощущают рост, оценивают свой уровень мастерства в сфере искусства близко к профессиональному, получили признание профессионального сообщества (победы в престижных конкурсах, выступления на крупных мероприятиях, запись альбомов, получение дохода). В качестве аргументов они пишут: «возросла ответственность перед читателями, слушателями... за результат своего труда, поэтому, думаю, это уже не хобби»; «журналы печатают мои стихи»; «считаю себя профессионалом в музыке»; «всегда хочется сделать на 5+, иначе не стоит выходить на сцену»; «эмоциональная составляющая... стала подчиняться некой системе... поэтический текст приобретает гармонию и законченность».

Из девяти исследуемых шесть человек полагают, что на этом жизненном этапе искусство приносит удовлетворение сильнее, чем работа («все же больше я реализую себя в творчестве»; «музыка, словно вирус, в душу мне проникла»; «тут я, наверное, немного покривила душой: пожалуй, писательство все-таки доставляет больше приятных моментов»; «внутреннее мое ощущение, то, как я сам себя идентифицирую, — это в первую очередь музыкант»; «конечно, реализуюсь я в творчестве, а не в работе»). Один из участников исследования — 32-летняя женщина-юрист — даже рассматривает в качестве возможного варианта профессионального сценария уход в творческую сферу — концертная деятельность и преподавание вокала. Она прилагает усилия для этого: «самое тяжелое для меня — самопродвижение, сейчас приходится осваивать и это направление».

Независимо от субъективной оценки степени профессионализма своих занятий большинство исследуемых планируют продолжать творческую деятельность: выступать с концертами, издавать книги, обучаться: «ведется работа над записью 60 песен и нескольких моих инструментальных композиций»; «вот сейчас начал на экстрим-вокал ходить... чтобы применять в тех или иных треках»; «много планов по записи наработанного материала»; «постоянно повышаю свою экспертность».

Обсуждение и выводы

К творческим практикам респондентов применимо понятие социолога Ж. Дюмазедье «полудосуг» — занятия частично утилитарными, частично безвозмездными делами [25]. В этом наблюдается размытие структуры бюджетов времени в современном обществе. В эссе преподавателя вуза и музыканта сказано: «у меня нет острого разделения на работу и творчество или работу и хобби, все это органично связано». Данная цитата из эссе близка к еще более радикальной точке зрения социолога Ж. Бодрийяра о том, что оппозиция труд/досуг есть миф общества потребления. Нормы рабочего времени экстраполируются на свободное время и его содержание, а творчество и созидание вообще не может быть названо досугом [26].

Мы сталкиваемся с экзистенциальной проблемой витального воплощения человека [27]. Современная общественная система предлагает усредненный жизненный сценарий, одним из ключевых аспектов которого является профессиональная самореализация. Но в чем она заключается? В принесении пользы обществу, в построении карьеры, в достижении высокого статуса, в получении крупного дохода? А что, если для личности эти параметры не являются достаточными мотиваторами деятельности?

По данным опроса ВЦИОМ 2024 г., лишь 36 % респондентов в возрастной категории с 35 до 60 лет отметили, что осознанно подошли к выбору профессии, то есть после школы понимали, чем хотят заниматься. Среди других факторов поступления на конкретную специальность лидируют пример (21 %) или рекомендации (17 %) родителей. При выборе колледжа или вуза 52 % опрошенных опирались на собственный интерес, 28 % желали высокооплачиваемую работу, 24 % хотели быть востребованными на рынке труда [28]. Следовательно, мы сталкиваемся с еще одной проблемой: значительное количество абитуриентов выходит из школы профессионально неориентированным.

В культуре множество примеров людей, пришедших в креативную индустрию без профильного образования (рок-музыканты В. Цой, В. Бутусов, А. Полева); кто, проработав определенное время по полученной специальности, изменил профессиональную траекторию и углубился в творчество (бард А. Розенбаум, режиссер В. Абдрашитов).

Участники нашего исследования находятся в похожей ситуации. Неудовлетворенность профессией при высоком творческом потенциале личности приводит к поиску иных путей самореализации [29]. На основе анализа биографических эссе выделяем четыре ведущих взаимосвязанных между собой фактора вовлечения взрослых в регулярные досуговые креативные практики. Первый — внутренняя потребность. Эту идею выразил А. Шопенгауэр утверждением, что настоящее творчество осуществляется ради самого творчества [13]. Второй — компенсация рутинной или бюрократизированной трудовой деятельности. Третий — потребность в признании, желание выразить себя. Четвертый — культивируемая в современном обществе ориентация на саморазвитие. В данном случае творчество находится в одном ряду модных практик: ретриты, путешествия, занятия в тренажерном зале, тренинги личностного роста и т. д.

Главными предпосылками возникновения творческого хобби взрослых являются недостаточная удовлетворенность профессией, жизнью в целом, наличие свободного времени, опыт творчества, полученный в детско-юношеском возрасте. Среди мотивов аматорной деятельности выделяются самоактуализация, самопознание, стремление повысить самооценку, стать частью сообщества единомышленников, дополнить другие увлечения. В бюджетах времени творческие занятия более важны, чем основная трудовая деятельность. Им посвящается значительная часть досуга. Основные сценарии развития — дальнейшее совершенствование творческих навыков (самообразование), профессионализация увлечения, стремление сделать хобби источником дохода.

Выводы

Исследование феномена любительского художественного творчества взрослых позволило раскрыть этот вид деятельности как один из важных способов самореализации человека, показав наряду с этим его потенциал как вида досуга и (иногда) вторичной занятости. Эмпирические данные, полученные посредством изучения биографических эссе, профилей в соцсети «ВКонтакте» и проанализированные методом традиционного анализа документов, послужили для подтверждения фундаментальных положений и гипотез, выдвинутых социологами ранее. Проведенное исследование позволило взглянуть на проблему аматорной деятельности взрослых с позиций самих ее участников.

Обобщение полученных данных привело к выводу, что основными предпосылками обращения взрослых к художественному самодеятельному творчеству являются детский и юношеский опыт (участие в кружках, секциях, субкультурных сообществах). Многие из участников аматорной деятельности, по сути, возвращаются к творчеству, а не впервые открывают его для себя. Этот вывод согласуется с теорией непреднамеренных последствий, согласно которой некоторые поступки или активность в прошлом могут быть внутренне и закономерно связаны с их последствиями в будущем.

Важными триггерами возвращения к художественному творчеству во взрослом возрасте оказываются неудовлетворенность профессией, работой, в целом жизнью. Рутинность (бытовая или трудовая), бюрократизация и отчуждение стимулируют людей искать возможности самореализации в креативных практиках, как бы «вспоминая» свой детский и юношеский опыт. Конечно, одна (но не главная) из предпосылок обращения к творчеству связана с тем, что оно вписывается в модные тренды и соответствует популярным хобби. Для той части взрослых, которые занимаются аматорной деятельностью на пенсии, особое значение имеет фактор избыточного свободного времени и дефицит досуговых практик, релевантных их потребностям.

В целом проведенное исследование вполне соотносится с концепцией А. Маслоу, поскольку подтверждает приоритет в структуре мотивов занятия аматорной деятельностью стремления к самоактуализации, повышению самооценки, эмоциональному удовлетворению, самопознанию, а также потребности в признании, принадлежности к сообществу, сохранению и расширению социальных связей. Последние обуславливают стремление участников самодеятельного творчества войти в сообщества.

Между тем, проблемным звеном художественной деятельности взрослых можно считать соотношение их креативных практик с трудовой занятостью. С одной стороны, часть из них сознательно дистанцируется от профессиональной художественной деятельности, несмотря на то, что аматорная активность довольно полно занимает их сознание и бюджет времени. С другой стороны, рост мастерства и признание позволяет достигать уровня, близкого к профессиональному. Между тем анализ места творчества в бюджете времени работающих взрослых показывает, что аматорная деятельность

остается досугом, который не заменяет основную работу, хотя последняя, если имеет гибкий график, может позволять размывать границы между ней и досугом.

Аматерная деятельность взрослых требует дальнейшего исследования. Его направлениями могут стать выявление корреляций с социально-демографическими характеристиками акторов, изучение творческих сообществ любителей, бюджетирование (доходы от креативных практик и расходы на них).

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contributions

All authors contributed equally to the preparation of the manuscript.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interests.

Список источников

1. Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. Москва: Классика-XXI; 2007. 421 с.
2. Солодникова И. В. *Самореализация личности в зрелом возрасте (социологический анализ): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук*. Москва, 2007. 56 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/samorealizatsiya-lichnosti-v-zreлом-voznraste-sotsiologicheskii-analiz?ysclid=mtl45t1kbf999484866>
3. Веблен Т. *Теория праздного класса*. Москва: Прогресс; 1984. 367 с.
4. Скорая И. Г. Структура свободного времени: теоретический аспект. *Социологический альманах*. 2019;(10):91–97.
5. Струмилин С. Г. *Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 году*. Москва: Вопросы труда; 1924. 156 с.
6. Дюмазедье Ж. *Планирование досуга и культурное развитие*. Образование взрослых и досуг в современной Европе. Прага: Обрис; 1966. С. 51–59.
7. Стеббинс Р. Свободное время: к оптимальному стилю досуга: (взгляд из Канады). *Социологические исследования*. 2000;(7):64–72.
8. Зборовский Г. Е. *Критика современной буржуазной «социологии досуга»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук*. Свердловск; 1965. 20 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006193676/?ysclid=mtl74m4clg748720797
9. Адорно Т. *Избранное: Социология музыки*. Москва: Университетская книга; 1998. 445 с.
10. Коган Л. Н. *Социология культуры*. Екатеринбург: Уральский государственный университет; 1992. 120 с.
11. Эриксон Э. *Детство и общество*. Санкт-Петербург: Летний сад; 2000. 415 с.
12. Дымченко И. В. *Ранняя взрослость. От юношеского максимализма к творческой активности и самореализации*. Сайт психологов В17.ру. 11 апреля 2022. URL: <https://www.b17.ru/article/366923/> (дата обращения: 28.03.2026)

13. Шопенграуэр А. *Мир как воля и представление*. Москва: РИПОЛ классик; 2020. 616 с.
14. Шаврина К. Г., Рушина М. А. Изучение вопроса творческой самореализации личности. *Человеческий капитал*. 2018;(7):158–163.
15. Гетманская Е. В. Личность: креативные характеристики. *Педагогика и психология образования*. 2010;(1):25–33.
16. Бессарабов-Гончаров М. В. Влияние социальной среды на формирование творческого потенциала личности в обществе поздней современности. *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. 2014;(33):86–91.
17. Годорозя Е. А. *Креативность — метанавык современного педагога*. Корпоративный университет московского образования: сайт. 29.01.2024. URL: <https://corp-univer.ru/setevoe-izdanie/stolichnoe-obrazovaniye/kreativnost-metanavyk-sovremennogo-pedagoga/> (дата обращения: 28.03.2026).
18. *Работодатели рассказали о главных навыках для карьеры в 2025 году. Исследование Работа.ру и СберПодбор*. Работа.ру: сайт. URL: <https://press.rabota.ru/rabotodateli-rasskazali-o-glavnykh-navykakh-dlya-karery-v-2025-godu> (дата обращения: 28.03.2026).
19. Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50912?ysclid=mnk0qn8chd916048966> (дата обращения: 28.03.2026).
20. Кулакова А. *Опыт плюс III: какие кадры нужны креативным индустриям*. РБК Отрасли: сайт 1 декабря 2025. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/69281b889a79474b2f84f525?ysclid=mnk1ai9l15318081689> (дата обращения: 28.03.2026).
21. Огоновская И. С. Пространство педагогической креативности и факторы ее ограничения. *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2013;(5):9–15.
22. Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия. *Социологический журнал*. 2009;(2):5–17.
23. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press in association with Basil Blackwell, Oxford; 1986, 402 p.
24. Маслоу А. *Мотивация и личность*. Санкт-Петербург: Питер; 2019. 400 с.
25. Гаспарян В. Г. «Общество досуга» в работах Ж. Дюмазедье, М. Каплана, К. Робертса. *Научный альманах*. 2018;(11-3):191–194.
26. Бодрийяр Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. Москва: Республика; 2006. 269 с.
27. Руди А. Ш. *Антропная витальность: явление и сущность: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук*. Омск, 2003. 13 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_521037/
28. *Профориентация: хорошо, но мало!* ВЦИОМ Новости: сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientacija-khorosho-no-malo> (дата обращения: 28.03.2026).
29. Горбунова Г. А. Анализ причин смены профессионального профиля взрослыми людьми. *Сибирский педагогический журнал*. 2009;(13):46–49.

References

1. Florida R. *The rise of the creative class and how it's transforming work, leisure, community and everyday life*. Moscow: Classics-XXI; 2007. 421 p. (In Russ.).
2. Solodovnikova I. V. (2007). *Self-realization of a personality in adulthood (sociological analysis): abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences*. Moscow,

- 56 p. (In Russ.). URL: <https://www.dissercat.com/content/samorealizatsiya-lichnosti-v-zrelo-m-vozhra-ste-sotsiologicheskii-analiz?ysclid=mtl45t1kbf999484866>
3. Veblen T. *The theory of the leisure class; an economic study in the evolution of institutions*. Moscow: Progress; 1984. 367 p. (In Russ.).
4. Skoraya I. G. Structure of free time: the theoretical aspect. *Sociological Almanac*. 2019;(10):91–97. (In Russ.).
5. Strumilin S. G. (1924). *The budget of the time of the Russian worker and peasant in 1922–1923*. Moscow, 1924. 156 p. (In Russ.).
6. Dumazedier J. *Leisure planning and cultural development*. Adult education and leisure in modern Europe, Prague: Obris; 1966. pp. 51–59. (In Russ.).
7. Stebbins R. Free time: towards an optimal leisure style (a view from Canada). *Sociological Research*. 2000;(7):64–72. (In Russ.).
8. Zborovsky G. E. *Criticism of Modern Bourgeois "Sociology of Leisure": abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences*. Sverdlovsk; 1965. 20 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006193676/?ysclid=mtl74m4clg748720797
9. Adorno T. *Selected works: The Sociology of Music*. Moscow; 1998. 445 p. (In Russ.).
10. Kogan L. N. *Sociology of Culture*. Yekaterinburg: Ural State University; 1992. (In Russ.).
11. Erikson E. *Childhood and Society*. Saint Petersburg: Summer Garden; 2000. 415 p. (In Russ.).
12. Dymchenko I. V. *Early adulthood: From youthful maximalism to creative activity and self-realization*. Website of psychologists B17.ru. April 11, 2022. (In Russ.). URL: <https://www.b17.ru/article/366923/>
13. Schopenhauer A. *The World as Will and Representation*. Moscow: RIPOL classic; 2020. 616 p. (In Russ.).
14. Shavrina K. G., Rushina M. A. Studying the issue of creative self-realization of a personality. *Human capital*. 2018;(7):158–163. (In Russ.).
15. Getmanskaya E. V. (2010). Personality: creative characteristics. *Pedagogy and psychology of education*. 2010;(1):25–33. (In Russ.).
16. Bessarabov-Goncharov M. V. (2014). The impact of social environment on the formation of personal creative potential in the society of late modernity. *Current issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history*. 2014;(33):86–91. (In Russ.).
17. Godorozya E. A. *Creativity as a meta-skill of a modern teacher*. Corporate University of Moscow Education website. 29.01.2024. (In Russ.). URL: <https://corp-univer.ru/setevoe-izdanie/stolichnoe-obrazovaniye/kreativnost-metnavyk-sovremennogo-pedagoga/>
18. *Employers have shared the key skills for a career in 2025. A study by Rabota.ru and SberPodbor*. Work.ru: website (In Russ.). URL: <https://press.rabota.ru/rabotodateli-rasskazali-o-glavnykh-navykh-dlya-karery-v-2025-godu>
19. *Federal Law No. 330-FZ of 8 August 2024 "On the Development of Creative (Creative) Industries in the Russian Federation"*. (In Russ.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50912?ysclid=mnk0qn8chd916048966>
20. Kulakova A. *Experience plus AI: what kind of talent do creative industries need*. RBC Industries: website, December 1, 2025. (In Russ.). URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/69281b889a79474b2f84f525?ysclid=mnk1ai9115318081689>
21. Ogonovskaya I. S. The space of pedagogical creativity and its limitations. *Innovative projects and programs in education*. 2013;(5):9–15. (In Russ.).

22. Merton R. (2009). The unanticipated consequences of purposive social action. *Sociological Journal*. 2009;(2):5–17.
23. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press in association with Basil Blackwell, Oxford; 1986, 402 p.
24. Maslow A. *Motivation and personality*. Saint-Petersburg: Piter, 2019. 400 p. (In Russ.).
25. Gasparian V. G. "Leisure Society" in the works of J. Dumazedieu, M. Kaplan, K. Roberts. *Scientific Almanac*. 2018;(11-3):191–194. (In Russ.).
26. Baudrillard J. *Consumer Society*. Moscow: Respublika; 2006. 269 p. (In Russ.).
27. Rudy A. Sh. *Anthropic Vitality: Phenomenon and Essence: abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophical Sciences*. Omsk, 2003. 13 p. (In Russ.). URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_521037
28. *Career guidance is good, but not enough!* News from the All-Russian Center for Public Opinion Research. Retrieved from. (In Russ.). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientacija-khorosho-no-malo>
29. Gorbunova G. A. Analysis of the reasons for the change of professional profile by adults. *Siberian Pedagogical Journal*. 2009;(13):46–49. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Гарбузов Игорь Сергеевич, педагог-организатор, Екатеринбургский монтажный колледж, г. Екатеринбург, rogirbacon@gmail.com

Igor S. Garbuzov, Teacher-organizer, Ekaterinburg Assembly College, Yekaterinburg, rogirbacon@gmail.com

Амбарова Полина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, borges75@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>

Polina A. Ambarova, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology and Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, borges75@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>

Поступила в редакцию / Received 20.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 22.06.2026

Принята к публикации / Accepted 25.06.2026

Научная статья / Original research article

УДК 316.334.2

DOI: <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-33-57>

EDN: NFUKDQ

Культура труда студенческой молодежи: от ценностей к формированию стратегии трудового поведения

Л. С. Ковальжина*, А. А. Орлова

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

*kovalzhinal@tyuiu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования культуры труда студенческой молодежи Тюменской области. Теоретико-методологическим основанием исследования служит ценностно-смысловой и социокультурный подходы, рассматривающие культуру труда как систему норм, ценностей и смыслов, конструируемых в пространстве взаимодействия институциональных образцов и субъективных ожиданий молодежи, определяющих отношение к трудовой деятельности и опосредующих формирование стратегий трудового поведения. Эмпирическую базу составили данные формализованного опроса ($n = 221$) и фокус-групповых исследований ($N=2$), проведенных в апреле — июне 2026 г. среди обучающихся учреждений высшего и среднего профессионального образования Тюменской области. Выявлена индивидуалистическая и ресурсно-центрированная модель жизненных приоритетов студенческой молодежи, в которой доминируют ценности физического и психического благополучия, а также самореализации. Мотивационная структура выбора профессии характеризуется сочетанием содержательной направленности (интерес к деятельности, профессиональное развитие) и инструментальных ожиданий (достойная заработная плата, карьерный рост). На основе контент-анализа ассоциативных рядов зафиксирована амбивалентность коллективных представлений о труде, сочетающая позитивные самохарактеристики (ответственность, трудолюбие) с критическими оценками (лень, безответственность), что отражает внутреннюю неоднородность ценностного поля исследуемой группы. На основе анализа поведенческих индикаторов (зарплатные ожидания, готовность к сверхурочной работе, территориальная мобильность, причины увольнения) предложена типология трудовых стратегий, включающая модели стратегической и вынужденной незанятости, целевой, ситуативной и вынужденно-официальной занятости, профильной прекарности, а также предпринимательских ориентаций. Предложенная типология трудовых стратегий рассматривается как результат субъективного соотнесения внешних культурных образцов с собственными жизненными планами молодежи и ценностными ориентациями. Показано, что большинство карьерных траекторий характеризуются краткосрочным горизонтом планирования и адаптивно-прагматическим типом поведения, при котором найм остается доминирующей стратегией, а предпринимательские намерения носят преимущественно декларативный характер и сопряжены с завышенными зарплатными ожиданиями, ориентированными на высокодоходные сегменты рынка труда. Результаты исследования вносят вклад в социологию культуры, конкретизируя механизмы формирования трудового поведения студенческой молодежи, показывая, как ценностные ориентации и сформированные социальные нормы опосредуют выбор поведенческих стратегий в сфере занятости. Выявленная динамика свидетельствует о формировании культуры труда студенческой молодежи, в которой инструментальная рациональность сочетается с ценностно-рациональными ориентирами справедливости, достоинства и самореализации.

Ключевые слова: культура труда, социология культуры, трудовые ценности, студенческая молодежь, стратегии трудового поведения, прекарность, социология труда

Для цитирования: Ковальжина Л. С., Орлова А. А. Культура труда студенческой молодежи: от ценностей к формированию стратегии трудового поведения. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2026;(3):33–57. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-33-57> EDN NFUKDQ

Work culture of student youth: from values to the formation of work behavior strategies

Larisa S. Kovalzhina*, Anna A. Orlova

© Л. С. Ковальжина, А. А. Орлова, 2026

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
*kovalzhinals@tyuiu.ru

Abstract. This article presents the results of an empirical study of work culture among students in Tyumen Region. The theoretical and methodological basis of the study consists of value-based and sociocultural approaches that view work culture as a system of norms, values, and meanings constructed through the interaction of institutional models and the subjective expectations of young people, which determine their attitudes to work and shape their behavioral strategies. The empirical data were obtained through a formalized survey ($n = 221$) and two focus groups ($N = 2$), conducted from April to June 2026 among students of higher education institutions and colleges in the Tyumen Region. The study identifies an individualistic, resource-centered model of life priorities among student youth. This model prioritizes physical and mental well-being alongside self-realization. Motivational structure of career choice is characterized by a combination of substantive focus (interest in the activities, professional development) and instrumental expectations (decent income, career advancement). A content analysis of associative series reveals an ambivalence in collective perceptions of work, combining positive self-characteristics (responsibility, diligence) with critical assessments (laziness, irresponsibility). This reflects an internal heterogeneity of the value field of the study group. Based on an analysis of behavioral indicators (salary expectations, willingness to work overtime, spatial mobility, factors leading to dismissal), the authors propose a typology of work strategies. This typology includes strategic and involuntary unemployment, targeted, situational, and precarious employment, professional precarity, and entrepreneurial orientations. The proposed typology of work strategies reflects a subjective synthesis of societal expectations and individual life plans among youth. The study shows that most career trajectories are based on a short-term planning horizon and an adaptive, pragmatic behavior pattern. Hiring remains the primary strategy, while entrepreneurial intentions are often declarative and associated with high salary expectations focused on the high-income market segments of the labor market. The study's results contribute to the sociology of culture by clarifying how work behavior develops among students and how values and social norms influence their employment choices. The identified dynamics indicate the emergence of a new work culture, in which instrumental rationality coexists with value-based and rational guidelines of justice, dignity, and self-realization.

Keywords: work culture, cultural sociology, work values, student youth, work behavior strategies, precarity, sociology of labor

For citation: Kovalzhina L. S., Orlova A. A. Work culture of student youth: from values to the formation of work behavior strategies. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics.* 2026;(3):33–57. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-33-57>

Введение

На протяжении последних десятилетий происходила системная трансформация российского рынка труда, что выразилось в структурной перестройке занятости, сокращении численности экономически активного населения, развитии промышленного сектора и сферы услуг. В этот период обозначился устойчивый дефицит квалифицированных кадров, усиленный диспропорциями между запросами работодателей и предложением со стороны профессионального образования, а также ростом процессов прекариатизации, охватывающих различные социально-профессиональные группы. Дополнительным фактором изменений выступает и цифровизация, трансформирующая как содержание труда, так и формы занятости. В сложившейся ситуации студенческая молодежь занимает особое положение. С одной стороны, эта социально-демографическая группа является стратегическим кадровым резервом, аккумулирующим человеческий капитал для экономики региона и страны, а с другой — ее социальный статус характеризуется высокой степенью неопределенности, обусловленной совмещением образовательной и

трудовой деятельности в условиях неполной занятости и дефицита профессионального опыта. Что мотивирует молодых людей при выборе профессии и трудовой деятельности в целом, какими ценностными ориентирами и нормами они при этом руководствуются и какие формируются стратегии трудового поведения — ключевые вопросы, на которые авторы статьи ищут ответы.

Представления о труде, ожидания и ценностные ориентации молодежи конституируются в рамках конкретного социокультурного поля, которое задает границы восприятия и интерпретации социальной реальности. С одной стороны, в нем транслируются институциональные образцы трудового поведения (нормы профессионализма, этика труда, модели карьерного роста и др.), с другой — неформальные смыслы, циркулирующие в повседневных коммуникациях молодежных сообществ. Для различных возрастных, образовательных и территориальных когорт молодежи это культурное пространство структурируется по-разному: городская и сельская молодежь, студенты технических и гуманитарных специальностей, представители разных социально-экономических слоев — каждая группа актуализирует определенные сегменты ценностного поля и по-своему их интерпретирует. При этом ключевую роль играет механизм субъективного соотнесения внешне заданных культурных образцов с собственными жизненными ожиданиями и планами. В процессе этого соотнесения происходит своего рода фильтрация и верификация смыслов: одни идеи получают эмпирическое подтверждение через личный опыт или опыт референтных групп, другие — опровергаются практикой, третьи — трансформируются, адаптируясь к реальным условиям деятельности. В результате внешние культурные паттерны не просто усваиваются пассивно, но активно встраиваются в индивидуальные когнитивные схемы, формируя тем самым устойчивый образ социальной реальности, который в дальнейшем выступает ориентиром для трудовых решений и поведенческих стратегий. Следовательно, любые феномены, наблюдаемые в сфере молодежной занятости — будь то выбор профессии, отношение к нестандартным формам работы, готовность к мобильности или восприятие цифровизации труда — не могут быть в полной мере поняты вне их социокультурной обусловленности.

Литературный обзор

Культура труда, с позиции социологии, в широком смысле понимается как ценностно-нормативная система, которая придает трудовой деятельности смысл, формирует восприятие и организацию трудовой деятельности. Это нематериальное измерение труда, которое определяет его моральное значение, социальный порядок и повседневные практики. Культура не просто отражает экономические условия, но и активно направляет экономическую деятельность, придавая ей человеческое измерение. По оценке Л. Гриндстаффа культура труда «представляет собой наборы ценностей, верований, норм и чувств по отношению к работе, а также символов и ритуалов, которые их выра-

жают» [1]. При этом по оценке Г. Н. Соколовой культура труда — это «система внешне-биологически выработанных механизмов <...>, благодаря которым стимулируется, программируется, координируется и реализуется деятельность субъектов труда» [2].

Современное социологическое изучение культуры труда студенческой молодежи опирается на несколько теоретических подходов и эмпирических направлений, каждое из которых акцентирует внимание на определенных аспектах ценностно-смыслового конструирования трудовой реальности.

Ценностно-смысловой подход к исследованию культуры трудовой деятельности молодежи ориентирован на изучение структуры ценностно-мотивационных смыслов как оснований профессиональной идентичности. Как отмечает Д. В. Вельмисова, «в период получения профессионального образования происходит активное вхождение в профессию и начинается формирование профессиональной идентичности», а любому виду деятельности свойственна «групповая система ценностей, определяющая культуру профессии, т. е. характеризующие ее содержание ценности и нормы» [3]. С этой позиции культура труда выступает как система ценностей, смыслов и норм, определяющих идентичность и задающих вектор поведения работников [3]. При этом ценностно-смысловые механизмы рассматриваются в качестве основы установления связей индивида с социально-культурными общностями, способствуя его активной или пассивной адаптации в процессе смыслообразования в профессиональной деятельности.

В русле социокультурного подхода, развиваемого в работах Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, представление о сущности труда раскрывается как социокультурный феномен, обусловленный связью с определенным типом культуры. Авторы обосновывают концепцию социокультурных оснований конструирования молодежью образа труда, исследуя процесс формирования культурного пространства и роль различных типов культуры в образовании смыслов, наполняющих характеристики образа труда и выступающих в качестве смысловых оснований ожиданий молодых людей [4]. Ключевым механизмом здесь выступает саморегуляция отношения к труду, которая показана «как процесс реализации ожиданий, в доверии или недоверии к труду» [4]. Исследователи подчеркивают, что конструирование новых представлений молодежи о труде происходит «посредством противоречивого взаимодействия традиционных и современных смысловых образцов», а связь моделей саморегуляции с терминальными и инструментальными ценностями труда коррелирует с «адаптационным» и «духовным» типами культуры [4].

Особое место в литературе занимает проблематика прекариатизации студенческой молодежи. Исследования показывают, что студенты, находясь в переходном состоянии, могут приобретать опыт и характеристики, свойственные представителям прекариата: временность и гибкость работы, отсутствие трудовых гарантий, работа не по специальности, отсутствие перспектив карьерного роста [5]. Как отмечают Н. Л. Антонова и Е. Л. Бахтин, «вторичная занятость студентов становится драйвером

рекрутинга в класс прекариата», при этом «нетипичная трудовая занятость привлекает студенческую молодежь возможностью иметь собственные финансовые средства, сохраняя связь с родительской семьей». Ориентация на высокую заработную плату, а также гибкий график труда выступают «лидирующими факторами выбора будущего места работы» [6].

Эмпирические исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи широко представлены в исследовательском поле. В работе О. В. Китайцевой и М. А. Кокоулиной на материалах общероссийского опроса 2023 г. (N = 6757) выявлено, что мотивация к труду российских студентов связана преимущественно со стратегиями достижения материального благополучия, самореализации и построения профессиональной карьеры [7]. При этом почти половина студентов (47,6 %) согласна с суждением «Труд — это дело: чем лучше платят, тем больше делаю», что свидетельствует о доминировании инструментального отношения к труду, тогда как только 15 % респондентов готовы вложить в труд «все лучшее, независимо от заработка» [7]. Эти данные показывают рассогласование между инструментальными и терминальными ценностями труда, что непосредственно влияет на формируемые молодежью поведенческие стратегии: приоритет материальной мотивации задает вектор ориентации на высокодоходные сегменты рынка труда, часто вне зависимости от полученной специальности.

Динамика трудовых ценностей в процессе обучения становится предметом особого внимания в лонгитюдных исследованиях. Анализ панельных данных «Мониторинга студенческой жизни» (2016, 2019, 2020) демонстрирует, что в процессе обучения в университете студенты меняют ценностные приоритеты: если на начальных курсах доминируют ориентации на интересную работу и высокий доход, то к выпуску возрастает значимость социальных гарантий и общественной полезности труда [8]. Эта трансформация свидетельствует о динамическом характере формирования культуры труда: ценностные структуры не являются статичными, а претерпевают изменения под влиянием институциональной среды университета, накопления профессионального опыта и столкновения с реальными практиками рынка труда.

Типология ценностных стратегий представлена в сравнительном исследовании В. С. Половинко и И. В. Диннер (2018–2024), где на основе кластерного анализа выделены три устойчивых типа ценностных стратегий у молодежи: инвестиционно-комбинационный, диффузно-адаптивный и институционально-защитный кластеры [9]. Особый интерес представляет эмпирически зафиксированное авторами «уплощение» ценностной иерархии, отражающее переход от жестко иерархичной модели к полицентрической конфигурации трудовых ожиданий [9].

Институциональные факторы формирования трудовых ценностей рассматриваются в работе А. А. Поплавской, где на материалах интервью со студентами российских вузов анализируется роль семьи в трансляции трудовых установок [10]. Автор показывает, что отцы преимущественно транслируют содержательные смыслы работы и

инструментальные ценности, тогда как матери оказывают более многоаспектное, но неявное влияние на мировоззренческие установки [10]. Эти данные позволяют утверждать, что формирование культуры труда студенческой молодежи детерминируется не только актуальной институциональной средой вуза и рынка труда, но и ценностными паттернами, интернализованными на ранних этапах социализации.

Таким образом, обсуждаемые исследования раскрывают многогранность сущности и процесса формирования культуры труда студенческой молодежи и создают теоретико-эмпирическую базу для ее изучения. Показанный принципиальный разрыв между ценностным уровнем культуры труда (декларируемые ориентации, ожидания, идеальные представления о труде) и поведенческим уровнем (реальные стратегии занятости, совмещение учебы и работы, готовность к нестандартным формам занятости) не является случайным артефактом, а отражает глубинное противоречие между культурными образцами, транслируемыми в процессе социализации и институциональными условиями рынка труда, которые часто не оставляют молодежи иного выбора, кроме инструментальной адаптации.

Материалы и методы

Для изучения ценностей, мотивирующих к труду и формируемых стратегии трудового поведения студенческой молодежи, было проведено пилотное исследование — формализованный опрос обучающихся очной формы учреждений среднего и высшего профессионального образования Тюменской области ($n = 221$ чел., полевой этап исследования: апрель — июнь 2026 г.; доверительный интервал 6,0 %, доверительная вероятность 90 %) и фокус-группы ($N = 2$, май 2026 г.). В статье представлен фрагмент исследования.

Результаты и обсуждение

Исследуя ценности и стратегии трудовой деятельности, отметим, что большинство респондентов находится на этапе первичного профессионального самоопределения — периоде, когда конструирование образа труда и трудовых ожиданий осуществляется во многом посредством рефлексии чужого опыта, а не собственной трудовой практики. Большинство респондентов (68 %) получают высшее образование по программам бакалавриата и специалитета, 9 % продолжают обучение в магистратуре, 22 % осваивают программы среднего профессионального образования. Наибольшее число респондентов — 66 % — находится в возрастном диапазоне от 18 до 21 года. Возрастную группу до 18 лет представляют 9 % опрошенных, 22–24 года — 18 %, старше 24 лет — 7 %. Третья часть респондентов (38 %) совмещает учебу с работой, из них лишь 9 % заняты по направлению подготовки, соответствующему профилю обучения. Для 28 % вопрос трудоустройства остается актуальным, хотя и нерешенным. Доля работающих студентов демонстрирует тенденции последних двух десятилетий, описанные исследователя-

ми ранее [11]. Среди респондентов есть как занятые на условиях трудового договора, так и студенты, включенные в прекарные формы занятости, что позволяет говорить о том, что трудовые ориентации таких обучающихся основаны уже на личном опыте.

Анализируя значимые жизненные ценности, важно отметить, что респонденты, отвечая на вопрос «Что для вас сейчас самое важное?», в большинстве отмечали приоритет физического здоровья (55 %), психического здоровья (43 %) и самореализации (43 %). Распределение восьми наиболее значимых жизненных ценностей представлено на рисунке 1. Наблюдается выраженная «интравертированная» направленность: доминируют ценности, ориентированные на внутренние ресурсы личности, тогда как ценности, связанные с другими людьми и обществом в целом, отходят на второй план. Подобная направленность не лишена внутренней логики: именно устойчивое физическое и ментальное состояние выступает значимым основанием социальной и профессиональной субъектности индивида, его способности к целенаправленной трудовой деятельности. Вместе с тем обращает на себя внимание практически полное отсутствие в числе ведущих приоритетов ценностей, связанных со «значимыми другими». Исключение составляют категории «любовь» и «карьера и статус в обществе», допускающие, однако, широкий и неоднозначный спектр интерпретаций. Ценности «семья», «помощь близким», «продолжение себя в будущих поколениях» оказались представлены лишь во второй половине ранжированного списка — обстоятельство тем более примечательное, что среди респондентов преобладают женщины, которым данные ориентации традиционно приписываются в рамках сложившихся социокультурных образцов. Тем самым в ответах исследуемой группы традиционные ценностные паттерны уступают место более индивидуализированным и инструментально окрашенным ориентациям, что находит отражение и в конструируемом образе труда.

Рис. 1. Распределение значимых жизненных ценностей, в % от числа респондентов (множественный выбор)

Fig. 1. Distribution of significant life values, % of respondents (multiple choice)

При оценке мотивации выбора специальности среди респондентов отмечается личная референтность, индивиды соотносят варианты выбора с собственными представлениями о желаемом будущем. Лишь 21 % респондентов указали, что их выбор был обусловлен рекомендациями родителей, друзей или знакомых; 8 % отметили, что по данной специальности работает кто-то из их окружения. Основная часть опрошенных осуществила выбор специальности, исходя из представлений о тех выгодах, которые избранная профессия способна обеспечить как в перспективе (возможность карьерного роста, достойный заработок), так и в настоящем (соответствие индивидуальным способностям, возможность приобрести или развить востребованные навыки). Наиболее распространенные мотивы выбора представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Приоритетные мотивы выбора специальности, в % от числа респондентов (множественный выбор)

Fig. 2. Priority reasons for choosing a specialty, % of respondents (multiple choice)

В ответах респондентов доминирует содержательная ориентация на труд, выражающаяся в стремлении к интересной работе и профессиональному развитию, которая сочетается с инструментальной мотивацией, связанной с ожиданиями достойного заработка и карьерного продвижения. Показательно, что в число восьми наиболее актуальных мотивов не вошли варианты, свидетельствующие об избегающей стратегии выбора: «легко учиться», «невысокая плата за обучение», «дает возможность легко найти работу». Отсутствие подобных ориентаций в ведущих позициях указывает на то, что профессиональное самоопределение исследуемой группы в большей мере определяется активной субъектной позицией, нежели стремлением минимизировать усилия.

Контент-анализ ответов на открытый вопрос «Какими словами вы могли бы описать отношение к труду и работе представителей своего поколения в целом? Какие ассоциации возникают?» показал определенную амбивалентность в коллективных представлениях студенческой молодежи об отношении своего поколения к труду. Поколение одновременно описывается как «ответственное» (16 %) и «трудолюбивое»

(13 %), и как «ленивое и безответственное» (14 %). Это противоречие отражает не столько непоследовательность суждений, сколько внутреннюю неоднородность исследуемой группы и сосуществование в ее культурном пространстве разнонаправленных смысловых образцов. Вместе с тем общая тональность самооценок носит преимущественно позитивный характер (табл. 1).

Таблица 1. Контент-анализ ответов, демонстрирующих отношение к труду/работе (top-10)
Table 1. Content analysis of responses reflecting attitudes towards work/ employment (top 10)

Кластер	Включенные ответы	Частота, %
Ответственность / добросовестность	Ответственно, добросовестно, ответственность, преданность делу, трудоспособность, ответственность, ответственно, старательно, ответственное, оригинальное, доброе	16
Деньги / материальная мотивация	Деньги; заработать больше денег; работают, чтобы заработать деньги; большая з/п; трудятся, если хорошо платят; работать ради выгоды, положительное отношение; деньги нужны	15
Лень/ безответственность	Лень, ленивые, лентяи, безответственность, пофигизм, безответное, не стараются, ищут легкий путь, халатное, никто работать не хочет	14
Трудолюбие / усердие / старание	Трудолюбие и дисциплина; трудяги; трудолюбивые, но не все; усердие, стремление, старательные, ответственные; ребята стараются; трудоголики; работаю прям на все 100 процентов	13
Самореализация/ смысл / призвание	Самореализация, осознанный выбор, призвание, поиск себя, удовольствие, свое дело, результативность, работа со смыслом, что работа необходима, свое дело и интересы, мечты, знания, легкость, опыт	12
Баланс работы и жизни	Баланс работы и личной жизни, отношение нормальное, без перегибов, без одержимости, справедливость, четкое распределение времени, уважение своего времени, мы умеем отстаивать свои границы	10
Гибкость / адаптивность	Гибкий, осмысленный, балансный, гибкость, самореализация, адаптация, адекватное, четкое, с умением отстаивать личные границы, чувствительность к токсичности, осознанность, адаптивность, мобильность	10
Целеустремленность / амбиции / карьерный рост	Целеустремленность, деньги, заработок, карьера, развитие, стремление к развитию и совершенству, стремление, желание продвинуться, трудолюбие, карьерный рост, умный, смелый, целеустремленный	10
Свобода / автономия / самостоятельность	Свобода действий, свобода графика, личная автономия и самостоятельность, достижение, свобода, легкость, свобода и возможности, тяга к свободе, борьба с рамками	9
Справедливость / отстаивание прав / границы	Требуем к себе человеческого отношения, справедливость, выгода; мы четко понимаем свои обязанности и не работаем сверхурочно без вознаграждения; нежелание работать, избирательность, высокие требования	8

Мотивационная компонента в отношении к труду характеризуется двойственностью. Материальные стимулы занимают доминирующее положение (15 %), однако нематериальные ориентации — самореализация, призвание, содержательный интерес к деятельности — удерживают значимые позиции (12 %). Данное соотношение согласуется с выводами, полученными при изучении студенческой молодежи Свердловской области: «среди мотивов выбора профессии доминируют прагматичные мотивы дохода и карьерного успеха. Содержательные, внутренние мотивы продолжают терять свою значимость» [11]. Вместе с тем респондентам важен баланс труда и личной жизни (10 %), свобода и автономия (9 %), а также справедливость и права на границы (8 %), что в совокупности образует устойчивый запрос на достоинство и уважение в трудовых отношениях — ориентацию, характерную для современной молодежи и отражающую процессы пересмотра жестких институциональных ограничений в сфере занятости.

Участники фокус-групп подтвердили выявленную тенденцию, отвечая на вопрос о том, что привлекает их в текущей трудовой деятельности, акцентируя внимание прежде всего на характере управленческих отношений и степени предоставляемой автономии: «лояльность руководства, нет каких-то штрафов, санкций, психологического давления» (жен., 22 года); «достаточно свободен в действиях, могу сам распорядиться своим временем» (муж., 22 года). Показательна в этом отношении развернутая характеристика негативного трудового опыта: «на прошлом месте нравилось только рабочее место и оплата труда, но ничего не побуждало меня работать лучше. Я хотела сбежать оттуда через месяц, потому что это тюрьма» (жен., 21 год), — метафора, в концентрированной форме выражающая переживание труда как принудительного и отчужденного. В ответах на вопрос о факторах, способных повысить трудовую отдачу, инструментальная мотивация присутствует, однако не является исчерпывающей: «нужна денежная мотивация, чтобы я работал лучше» (муж., 22 года). Значительно чаще респонденты называют признание, видимость результата и уважение со стороны руководства: «когда видят заслуги, результаты» (жен., 20 лет); «признание значимости моей работы» (жен., 22 года); «для меня очень важно уважение ко всем» (жен., 21 год); «что сами руководители продвигают оставаться не только здесь, на этой должности, но идти дальше» (жен., 20 лет). Таким образом, при наличии инструментальных ожиданий от труда, ценности свободы, уважения и признания образуют самостоятельный и устойчивый смысловой пласт в конструируемом образе трудовых отношений.

Респонденты подчеркивают значимость межличностной компоненты в трудовой деятельности. Среди ведущих факторов удовлетворенности трудом выделяют «качество коллектива» и поддерживающую атмосферу в рабочей группе: «больше всего нравится коллектив, очень дружный, очень помогающий, понимающий» (жен., 23 года); «дружелюбный коллектив, который помог мне адаптироваться в начале своего пути, подсказывали, помогали и многому обучили» (жен., 23 года); «коллектив принял меня тепло» (муж., 22 года). Показательно и обратное: дефицит коммуникации внутри тру-

дового коллектива воспринимается как значимый источник неудовлетворенности — «мы настолько загружены, что мы друг с другом не общаемся» (жен., 23 года). В совокупности 75 % опрошенных отметили, что поддерживающая атмосфера в рабочей команде положительно сказывается на их трудовой деятельности, что свидетельствует об устойчивой ориентации исследуемой группы на солидарность и взаимопомощь как значимые характеристики образа желаемого труда.

Полученные данные в целом позволяют заключить, что студенческая молодежь демонстрирует к трудовой деятельности позитивное отношение, в основе которого лежит сочетание инструментальных ожиданий с выраженным запросом на справедливость, признание и достоинство в трудовых отношениях.

Ценностные ориентации и мотивационные установки, рассмотренные выше, образуют субъективное смысловое основание трудового поведения студенческой молодежи, однако сами по себе не раскрывают механизма их реализации в конкретных поведенческих паттернах. Иными словами, зафиксированные диспозиции не дают ответа на вопрос о том, какие решения студенты принимают в отношении занятости в настоящий момент, каким образом выстраивают трудовой путь в условиях совмещения учебы с работой и какими представляют собственные карьерные траектории. Переход от «что важно» к «как действую» — от ценностей к стратегиям — и составляет предмет дальнейшего анализа. На основе анализа количественных и качественных данных рассмотрим актуальные модели трудового поведения как работающих, так и незанятых обучающихся, их карьерные планы, проведем типологизацию выявленных трудовых стратегий.

В настоящем исследовании трудовая стратегия понимается как устойчивая система, включающая горизонт планирования, актуальные решения относительно занятости и характер встраивания трудовой деятельности в образовательный процесс. В таком понимании стратегия выступает одновременно и результатом саморегуляции — конструирования молодым человеком собственной жизненной траектории в условиях неопределенности, — и формой объективации конструируемого образа труда в реальных поведенческих практиках.

Проведенное исследование выявило, что наиболее распространенной среди респондентов является стратегия продолжения обучения (72 %). Подобная направленность согласуется с общей логикой инструментализации образования как ресурса, повышающего конкурентоспособность на рынке труда, и одновременно отражает стремление молодых людей к отсрочке окончательного профессионального самоопределения в условиях структурной неопределенности рынка труда. Распределение намерений продолжить обучение в зависимости от уровня образовательной программы и пола респондентов представлено на рисунке 3. Отмечается статистически значимая связь между уровнем образования и намерением продолжить обучение ($\chi^2 = 67,66$, $p = 0,001$).

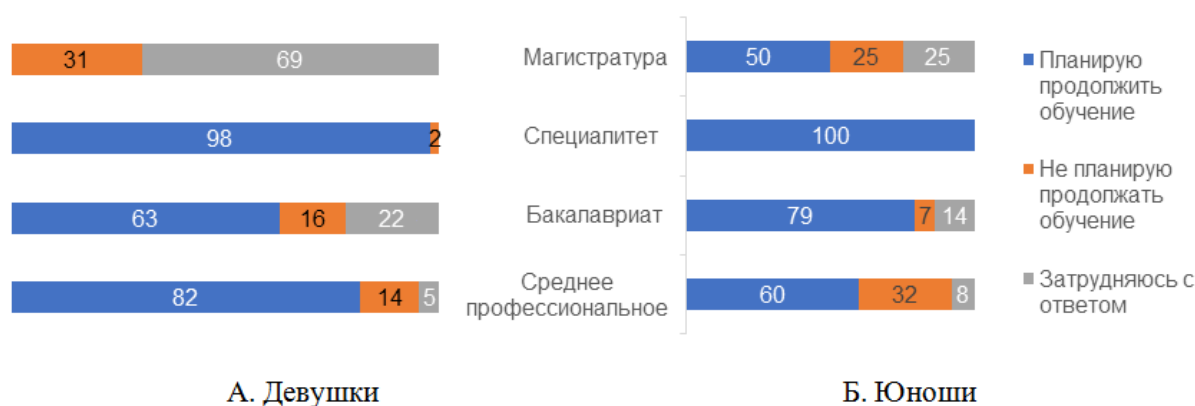

Рис. 3. Распределение намерений продолжить обучение в зависимости от уровня образовательной программы, в % от числа обучающихся по уровню и полу
Fig. 3. Intentions to continue education by level of the educational program, % of the students by educational level and gender

Большая часть респондентов (62 %) не трудоустроены, однако данная совокупность не является однородной. Внутри нее обнаруживаются принципиально различные поведенческие паттерны и стратегические ориентации. Более половины незанятых составляют «стратегически незанятые» — студенты, у которых отсутствует актуальная необходимость в трудоустройстве и которые сознательно отдают приоритет образовательному процессу. Вторую значимую часть, 28 % от общей численности опрошенных, составляют «вынужденно незанятые»: молодые люди, ориентированные на трудовую деятельность, однако в силу различных обстоятельств не имеющие возможности найти подходящее место занятости либо откладывающие трудоустройство до наступления определенных условий (например, начала каникул, прохождения практики, получения диплома, возвращения в родной город).

Оба зафиксированных паттерна текущего статуса занятости — активный поиск работы и осознанный отказ от нее в пользу обучения — объединяет одна существенная характеристика: краткосрочный горизонт принятия решений. В обоих случаях студенты реагируют на актуальные обстоятельства, не формулируя развернутой карьерной стратегии. Между тем трудовое поведение не исчерпывается решением «работать сейчас или нет» — это лишь один из его уровней. Не менее значимым является средне- и долгосрочное карьерное целеполагание: каким образом студент намерен встроиться в рынок труда после завершения обучения — через наемный труд, государственную службу, самозанятость или предпринимательскую деятельность.

Практически половина опрошенных студентов (49 %) не исключают возможность открытия собственного бизнеса в ближайшие три года, что свидетельствует о достаточно высоком уровне предпринимательской ориентации в студенческой среде Тюменской области. Подавляющее большинство позитивно настроенных (37 %) пребывают в состоянии неопределенности: не отвергая идею предпринимательства, не располагают сформированным планом ее реализации. Преобладание неопределенных ответов

(69 % респондентов выбрали срединные варианты шкалы) допускает двойственную интерпретацию. С одной стороны, подобная позиция может отражать реалистичную осторожность молодых людей, осознающих сложность предпринимательской деятельности. С другой стороны, она может интерпретироваться как отсутствие сформированной карьерной стратегии и связанного с ней устойчивого горизонта планирования — характеристика, согласующаяся с общей краткосрочностью принятия решений, зафиксированной в поведении исследуемой группы.

Данные фиксируют существенный гендерный разрыв в предпринимательских намерениях, представленный на рисунке 4. Юноши в полтора раза чаще демонстрируют позитивную предпринимательскую ориентацию (65 против 41 % у девушек). Девушки почти вдвое чаще категорически отвергают возможность предпринимательства (23 против 12 %). Особенно показателен характер распределения ответов в группе «неопределившихся»: юноши тяготеют к оптимистичному варианту «возможно» (46 против 33 %), тогда как девушки — к пессимистичному «скорее нет» (36 против 23 %).

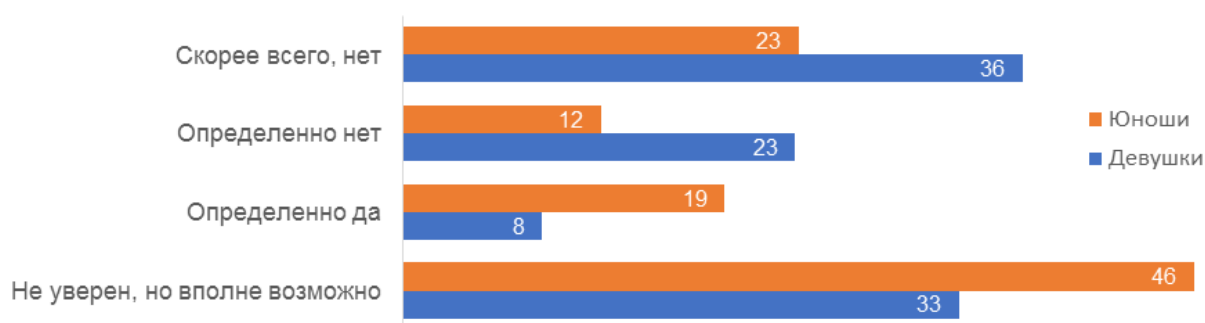

Рис. 4. Распределение намерений начала предпринимательской деятельности по полу, в %
Fig. 4. Intentions to start a business by gender, %

Выявленные предпринимательские намерения находятся в содержательной связи с ранее описанным отношением к труду (табл. 1): стремление к свободе и автономии в сочетании с выраженной материальной мотивацией образует потенциальную смысловую базу для ориентации на предпринимательскую деятельность как форму трудовой самореализации. В этом отношении предпринимательство может рассматриваться как один из способов реализации ожиданий, конструируемых в образе труда, и прежде всего ожиданий, связанных с достижением достойного заработка и независимостью в принятии решений.

С предпринимательскими намерениями могут коррелировать и завышенные зарплатные ожидания: студенты, ориентированные на высокий уровень дохода, способны рассматривать собственное дело как альтернативный способ его достижения в тех случаях, когда наемный труд не обеспечивает соответствующего уровня вознаграждения. Вместе с тем необходимо учитывать специфику социально-экономического контекста:

Тюменская область представляет собой нефтегазовый регион с развитым корпоративным сектором, что объективно повышает привлекательность стабильного трудоустройства в крупных компаниях и может частично нивелировать предпринимательские ориентации, снижая их конкурентоспособность в системе карьерных предпочтений молодежи.

Анализ зарплатных ожиданий респондентов выявил устойчивую тенденцию к завышенному материальному вознаграждению: медиана ожидаемого заработка располагается в диапазоне 100–129 тысяч рублей (рис. 5). Почти 70 % опрошенных рассчитывают на заработную плату, превышающую 100 тысяч рублей, 24 % — свыше 200 тысяч рублей. Применительно к югу Тюменской области подобные ожидания следует квалифицировать как завышенные относительно актуального уровня оплаты труда молодых специалистов без опыта или с незначительным опытом работы. Вместе с тем в контексте возможной занятости в ХМАО — Югре или ЯНАО, прежде всего в сфере добычи полезных ископаемых, обозначенные ориентиры в целом соответствуют сложившемуся уровню вознаграждения. Это обстоятельство с высокой степенью вероятности оказывает существенное влияние на карьерные планы и траектории обучающихся: не находя соответствующего уровня оплаты труда в Тюмени, студенты могут ориентироваться на трудоустройство в других регионах страны.

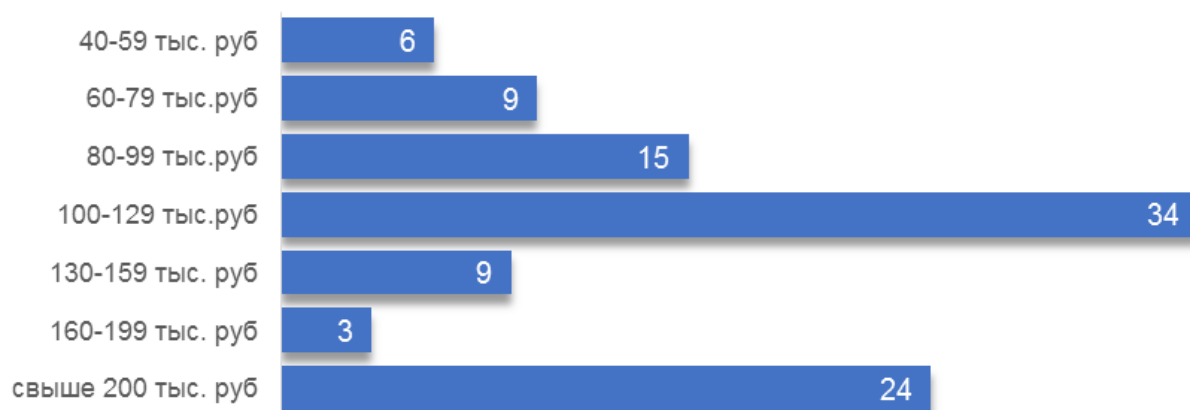

Рис. 5. Зарплатные ожидания респондентов, в %

Fig. 5. Respondents' salary expectations, %

Участники фокус-групп демонстрировали сопоставимые оценки. Лишь один респондент охарактеризовал свою заработную плату в диапазоне 40–59 тысяч рублей как справедливую применительно к выполняемому объему работы. Среди зарабатывающих до 100 тысяч рублей 62,5 % расценивают получаемое вознаграждение как несправедливое и зачастую недостаточное для обеспечения комфортного уровня жизни. Четверть респондентов, занятых вахтовым методом в районах Крайнего Севера с заработком свыше 100 тысяч рублей, считают данный уровень оплаты достаточным, однако не вполне справедливым и ориентируются на его увеличение до 160 тысяч рублей в течение

ние ближайших двух лет. Таким образом, даже среди молодежи с относительно высоким уровнем текущего дохода сохраняется устойчивое ощущение несоответствия между трудовыми усилиями и их материальным вознаграждением.

В культуре труда большое значение имеют нормативные установки молодых людей к легализованным трудовым отношениям. По оценкам 24 % респондентов, официальное трудоустройство с заключением трудового договора является крайне важным, для 22 % — «очень важно», 24 % опрошенных оценивают как «важно». Таким образом, норма официального трудоустройства имеет высокую значимость для подавляющего большинства респондентов несмотря на распространение проектной формы занятости и фриланса. Этот результат примечателен на фоне распространенности precarious занятости в студенческой среде. Высокая декларируемая ценность формального трудоустройства при фактической готовности к неформальной занятости может говорить о диспозиционном разрыве между установками и реальным поведением. В то же время, студенты могут соглашаться на такие форматы работы в условиях ограниченного выбора, при этом понимая ценность социальных гарантий, обеспеченных трудовым договором.

Оценка готовности к сверхурочной работе без оплаты является косвенным показателем мотивации и нематериальной направленности ценностных установок. По оценкам 97 % респондентов, они готовы именно к оплачиваемым переработкам; причем около трети (34 %) — 2–3 раза в неделю (рис. 6).

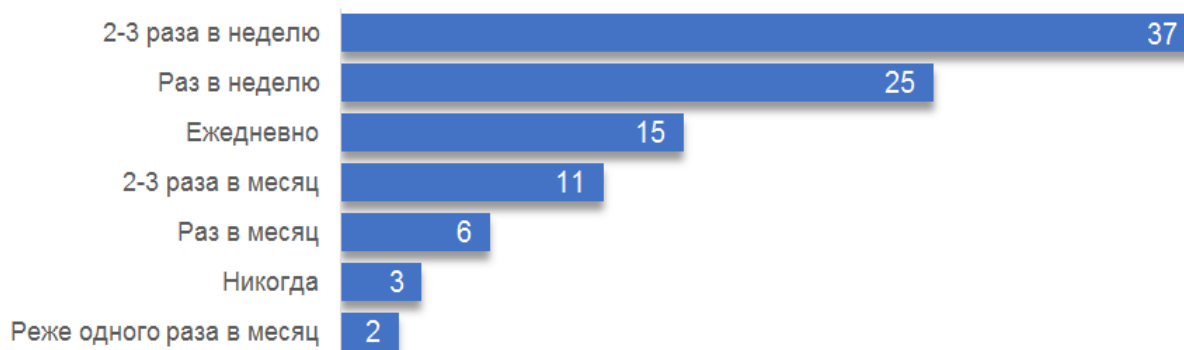

Рис. 6. Оценка частоты готовности к возможной сверхурочной работы при ее оплате, в %
Fig. 6. Willingness to work overtime if overtime is paid, %

Ежедневно готовы работать сверхурочно 14 %. Только 3 % категорически отказались от переработок независимо от оплаты. Это может свидетельствовать о высокой поведенческой гибкости: при наличии материального стимула большинство студентов готово существенно увеличивать интенсивность труда. Однако оценки меняются при отсутствии оплаты. Категорический отказ от неоплачиваемых переработок выразили 46 % (рис. 7). Тем не менее 54 % указывают на условную готовность к такой сверхурочной работе при наличии нематериальных стимулов: возможности карьерного роста (26 %), интересного содержания работы (22 %), социальной значимости (20 %) или солидарности с коллективом (7 %).

Сопоставление ответов позволяет выявить асимметричную модель трудовой отдачи: не отвержение интенсивного труда как такового, но четкого разграничения условий, при которых он приемлем. Явный приоритет материального вознаграждения сочетается с готовностью к повышенным усилиям ради содержательных стимулов. Особый интерес представляет связь возможности высокой трудовой отдачи с нормативным паттерном «Справедливость / отстаивание прав, границ», занявшим заметное место в контент-анализе (табл. 1) и нехарактерным для более старшего поколения.

Рис. 7. Оценка готовности респондентов к сверхурочной работе без оплаты, в % от числа респондентов (множественный выбор)

Fig. 7. Willingness to work unpaid overtime, % of respondents (multiple responses)

Изучение ценности гибкого графика работы проводилось через оценку выбора между материальным вознаграждением и гибким графиком. Вопрос о готовности пожертвовать частью заработной платы ради гибкого графика демонстрирует неопределенность позиций: большинство респондентов (47 %) затруднились с ответом. Столь высокая доля затруднившихся, вероятно, отражает реальную ситуацию выбора, с которой многие студенты еще не сталкивались на практике.

Ценности трудовой деятельности зачастую отражаются в оценках факторов, как мотивирующих к труду, так и демотивирующих, фиксирующихся в причинах готовности к увольнению с места работы. В оценках потенциальных причин увольнения респонденты в большинстве своем выделили «несоответствие оплаты труда и ее объема» (75 %) (рис. 8). Показательно, что речь идет не просто о низкой зарплате как таковой, а о воспринимаемой несправедливости соотношения вознаграждения и усилий. Это согласуется с данными по нематериальному поощрению и предпочтительному стилю руководства (рис. 9), а также подтверждается данными фокус-групп, где респонденты разграничивали «достаточную» и «справедливую» оплату. «Неуважительное отношение руководства» (72 %) в совокупности с «неуважительным отношением коллег» (42 %) и «конфликтами в коллективе» (23 %) формируют группу причин, упоминаемых чаще, чем любые другие. Третья по значимости группа причин — это карьерные перспективы: отсутствие или неясность возможностей карьерного роста (31 %) и отсутствие быстрого роста в течение 1–2 лет (14 %). При этом запрос на прозрачность карьерной траектории выражен сильнее, чем запрос на скорость продвижения,

что может свидетельствовать о том, что респондентам важен не столько темп роста, сколько предсказуемость «правил игры».

Относительно невысокую значимость демонстрируют организационные причины: неподходящий режим работы (25 %), отсутствие гибкого графика (8 %), отсутствие удаленной формы работы (3 %). Желание открыть собственный бизнес как причина для увольнения выказали 17 % респондентов — это также подтверждается данными о предпринимательских намерениях и частично подтверждает, что для части респондентов найм воспринимается как временная стратегия.

Рис. 8. Распределение потенциальных причин увольнения, в % от числа респондентов (множественный выбор)

Fig. 8. Potential reasons for leaving a job, % of respondents (multiple choice)

Отдельно выделим причины, находящиеся вне трудовых отношений, их нельзя устранить действиями работодателя. Их можно условно разделить на две подгруппы «мотивационный выход» (пассивная стратегия по Балашовой [12]) и «форс-мажорные обстоятельства».

Мотивационный выход, проявляющийся в нежелании работать вообще (8 %), — это не вынужденный уход, а сознательный отказ от занятости. К «форс-мажорным обстоятельствам» относятся ситуации, в которых у человека объективно или субъективно не остается выбора (проблемы со здоровьем (25 %), проблемы личного характера (8 %)). Примечательно, что здоровье здесь оказывается наиболее частой причиной, что

соотносится с доминированием физического и ментального здоровья в иерархии жизненных ценностей.

Поскольку на многие из перечисленных выше причин увольнения работодатель может влиять как напрямую, так и косвенно, через непосредственного руководителя, важно проанализировать качества идеального руководителя, выделяемые респондентами. Ответы на открытый вопрос «Напишите три самые важные качества руководителя» анализировались с помощью частотного анализа с выделением высокочастотных категорий.

Важным параметром, характеризующим ценностные и мотивационные ориентации, являются ожидания молодых людей поведения своего руководителя в отношении себя. Наиболее часто упоминается качество — «Ответственность», которое воспринимается опрошенными как базовое требование к руководителю (24 %). В целом, морально-этические качества в совокупности доминируют над всеми остальными категориями. Можно сказать, что студенты ценят прежде всего справедливость и честность руководителя, а не его формальный авторитет. На втором месте по значимости разместились социально-коммуникативные качества. Запрос на человеческого, понимающего, отчасти в родительской позиции руководителя звучит и в ответах фокус-групп. Сугубо управленческие навыки (стратегическое и системное мышление, умение делегировать и мотивировать) упоминаются значительно реже (2–5%). Интересно, что «Дисциплина» попала в топ-5 качеств идеального руководителя. Можно отметить, что студенческая молодежь принимает адекватные требования при условии их справедливости.

Рис. 9. Ожидания от «идеального руководителя», в % от числа респондентов (множественный выбор)

Fig. 9. Expectations of an “ideal leader”, % of respondents (multiple choice)

Контент-анализ показывает, что студенты ожидают от руководителя то, что, считают лучшим поощрением своей трудовой деятельности. Другими словами, сам стиль руководства воспринимается как форма нематериального вознаграждения (рис. 10). Требования к руководителю и к поощрению объединяет также запрос на прозрачность и предсказуемость рабочих отношений. Для сравнения этих двух факторов,

формирующих модели трудового поведения составлена матрица пересечений ответов респондентов относительно взглядов на качества руководителя и желаемое нематериальное поощрение трудовой деятельности. В представлениях студенческой молодежи размыта граница между «хорошим руководителем» и «хорошим поощрением»: уважение, признание и поддержка функционируют одновременно как ожидаемые качества руководителя и как желаемые формы вознаграждения.

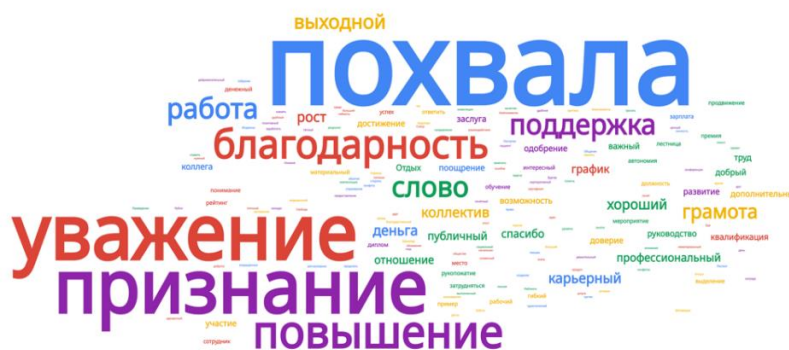

Рис. 10. Спектр мнений респондентов о желаемом нематериальном поощрении, в соотношении с числом упоминаний слова в общем числе ответов

Fig. 10. Respondents' opinions on desired non-material incentives, by frequency of mention per total responses

Изучение мотивации трудовой деятельности и ценностных ориентаций студенческой молодежи позволяет зафиксировать неоднородность. В структуре трудовой мотивации респондентов обнаруживается устойчивое сочетание двух типов ориентаций: прагматических, связанных с материальным вознаграждением и карьерным продвижением и содержательных, выражающихся в стремлении к значимой и интересной деятельности, профессиональной автономии и признанию со стороны окружающих. Примечательно, что определяющим критерием материальных ожиданий выступает не абсолютный размер дохода, а его соразмерность реально затраченным усилиям, что свидетельствует о сформированности у студентов устойчивых представлений о справедливости в качестве основания трудовых отношений. В иерархии жизненных ценностей ведущие позиции занимают физическое и психическое благополучие, а также самореализация — ориентации, образующие индивидуалистическую и ресурсно-центрированную модель жизнедеятельности, закономерно распространяющуюся и на сферу труда. Вместе с тем качество рабочей среды и межличностных отношений в коллективе, не получившее должного отражения в закрытых вопросах анкеты, обнаружило высокую значимость в процессе фокус-группового исследования: три четверти участников назвали поддерживающую командную атмосферу необходимым условием продуктивной трудовой деятельности.

Полученные данные о трудовой мотивации, ценностной ориентации, нормах и трудовом поведении студенческой молодежи позволяют выделить следующие стратегии (рис. 11):

1. Стратегическая незанятость.
2. Вынужденная незанятость.
3. Целевая занятость.
4. Вынужденно официальная занятость.
5. Ситуативная занятость.
6. Профильная прекарность.
7. Работа в северных округах (ХМАО — Югре / ЯНАО).
8. Работа на территории юга Тюменской области.
9. Временная работа в найме с переходом в предпринимательство.
10. Предпринимательство.

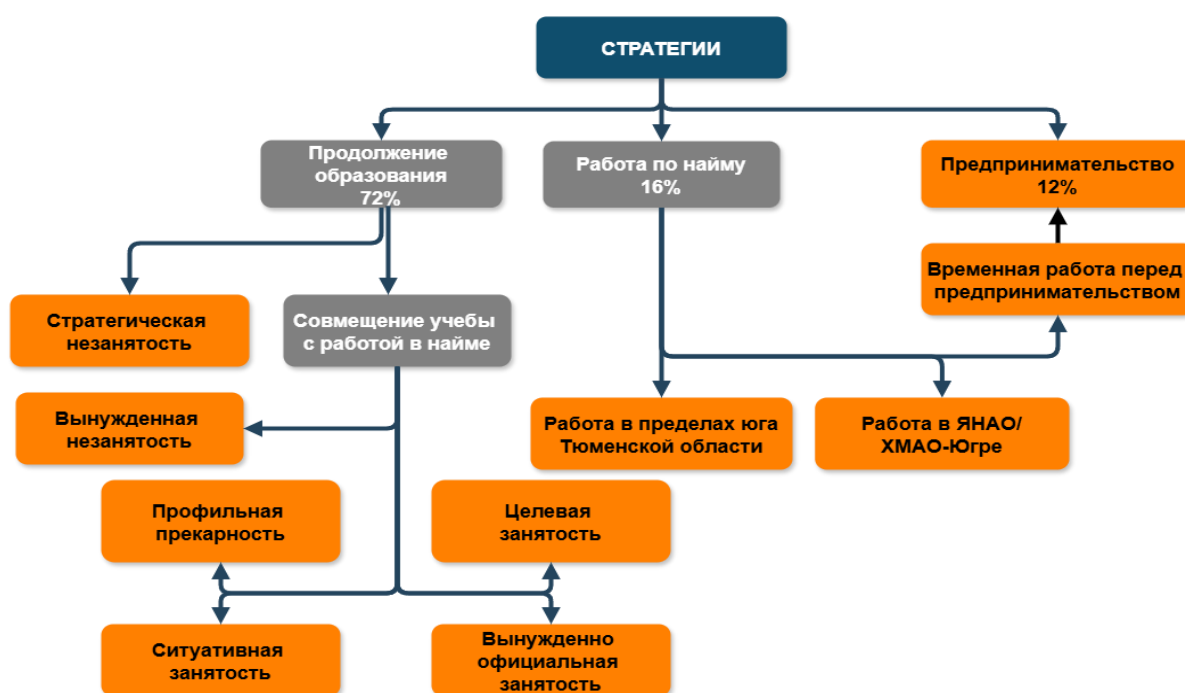

Рис. 11. Направления трудовых стратегий

Fig. 11. Work strategy directions

Среди карьерных ориентаций устойчиво доминируют стратегии, ориентированные на продолжение образования (отмеченные у 72 % опрошенных). Подобная направленность отражает процесс удлинения образовательной траектории и позволяет интерпретировать актуальное трудовое поведение значительной части обучающихся как вспомогательное и временное по отношению к будущей профессиональной траектории, а не самостоятельно выстроенную трудовую стратегию. Стратегии, ориентированные на продолжение образования, можно разделить на стратегию «стратегической незаня-

тости» (34 % от общей численности опрошенных), которая характеризуется тем, что молодые люди, сознательно отдают приоритет образовательной деятельности и рассматривают временный отказ от трудоустройства как осознанный выбор, а не как вынужденное ограничение, а также на стратегию «совмещение учебы с работой в найме», которая структурно неоднородна и включает два самостоятельных типа. Первый тип — стратегия «вынужденной незанятости» (28 % от числа респондентов) охватывает студентов, ориентированных на трудоустройство, однако не реализовавших это намерение вследствие различных барьеров (дефицита времени, отсутствия подходящих предложений на рынке труда, ожидания завершения учебного цикла). Второй тип — это группа стратегий (38 %), которая объединяет обучающихся, совмещающих учебу с трудовой деятельностью, в том числе в условиях частичной, precarious или неформальной занятости. Показательно, что большинство нетрудоустроенных студентов представляют собой потенциально активных участников рынка труда, что позволяет рассматривать данную группу как значимый трудовой резерв региона.

Стратегия «совмещения учебы с работой в найме» не является однородной. Можно выделить четыре варианта этой трудовой стратегии в зависимости от структурирования по фактору официального/неофициального трудоустройства и работы по специальности /вне профиля подготовки (рис. 12).

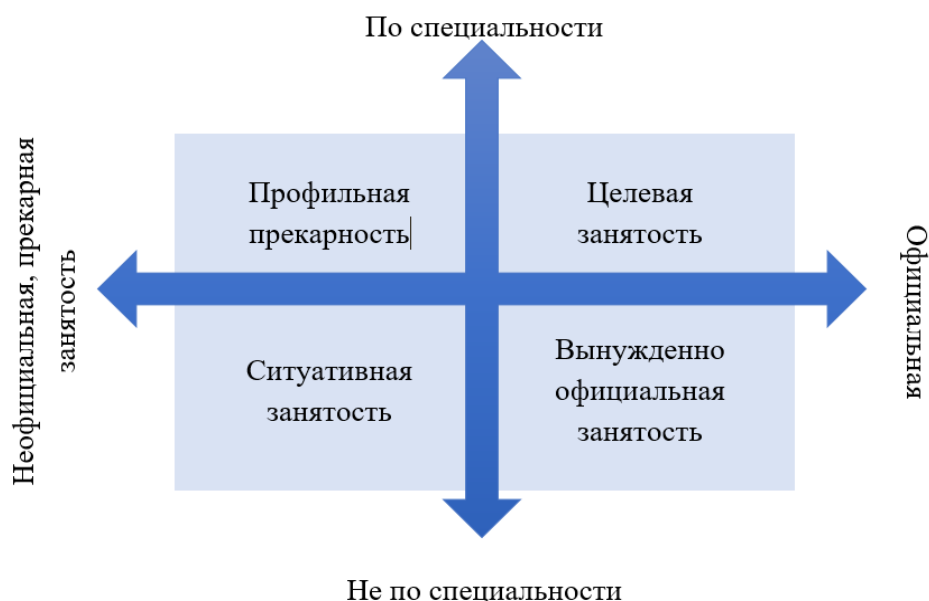

Рис. 12. Вариации стратегии совмещения учебы с работой

Fig. 12. Different ways of combining study and work

Среди выявленных вариантов стратегии совмещения учебы с наемным трудом «целевая занятость» наиболее характерна для студентов, включенных в корпоративные образовательные программы крупных работодателей: программы целевого обучения,

стажировки с перспективой последующего трудоустройства. В данном случае занятость выступает не просто источником дохода, но элементом целенаправленно конструируемой профессиональной биографии, в которой образование и труд образуют единую смысловую траекторию.

«Вынужденная официальная занятость» объединяет обучающихся, имеющих формальный трудовой договор, однако занятых вне профессиональной области, например, в торговле, сфере обслуживания, услугах. Часть представителей данной стратегии воспринимает текущую занятость как временную и сохраняет ориентацию на трудоустройство по специальности, фактически стремясь к переходу в категорию целевой занятости. Другими словами, официальное оформление трудовых отношений не является здесь свидетельством реализованной стратегии, скорее, оно отражает вынужденную адаптацию к имеющимся условиям рынка труда при сохранении исходных ожиданий.

«Ситуативная занятость» представлена неквалифицированным трудом с гибким рабочим режимом: курьерская доставка, занятостью в сфере общественного питания и схожие виды деятельности. Подобная занятость не предполагает профессиональной идентификации и воспринимается преимущественно как ресурс, позволяющий обеспечить текущие материальные потребности без существенного ущерба для учебного процесса.

«Профильная прекарность» отмечается у обучающихся, которые заняты в своей профессиональной области, однако без официального оформления трудовых отношений, например, в форме репетиторства, фриланса, предоставление услуг с устными договоренностями. В данном случае складывается противоречивая конфигурация: молодой специалист накапливает реальный профессиональный опыт и формирует портфолио, однако лишен социальных гарантий и формальных трудовых прав. Содержательная ценность такой занятости сочетается с ее институциональной незащищенностью, что придает этому типу стратегии двойственный характер.

Особого внимания заслуживает выявленный феномен временной коррекции трудовой стратегии. Студент, исходно ориентированный на целевую занятость, под воздействием ситуативных факторов (дефицита подходящих предложений, недостаточности накопленного опыта, высокой учебной нагрузки или неотложной потребности в доходе) осознанно смещается в сторону прекарных форматов. Принципиально важно, что подобное смещение не означает отказа от первоначальной стратегии: прекарная занятость продолжает восприниматься как временная, а исходная ориентация сохраняется в качестве смыслового ориентира трудовой биографии. Именно это обстоятельство отличает данную группу от тех студентов, для которых прекарность выступает не вынужденным отступлением, а осознанно выбранной нормой трудового поведения.

Выводы

Проведенное пилотное исследование позволило интерпретировать культуру труда студенческой молодежи как динамичную ценностно-нормативную систему, конструируе-

мую на пересечении институциональных образцов (транслируемых через образование, рынок труда и корпоративные практики) и субъективных смыслов, формирующихся через личное видение и проектирование трудовой биографии, с вынужденной инструментальной адаптацией к текущей ситуации на рынке труда. Формирующаяся у студенческой молодежи культура труда детерминирует прагматичное трудовое поведение, адаптируемое к рынку труда и ориентированное на справедливое вознаграждение и автономию, гибкое в части форм и интенсивности занятости, в условиях высокого спроса на труд при одновременном дефиците практического опыта. Можно отметить, что в большинстве своем у студенческой молодежи карьерная стратегия не обозначена четко и ясно, как и 10–20 лет назад многие студенты представляют «свое будущее лишь в общих чертах, размыто» [11]. Ключевым результатом с позиции социологии культуры является фиксация формирования у студенческой молодежи устойчивого нормативного запроса, выходящего за рамки инструментальной рациональности: ценности справедливости, признания, автономии, уважения к личным границам и баланса труда и жизни выступают самостоятельными смыслообразующими основаниями трудовых отношений. Этот запрос объективируется в поведенческих стратегиях — от готовности к сверхурочной работе лишь при наличии нематериальных стимулов до требований к руководителю, где на первый план выходят морально-этические, а не формально-управленческие качества.

Таким образом, культура труда студенческой молодежи предстает как гибридное образование, в котором инструментальная адаптация к условиям рынка сочетается с ценностно-рациональными ориентирами достоинства, справедливости и субъектной автономии, что формирует запрос на поиск новых инструментов трудовой социализации и учета новых смысловых оснований при проектировании корпоративных программ адаптации и рекрутинга молодых специалистов.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contributions

All authors contributed equally to the preparation of the manuscript.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interests.

Список источников

1. Grindstaff L., Lo M.-C. M., Hall J. R. (Eds.). (2010). *Handbook of cultural sociology*. Retrieved from.2010. <https://doi.org/10.4324/9780203891377>
2. Соколова Г. Н. Культура труда. *Социология: Энциклопедия*. URL: [https:// sociology-encyclopedia.academic.ru/524/культура_труда](https://sociology-encyclopedia.academic.ru/524/культура_труда)

3. Вельмисова Д. В. Ценностно-смысловые основы формирования культуры трудовой деятельности молодежи. Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2024;2(14):35–43. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-2-35-43>
4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019;12(6):243–259. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.14>
5. Лукьянскова Е. А. Студенты как потенциальная часть прекариата (опыт социологического исследования). *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021;2-1(53):28–30. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-2-1-28-30>
6. Антонова Н. Л., Бахтин Е. Л. Ориентации студентов на прекарную занятость. *Теория и практика общественного развития*. 2022;4(170):14–18. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.4.1>
7. Китайцева О. В., Кокоулина М. А. Ценности и установки современных российских студентов в сфере труда. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2025;(2):140–151. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2025-2-140-151>
8. Трансформация трудовых ценностей студентов в период обучения в университете: семинар серии «Социология рынков». *Лаборатория экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ*: сайт. 26 января 2025. URL: <https://ecsoclab.hse.ru/news/1010349312.html>.
9. Polovinko V. S., Dinner I. V. Transformation of Labor Values Among High School Students: A Comparative Analysis for 2018–2024. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2026;19(2):215–229. <https://doi.org/10.15838/esc.2026.2.104.11>
10. Поплавская А. А. Роль отца и матери в формировании трудовых ценностей (на материалах интервью со студентами российских вузов). *Социологические исследования*. 2025;(3):118–131. <https://doi.org/10.7868/S3034601025030102>
11. Банникова Л. Н., Белова О. Р., Боронина Л. Н., Вишневский С. Ю., Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В. [и др.]. *Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала*: монография. Екатеринбург: УрФУ; 2017. 904 с.
12. Балашова Н. В. Трансформация стратегий трудового поведения работников в современных условиях. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2024;(67):270–284. <https://doi.org/10.17223/19988648/67/16>

References

1. Grindstaff L., Lo M.-C. M., Hall J. R. (Eds.). (2010). *Handbook of cultural sociology*. Retrieved from.2010. <https://doi.org/10.4324/9780203891377>
2. Sokolova G. N. Culture of labor. *Sociology: Encyclopedia*. URL: https://sociology_encyclopedia.academic.ru /524/культура_труда (In Russ.).
3. Velmisova D. V. Value-semantic foundations for the formation of a culture of youth work activity. *Russian scientific journal "Telescope: journal of sociological and marketing research"*, 2024;2(14):35–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-2-35-43>
4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Self-regulation of the image of labor in young people's cultural space. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. (In Russ.). 2019;12(6):243–259. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.6.66.14>
5. Lukyanskova E. A. Students as a potential part of the precariat (sociological research experience). *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;2-1(53):28–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-2-1-28-30>
6. Antonova N. L., Bakhtin E. L. Orientation of students to precarious employment. *Theory and Practice of Social Development*. 2022;4(170):14–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.4.1>

7. Kitaitseva O. V., Kokoulina M. A. Values and attitudes of modern Russian students in the field of work. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies obucheniya*, 2025;(2):140–151. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2025-2-140-151>
8. Transformation of students' labor values during university studies: seminar of the "Sociology of Markets" series. 2025, January 26. *Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University*. URL: <https://ecsoclab.hse.ru/news/1010349312.html> (In Russ.).
9. Polovinko V. S., Dinner I. V. Transformation of Labor Values Among High School Students: A Comparative Analysis for 2018–2024. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2026;19(2):215–229. <https://doi.org/10.15838/esc.2026.2.104.11>
10. Poplavskaya A. A. The role of father and mother in formation of work values (based on interviews with Russian universities students). *Sociological Studies*. 2025;(3):118–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S3034601025030102>
11. Bannikova L. N., Belova O. R., Boronina L. N., Vishnevsky S. Yu., Vishnevsky Yu. R., Didkovskaya Ya. V. [et al.]. *Student 1995–2016: Dynamics of the Sociocultural Development of Students in the Middle Urals*. Ekaterinburg: UrFU; 2017. 904 p. (In Russ.).
12. Balashova N. V. Transformation of strategies of employees' labor behavior in modern conditions. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2024;(67):270–284. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19988648/67/16>

Информация об авторах / Information about the authors

Ковальжина Лариса Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, kovalzhinal@tyuiu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1650-1243>

Орлова Анна Анатольевна, магистрант, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, orlovaana@tyuiu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1729-0800>

Larisa S. Kovalzhina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Management in the Branches of the Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen, kovalzhinal@tyuiu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1650-1243>

Anna A. Orlova, Master's Student, Industrial University of Tyumen, orlovaana@tyuiu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1729-0800>

Поступила в редакцию / Received 29.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 22.06.2026

Принята к публикации / Accepted 05.06.2026

Научная статья / Original research article

УДК 316.334.56

DOI: <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-58-71>

EDN: NHTQUG

Теоретические подходы к изучению городской идентичности в российском промышленном городе

Г. И. Макарова

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань,
Российская Федерация
makarova_guzel@mail.ru*

Аннотация. В контексте современных геополитических вызовов особенно актуальным становится рассмотрение основ формирования городской идентичности в российских промышленных центрах, поскольку ее укрепление выступает значимым фактором, влияющим на миграционные установки горожан. Цель статьи — систематизировать теоретические подходы к изучению городской идентичности с особым фокусом на промышленные города. Ведущий метод — теоретический анализ и обобщение эмпирических исследований отечественных авторов последнего десятилетия, отобранных из наукометрических баз данных с последующей систематизацией по проблемным блокам и применением сравнительного метода при сопоставлении с зарубежными подходами. Рассмотрены три исследовательские оптики: социологическая (идентификация с общностью горожан), географо-антропологическая и урбанистическая (идентификация с местом), политологическая (анализ дискурсов). Выделены когнитивный, эмоциональный, поведенческий и ценностно-смысловой компоненты городской идентичности. Обоснован вывод о переходе от трактовки индустриальной составляющей в промышленных городах как данности к ее осмыслению как проблемы, требующей целенаправленной трансформации.

Ключевые слова: городская идентичность, промышленные города, структура идентичности, содержательные основы городской идентичности, индустриальное наследие

Для цитирования: Макарова Г. И. Теоретические подходы к изучению городской идентичности в российском промышленном городе. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2026;(3):58–71. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-58-71> EDN NHTQUG

Theoretical approaches to the study of urban identity in a Russian industrial city

Guzel I. Makarova

*Sh. Marjani Institute of History, Kazan, Russian Federation
makarova_guzel@mail.ru*

Abstract. In the context of current geopolitical challenges, understanding how urban identity develops in Russian industrial centers has become increasingly important. A strong urban identity can influence residents' migration intentions.

The article aims to to systematize theoretical approaches to the study of urban identity, with a particular focus on industrial cities. The study uses theoretical analysis and a review of empirical research by Russian scholars published over the past decade. We selected the studies from scientometric databases, classified them by research topic, and used a comparative approach to examine them alongside international perspectives. The study considers three main research perspectives: the sociological perspective, which focuses on identification with the urban community; the geographical and anthropological and urban studies perspectives, which focus on identification with place; and the political science perspective, which examines discourses. The cognitive, emotional, behavioral, and value-based and meaning-related components of urban identity are identified. The analysis shows a shift in the understanding of the industrial dimension of identity in industrial cities. Researchers increasingly view it not as a given characteristic but as an issue that requires purposeful transformation.

Keywords: urban identity, industrial cities, identity structure, substantive foundations of urban identity, industrial heritage

For citation: Makarova G. I. Theoretical approaches to the study of urban identity in a Russian industrial city. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics.* 2026;(3):58–71. (In Russ.). <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-58-71>

Введение

Тема промышленных городов и сохранения их человеческого потенциала стала особенно актуальной в контексте современных глобальных вызовов. В связи с этим очевидна значимость укрепления городской идентичности (помимо решения конкретных задач социально-экономического и социокультурного развития), поскольку степень ее актуализации сказывается на миграционных установках горожан [1]. Отсюда возрастает важность изучения основ идентификации населения с городом, а также ее конфигурации в ряду других социальных солидарностей. Причем именно локальный уровень признается сегодня основой, задающей «базовые характеристики для остальных уровней идентичности» [2], формирования национально-гражданской общности.

В работах зарубежных авторов тема идентичности промышленных городов чаще рассматривалась в последние десятилетия в контексте вопросов деиндустриализации. Основы такой идентификации проблематизируются, поскольку привычные для поселений индустриальные смыслы теряют актуальность, а «память о наследии» противоречит нынешнему жизненному социальному опыту [3]. В ряде исследований отражается поиск иных оснований ее выстраивания, таких как «креативный город», «место возрождения сельской жизни» или появления современных культурных практик [4]. В то же время запущенные в последние годы в некоторых поселениях процессы реиндустриализации способствуют снятию обозначенных противоречий, когда местная промышленная культура и индустриальные ценности [5] вновь становятся основой социальной идентичности и инновационного развития.

Исследования урбанистов посвящаются проблемам сохранения культурного индустриального наследия, в том числе в качестве базы для укрепления городской идентичности. Ими обсуждаются вопросы реставрации индустриальных объектов, их использования в постиндустриальных целях. Однако отдельные авторы актуализируют

социальные аспекты подобной реновации, отмечая, что в результате реконструкции промышленные кварталы перестают быть кварталами для рабочих [6]. Соответственно делается вывод о противоречивости преобразования бывших индустриальных поселений в современные «устойчивые».

В свою очередь З. Алесайли и А. Альбиали, с помощью программы VOSviewer предпринявшие попытку библиометрического обзора работ, посвященных городской идентичности с 1969 по 2024 гг., отметили сложность этого понятия, включающего «множество элементов, от характеристик места до восприятия людьми своей принадлежности» [7]. Результатом анализа стало выделение четырех групп исследований: «"идентичность, глобализация, культура и миграция"; ... "городская идентичность, общественные пространства, города и архитектура"; ... "местная идентичность, культурное наследие и туризм"; ... "идентичность места и пространство"» [7].

В работах российских ученых накоплен свой обширный опыт рассмотрения проблематики городской идентичности (в том числе применительно к промышленным городским поселениям). К ней обращаются социологи, политологи, урбанисты, социальные антропологи, а также географы, философы, культурологи. При этом различается уже само понимание ими этого феномена, который трактуется как идентичность места либо как идентификация жителей города с пространством и городским сообществом; встречается и объединение этих двух трактовок. Основная гипотеза настоящего исследования состояла в том, что существующие теоретические подходы к изучению городской идентичности, применяемые к российским промышленным городам, могут быть систематизированы в рамках трех исследовательских оптик — социологической, географо-антропологической/урбанистической и политологической, — что, в частности, позволяет рассматривать их индустриальное наследие не только как данность, но и как вопрос, требующий переосмысления в целях укрепления миграционной привлекательности городов.

Проблема исследования связана с необходимостью систематизации теоретических подходов к городской идентичности, последовательного анализа, упорядочения и выявления специфики отечественной традиции ее изучения с особым фокусом на промышленные города, как и описания эмпирических методов, связанных с использованием разного рода шкал, адаптируемых к анализу городской идентификации, а также качественных методик. Все это позволит преодолеть терминологическую разобщенность и определить векторы дальнейших научных изысканий в данном направлении.

Цель статьи — обобщение и систематизация теоретических подходов к изучению городской идентичности в работах отечественных ученых с особым фокусом на промышленные города страны. Ее практическая значимость, с учетом современного запроса на управление идентичностью, состоит в возможном применении выводов к укреплению основ локальной, а через нее и региональной, российской идентичностей,

к решению проблем миграционного оттока населения из нестоличных промышленных поселений страны.

Материалы и методы

Исследование включало несколько этапов. На первом был проведен отбор релевантной научной литературы на основе баз данных eLIBRARY и Google Scholar. Поиск осуществлялся по ключевым словам: «городская идентичность», «идентификация с городом», «локальная идентичность», «промышленный город». Дополнительно применялся метод снежного кома с использованием библиографических списков найденных публикаций. Среди них выделялись те работы, в которых так или иначе рассматривались теоретико-методологические аспекты проблематики городской/локальной идентичности. На следующем этапе материал был обобщен и систематизирован по подтемам: а) городская идентичность в структуре социальной идентичности; б) подходы к определению понятия «городская идентичность» и к выделению ее основных компонентов; г) система социальных показателей, модели измерения городской идентичности; д) основные направления ее проблематизации применительно к современным промышленным поселениям.

На третьем этапе был проведен содержательный анализ отобранных и систематизированных таким образом статей и монографий. При этом особое внимание уделялось вопросам, по которым в научном сообществе существует консенсус или, напротив, сохраняются разногласия. Завершающий четвертый этап был посвящен формулировке выводов на основе рассмотрения изученных работ.

Таким образом, в ходе исследования были применены общенаучные методы анализа, обобщения и синтеза, а также — в связи с сопоставлением теоретических подходов отечественных ученых к изучению городской идентичности в контексте промышленных городов с подходами исследователей из других стран — сравнительный метод.

Результаты и обсуждения

Городская идентичность в системе социальных идентичностей

Обобщая подходы к анализу городской идентичности, выделим прежде всего работы тех авторов, которые рассматривают ее в ряду других социальных идентификаций. Так, Н. С. Семененко в статье 2011 г., трактуя социальную идентичность как «совокупность представлений человека о своем месте в обществе, тех ценностей и поведенческих моделей, которые утверждаются на основании соотнесения себя с общественно значимыми культурными ориентирами и ролевыми функциями...» [8], отмечает множественность «значимых для современного человека систем ориентиров», а также возрастающую роль «идентичности места» [8]. Такой рост идентификации «с малой родиной» [8] связывался ею тогда с постепенным размыванием национально-государственных ори-

ентиров в контексте глобализации. То есть локальная идентичность трактовалась как некий «психологический компенсатор», стабилизирующий фактор.

Тренды последних лет показывают, что в условиях глобальной социально-политической и социально-экономической турбулентности обозначилась тенденция нового роста значимости национальной идентичности. Причем в ряде регионов РФ он происходит одновременно с сохранением и укреплением региональной и городской, локальной идентичностей. То есть данные уровни не конкурируют, а чаще взаимно усиливают друг друга [9]. В свою очередь Д. С. Чебанова, М. А. Еременко и Д. А. Сорокин, ссылаясь на исследования зарубежных ученых [10], артикулируют фундаментальный характер локального уровня в иерархии территориальных идентичностей. Со своей стороны также подчеркнем, что если поселение (город, село) — то есть место, в котором непосредственно проживает человек — становится для него Домом, через отношение к нему выстраиваются и все остальные социальные идентичности. В то же время названные авторы отмечают «негомогенность самой категории город» [10], в которую попадают как крупнейшие мегаполисы, так и малые города, где территориальные общности оказываются более консолидированными, а городская и локальные идентичности по сути совпадают.

Выделим далее различные трактовки самой сути городской идентичности, ее составляющих, предлагаемые исследователями методы ее измерения.

Подходы к пониманию городской идентичности и ее изучению

В трактовке городской идентичности можно выделить несколько основных подходов. Сторонники первого — Н. Л. Антонова, Н. С. Дягилева и др. — трактуют ее как «идентификацию человека с общностью горожан» [11]. Она возникает в ходе повседневной коммуникации благодаря социальным связям и отношениям, воспроизводимым в публичных пространствах, усвоению свойственных жителям данного города «социальных норм и стиля жизни» [12]. Обозначим этот подход как социологический. Сторонники второго — географы, антропологи, историки, культурологи (Н. Ю. Замятина, Ю. П. Шабаетов и др.) и урбанисты (В. Л. Глазычев) — фокусируются на отождествлении с местом, его средой и наследием, с визуальными особенностями поселения и его архитектурой [13]. Причем Н. Ю. Замятина подчеркивает важность «доведения до сведения» [13] рядовых горожан факта их принадлежности к определенной культуре посредством карт, легенд, локальных мифов и т. д. На деле обозначенные стороны процесса взаимодополняют друг друга.

Отдельные авторы, прежде всего политологи [14], обращаются к рассмотрению многообразия дискурсов (мифологических, художественных, философских, политических), на которых разного рода акторами выстраивается идентичность города. Они анализируют множественность смыслов, могущих стать основой социального конструирования [15]. Другие ученые — чей подход можно обозначить как философско-

психологический — стремятся раскрыть, каким образом происходит формирование глубинной связи человека с пространством города, эмоциональной приобщенности к городскому бытию [16].

Рассматривая процесс самоотнесения с городом и горожанами, исследователи, как и по отношению к региональной, национальной, этнической, конфессиональной идентификациям, выделяют в нем эмоциональную, когнитивную и поведенческую составляющие. К когнитивным компонентам относят индивидуальные и коллективные представления личности о городе, его жителях и их отличительных свойствах (истории, культуре и т. д.); к эмоциональным — отношение и переживания, связанные с ним, формирование чувства сопричастности сообществу и «чувства места» [10]. Поведенческий компонент характеризуется интересами и конкретными действиями, проявляясь в активности участия горожан в жизни поселения, а также в их миграционных установках. Отдельные авторы предлагают «четырёхкомпонентную структуру» способа самоотождествления человека с городом [16], называя, помимо обозначенных, ценностно-нормативную составляющую идентичности как некую «результатирующую» [16] когнитивного и аффективного компонентов, связанную с превращением знаний о городе в личные смыслы.

Раскрывая содержательные основы формирования городской идентичности, исследователи традиционно группируют их вокруг следующих взаимодополняющих плоскостей. Первая связана с пространственно-физическим измерением города. Здесь ключевое значение имеет концепция «образа города» К. Линча, который понимал под ним коллективное видение пространственной формы поселения. Выделенные им элементы (пути, границы, районы и т. д.) служат основой для его перцептивного освоения и формирования отношения к нему. Продолжая эту традицию, В. Л. Глазычев и последователи акцентировали роль градостроительной композиции и архитектуры, подчеркивая, что именно материальная ткань создает базовые условия для возникновения эмоциональной связи человека с местом [17].

Вторая плоскость охватывает культурно-исторические и символические аспекты. Городская идентичность складывается не только под влиянием наглядных форм, но и смыслов, рождающихся в сознании горожан в ходе повседневного взаимодействия с историко-культурным наследием. В эту плоскость входят «места памяти» (П. Нора), где прошлое кристаллизуется в названиях улиц, ритуалах, памятниках, призванных стать основой групповой солидарности. Важнейшим содержательным слоем выступают и такие объективированные формы городской культуры, как идеалы (представления о должном устройстве поселения), мифы о происхождении города. В совокупности они образуют ту культурно-символическую среду, через которую он переживается как уникальное целое. Эти аспекты рассматриваются такими отечественными авторами, как: О. А. Богатова, А. С. Бреславский, Т. А. Власова и К. Н. Обухов, Н. В. Дранникова, М. Л. Лурье, М. Ю. Тимофеев, Ю. П. Шабаев и др.

Наконец, третья плоскость связана с социально-культурным ракурсом, где в центре внимания — сами жители поселения как носители специфического уклада и ментальности. Каждый город и каждая территория формирует особую социальную общность — со своими нормами, привычками, правилами поведения и ритмами жизни. Эта повседневная культурная специфика также может стать важнейшим маркером городской идентичности. В то же время ряд авторов, вслед за А. Лефевром, Д. Харви, подчеркивает, что подлинная идентичность складывается тогда, когда горожане выступают не просто носителями сложившихся привычек, а активными субъектами, способными воспроизводить, трансформировать свой образ жизни и защищать его.

Наконец, относительно методологии измерения, отметим, что существует множество работ, в которых авторы представляют свой инструментарий изучения городской идентичности [1, 11, 18,]. Они стараются определить меру ее распространенности и степень проявления, значимость для горожан тех или иных содержательных аспектов и процессов коммуникации в поселении. В то же время особый интерес для ее рассмотрения как идентификации с группой (в рамках социологического подхода) представляет, на наш взгляд, методика, предложенная И. М. Кузнецовым для анализа российской идентичности [19]. Основанная на пятикомпонентной модели К. Лича, она позволяет количественно измерить качественную структуру социальной идентичности, складывающуюся из следующих блоков: «сплоченность» (психологическая связь с сообществом), «удовлетворенность» (позитивные эмоции от принадлежности), «рельефность» (значимость идентичности в самосознании), «самостереотипизация» (ощущение сходства с другими членами) и «гомогенность» (восприятие сообщества как единого целого). Применительно к городской идентификации этот подход, во-первых, позволяет построить профиль идентичности для разных групп горожан, выявляя сильные и слабые стороны (например, высокая удовлетворенность при низкой самостереотипизации); во-вторых, дает возможность измерить реальный вклад различных оснований идентификации (история, архитектура, традиции); в-третьих, в случае проведения повторных исследований изучить ее изменения в кризисные либо знаковые для города периоды.

Специфика городской идентичности в российских промышленных поселениях

Анализ работ, написанных отечественными авторами в последнем десятилетии и посвященных городской идентичности промышленных центров, позволил выделить некоторые важные моменты, характеризующие специфику. Прежде всего выявилась неослабевающая значимость для многих из них индустриальной составляющей. Она продолжает оставаться важным основанием идентификации в тех поселениях, где сохранилось производство и ведущая роль градообразующего предприятия/предприятий [20–22]. То есть воспроизводство индустриальной идентичности напрямую зависит от того, продолжает ли Завод функционировать и оставаться ведущим актором городского развития. Наряду с экономической и символической ролью политологами отмечается

нередко имеющее место его политическое участие в жизни города, когда он становится не только главным налогоплательщиком и городским символом, но и реальным агентом локальной политики, а директорат предприятия воспринимается жителями как ответственный за будущее поселения наравне с муниципальной властью [14].

В ходе анализа было замечено, что такого рода идентичность по-разному проявляется в различных макрорегионах России. В частности, на Урале исследователями обнаружена устойчивость идентификации с «горнозаводской цивилизацией» [20] (рассматриваемой на примере Екатеринбурга, Сысерти, Кушвы, Магнитогорска, Перми и др.), фиксируется ее высокая значимость в качестве базового элемента локального самосознания. О. А. Шипицына и соавторы приходят к выводу, что города Урала постепенно осваивают доставшееся им богатое промышленное наследие, встраивая его в ткань городской жизни и делая частью своего социокультурного кода. В то же время применительно к «равнинно-фабричной цивилизации» северо-востока центральной России (Иваново, Кинешма, Орехово-Зуево, Раменское и др.), то есть района, где развивалось преимущественно ткацкое производство, те же авторы отмечают постепенную утерю основ индустриальной идентичности. Здесь города-заводы, по их оценкам, становятся «просто городами» в силу кризиса текстильной отрасли и закрытия предприятий. Соответственно опыт выстраивания локальной идентификации непосредственно на базе индустриального наследия характеризуется по отношению к ним как скорее неудачный, и это стимулирует акторов искать иные ее основания, в том числе иные способы актуализации промышленного наследия, в котором, к примеру, начинает подчеркиваться архитектурное своеобразие конструктивизма.

Имеются и отдельные исследования по городам других географических зон страны. Выделим среди них те, что посвящены промышленным поселениям Волго-Камского региона — Ижевску, Тольятти, Набережным Челнам. В них, как и в поселениях Урала, остается значимым производственный сектор, в связи с чем сохраняется индустриальная идентификация. В частности, в Тольятти, по данным И. В. Цветковой, градообразующее предприятие «АвтоВАЗ» выступает смысловым ядром символического образа города, и сам он воспринимается в общественном сознании как «город при заводе» [23]. Ижевск, по наблюдениям О. В. Санниковой, респонденты идентифицируют в первую очередь как промышленный центр (59 %) и лишь потом как «столичный город» и «центр удмуртской культуры» [21]. Сохраняющуюся значимость традиционной апелляции к образу «города-завода» и «оружейной столицы» (через личность М. Т. Калашникова) отмечают по отношению к нему Т. А. Власова и К. Н. Обухов [18]. Схожую ситуацию обнаруживаем и в Набережных Челнах, где, по замечанию Н. Г. Орловой, «устойчивая индустриальная идентичность» [24] поддерживается посредством разного рода выставок, фестивалей, связанных с развивающимся автомобильным производством (в то же время автор подчеркивает, что строительство жилых районов нередко ведется без учета специфики архитектурного модерна периода возве-

дения города). Наконец, исследователями выделяются населенные пункты Арктики, в которых, помимо производственных смыслов, артикулируются связанные с образом города-острога либо северного форпоста страны [25].

Следует обратить внимание на то, что в поселениях, где городская и индустриальная идентичности неразрывно связаны, эта связь может начать работать против идентификации населения с городом — если она сталкивается с запросами новых поколений. В связи с этим учеными отмечается неоднозначность такого рода процессов. В частности, И. В. Цветкова фиксирует, что обозначенный образ Тольятти оказывается противоречащим устремлениям молодых людей ассоциировать себя с благополучным и процветающим, престижным локальным сообществом, не зависящим от спадов и подъемов в развитии мирового и отечественного автопрома [23]. Аналогичные тенденции по отношению к Магнитогорску отмечает Д. А. Давыдов, подчеркивая, что советский пролетарский нарратив о городе-заводе не пользуется популярностью среди молодых горожан, провоцируя отток человеческого капитала. В свою очередь О. В. Ильина, анализируя стратегии интернет-ресурса Екатеринбурга *It's My City*, показывает, как новые медиа стараются сконструировать «антропомерное, то есть соразмерное человеку пространство и время» [25], акцентируя не промышленное, а культурное, событийное измерение города. Усредненный екатеринбуржец в такой медийной оптике — не работник завода, а житель города, вовлеченный в гражданские инициативы и потребительские практики.

Таким образом, в настоящий период подчеркивается важность появления в промышленных городах новых оснований идентификации, связанных со спецификой их истории, культуры (в том числе современной), с событийными стратегиями. Они дополняют индустриальную идентичность или выдвигаются как альтернативные. При этом наблюдается также движение российских исследований от простой констатации наличия либо отсутствия индустриальной составляющей к более сложной оптике, учитывающей внутреннюю неоднородность самого феномена. В частности, важным измерением выступает различие старопромышленных городов (с их досоветской заводской историей, становящейся ресурсом глубинного самосознания) и новых (советских), где значимым прошлым, требующим своего сохранения, становится типичная застройка, характерная для периода позднего социализма. А отдельными исследователями фиксируется парадокс: индустриальное наследие объективно сохраняется, но субъективно может оставаться периферийным, не становясь консолидирующим нарративом [26], и его исторический потенциал зачастую оценивается горожанами как низкий. В ответ на этот вызов формируется спектр стратегий — от ревитализации промышленных объектов и адаптации их под новые функции до акцента на культурных, природных и образовательных идентичностях, способных дополнить или заместить промышленную идентичность.

В завершение отметим, что при всем многообразии раскрываемых аспектов анализируемые работы в той или иной мере отражают единый процесс: переход от понимания индустриальной составляющей городской идентичности как данности (унасле-

дованной и самоочевидной) к ее осмыслению как проблемы, требующей рефлексии, ресурсов и целенаправленных усилий по трансформации.

Выводы

Обобщая результаты анализа теоретических подходов к изучению городской идентичности и специфики ее проявления в российских промышленных городах, можно сделать следующие выводы.

1. В работах последних лет отмечается не замещение, а одновременное укрепление национальной, региональной и городской/локальной идентичностей в России. Эти уровни не конкурируют, а взаимно усиливают друг друга. Более того, локальный уровень признается исследователями фундаментальным, задающим базовые характеристики для остальных уровней идентификации.

2. Проведенный анализ подтвердил обоснованность и продуктивность выдвинутой в качестве гипотезы исследования систематизации теоретических подходов к изучению городской идентичности по трем основным направлениям: социологическому, концентрирующемуся вокруг идентификации с общностью горожан; географо-антропологическому и урбанистическому, фокусирующему внимание на идентификации с местом, его средой и связанными с ним социокультурными смыслами; политологическому, связывающему идентичность с конструирующими ее дискурсами различных городских акторов. В ее структуре фиксируются когнитивный, эмоциональный, поведенческий и ценностно-смысловой компоненты. Содержательные основы группируются вокруг трех плоскостей: пространственно-физической (архитектура, планировка), культурно-символической (память, мифы, наследие) и социально-культурной (уклад, нормы, ментальность жителей).

3. Индустриальная составляющая городской идентификации сохраняет значимость в тех поселениях, где продолжает функционировать производство и ведущее предприятие остается одним из главных акторов городского развития. Ее устойчивость зависит от присутствия Завода в качестве экономического, символического и политического института. При этом обнаруживается региональная дифференциация: для одних территорий характерна высокая степень сохранности и встраивания промышленного наследия в ткань городской жизни, для других — постепенная утрата индустриальных основ. Неразрывная связь городской и индустриальной идентичностей может начинать работать против отождествления населения с городом, когда сталкивается с запросами молодого поколения. В ответ формируются стратегии преодоления: ревитализация промышленных объектов, акцент на культурной и природной специфике места, событийное конструирование. Тем самым проведенное в работе обобщение исследований российских авторов, посвященных промышленным городам, подтвердило также гипотезу о том, что в настоящий период фиксируется переход от индустриального основа-

ния идентичности промышленных городов как данности к его осмыслению как проблемы, требующей особого внимания.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interests.

Список источников

1. Белова Ю. Ю., Сакаев В. Т., Сорокин Д. А. Методологические основы исследования локальной идентичности молодежи. В кн.: *Парадоксы локальной идентичности: как молодежь ищет место под солнцем: коллективная монография / под общ. ред. В. А. Касамары, Ю. Ю. Беловой*. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2025. С. 41–62.
2. Shao Y., Lange E., Thwaites K., Liu B. Defining Local Identity. *Landscape Architecture Frontiers*. 2017;5(2):24–41. <https://doi.org/10.15302/J-LAF-20170203>
3. Hodson P. Titanic struggle: Memory, heritage and shipyard deindustrialization in Belfast. *History Workshop Journal. Oxford Academic*. 2019;(87):224–249. <https://doi.org/10.1093/hwj/dbz003>
4. Bouriti E. Participatory actions, participatory art and rural life in the post-industrial City of Aspropyrgos. *Design/Arts/Culture*. 2023;3(2):103–112. <https://doi.org/10.12681/dac.31502>
5. Tiran J., Bole D., Kozina J. Industrial culture as an agent of social innovation: reflections from Velenje, Slovenia. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2023;36(2):333–356. <https://doi.org/10.1080/13511610.2022.2026212>
6. Toura V. The Preservation of Industrial Heritage as a Form of Urban Resilience. The Case Studies of Ile-de-Nantes and Docks-de-Seine. *Meaning in Architecture, Now*. 2024;(21):231–248. <https://doi.org/10.13135/2385-1945/11630>
7. Alesaily Z., Albialy A. Urban identity: A bibliometric review, 1969–2024. *Alexandria Engineering Journal*. 2025;(128):724–746. <https://doi.org/10.1016/j.aej.2025.07.016>
8. Семененко И. С. Идентичность в предметном поле политической науки. *Идентичность как предмет политического анализа*. В сб.: *статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.)*. Москва: ИМЭМО РАН; 2011. С. 8–12.
9. Макарова Г. И. Промышленные города Татарстана, их акторы и перспективы развития в представлениях населения. *Вестник Института социологии*. 2025;16(4):38–60. <https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.4.2>
10. Чебанова Д. С., Еременко М. А., Сорокин Д. А. Идентичность в социальных науках. Появление концепта и его эволюция. В кн. *Парадоксы локальной идентичности: как молодежь ищет место под солнцем: коллективная монография / под общ. ред. В. А. Касамары, Ю. Ю. Беловой*. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2025. С. 11–40.
11. Антонова Н. Л. Маркеры городской идентичности. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2019;9(65):14–17. <https://doi.org/10.24158/spp.2019.9.1>
12. Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности. В сб.: *Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции*. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54–59. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22420/1/geobrand-2013-12.pdf>

13. Замятина Н. Ю. Территориальная идентичность: типы формирования и образы территории. В сб.: *Идентичность как предмет политического анализа: Сб. ст. по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции*. Москва: ИМЭМО РАН; 2011. С. 204–212.
14. Витковская Т. Б., Назукина М. В. Промышленные города Урала: специфика локальной идентичности и политических практик. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2018;(3):148–165. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-148-165>
15. Головнева Е. В. Многообразие дискурсов региональной идентичности. *Известия Уральского Федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2014;123(1):198–203. <https://doi.org/10.17223/2220836/40/6>.
16. Горнова Г. В. *Городская идентичность: философско-антропологические основания*. Омск: Амфора; 2019. 167 с.
17. Глазычев В. Л. *Глубинная Россия: 2000–2002*. Москва: Новое издательство; 2005. 328 с.
18. Власова Т. А., Обухов К. Н. *Ижевск 2020: опыт социологического исследования символического пространства города*. Ижевск: Монпоражён; 2020. 124 с.
19. Кузнецов И. М. Особенности профиля российской идентичности: опыт многомерного подхода (на примере Республики Саха (Якутия)). *Вестник Института социологии*. 2023;(3):88–111. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.6>.
20. Шипицына О. А., Солонина Н. С., Бугров К. Д., Назукина М. В., Снитко А. В., Тимофеев М. Ю. Форум. Горнозаводская и равниннофабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность. *Городские исследования и практики*. 2021;6(1):125–144. <https://doi.org/10.17323/usp612021125-144>
21. Санникова О. В. Идентичность города в структуре городской идентичности жителей Ижевска. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Социология. Политология. Международные отношения*. 2023;7(1):35–49. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-1-35-49>
22. Клименко А. Б. Индустриальная идентичность как основная мировоззренческая парадигма Донбасса. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки*. 2019;(4):100–105.
23. Цветкова И. В. Символический образ города в контексте социальной идентичности молодежи (на примере эмпирического исследования в Тольятти). *Карельский научный журнал*. 2017;6(2-19):155–158.
24. Орлова Н. Г. Идентичность индустриальных городов России и СНГ в эпоху глобализации: анализ и методы сохранения. *Известия КГАСУ*. 2024;(3):216–228. <https://doi.org/10.48612/NewsKSUAE/69.19>
25. Ильина О. В. Новые городские медиа как субъект конструирования территориальной идентичности. *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2018;4(30):215–223.
26. Шуб М. Л. *Культура памяти в структуре идентичности жителей индустриальных городов*. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры; 2021. 283 с.

References

1. Belova U. Yu., Sakaev V. T., Sorokin D. A. Methodological foundations of research into the local identity of young people. In.: *Paradoxes of Local Identity: Young People Navigating Their Place in Society*. Moscow: National Research University “Higher School of Economics”, pp. 41–62. (In Russ.).
2. Shao Y., Lange E., Thwaites K., Liu B. Defining Local Identity. *Landscape Architecture Frontiers*. 2017;5(2):24–41. <https://doi.org/10.15302/J-LAF-20170203>
3. Hodson P. Titanic struggle: Memory, heritage and shipyard deindustrialization in Belfast. *History Workshop Journal. Oxford Academic*. 2019;(87):224–249. <https://doi.org/10.1093/hwj/dbz003>

4. Bouriti E. Participatory actions, participatory art and rural life in the post-industrial City of Aspropyrgos. *Design/Arts/Culture*. 2023;3(2):103–112. <https://doi.org/10.12681/dac.31502>
5. Tiran J., Bole D., Kozina J. Industrial culture as an agent of social innovation: reflections from Velenje, Slovenia. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2023;36(2):333–356. <https://doi.org/10.1080/13511610.2022.2026212>
6. Toura V. The Preservation of Industrial Heritage as a Form of Urban Resilience. The Case Studies of Ile-de-Nantes and Docks-de-Seine. *Meaning in Architecture, Now*. 2024;(21):231–248. <https://doi.org/10.13135/2385-1945/11630>
7. Alesaily Z., Albialy A. Urban identity: A bibliometric review, 1969–2024. *Alexandria Engineering Journal*. 2025;(128):724–746. <https://doi.org/10.1016/j.aej.2025.07.016>
8. Semenenko I. S. Identity in the subject field of political science. In: *Identity as a subject of political analysis. Sbornik statej po itogam Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii (IMEMO RAN, October 21–22, 2010)*. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. 2011. C. 8–12. (In Russ.).
9. Makarova G. I. Industrial Cities of Tatarstan, Their Actors, and Development Prospects as Perceived by the Population. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2025;16(4):38–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.4.2>
10. Chebanova D. S., Eremenko M. A., Sorokin D. A. Identity in the social sciences. The emergence of the concept and its evolution. In: *Paradoxes of Local Identity: Young People Navigating Their Place in Society*. Moscow: National Research University "Higher School of Economics", pp. 11–40. (In Russ.).
11. Antonova N. L. Markers of Urban Identity. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2019;9(65):14–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2019.9.1>
12. Dyagileva N. S. Theoretical aspects of urban identity. In: *Branding Small and Medium-Sized Cities in Russia: Experience, Problems, Prospects: materialy Vseros. zaoch. nauch.-prakt. konf.* Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; 2013. P. 54–59. (In Russ.). URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22420/1/geobrand-2013-12.pdf>
13. Zamyatina N. Yu. Territorial'naya identichnost': tipy formirovaniya i obrazy territorii. In: *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza: Sb. st. po itogam Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii*. Moscow: Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; P. 204–212. (In Russ.).
14. Vitkovskaya T. B., Nazukina M. V. Industrial cities of the Urals: specificity of local identity and political practices. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2018;(3):148–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-148-165>
15. Golovneva E. V. Diversity of the regional identity's discourses. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1. Problems of education, science and culture*. 2014;123(1):198–203. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/2220836/40/6>
16. Gornova G. V. *Urban identity: philosophical and anthropological foundations*. Omsk: Amphora; 2019. (In Russ.).
17. Glazychev V. L. (2005) *Glubinnaya Rossiya: 2000–2002*. Moscow: New Publishing House; 2005 (In Russ.).
18. Vlasova T. A., Obuhov K. N. *Izhevsk 2020: opyt sociologicheskogo issledovaniya simvolicheskogo prostranstva goroda*. Izhevsk: Monporazhyon; 2020. (In Russ.).
19. Kuznetsov I. M. Features of the Profile of Russian Identity: Experience of the Multi-dimensional Approach (case study of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023;(3):88–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.6>
20. Shipitsyna O. A., Solonina N. S., Bugrov K. D., Nazukina M. V., Snitko A. V., Timofeev M. Y. Forum. Mining and Plain-Factory Civilizations of Russia: Industrial Heritage and Urban Identity. *Urban Studies and Practices*. 2021;6(1): 125–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/usp612021125-144>

21. Sannikova O. V. City identity in the structure of the urban identity of Izhevsk residents. *Bulletin of Udmurt University. Series: Sociology. Political Science. International Relations*. 2023;7(1):35–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2023-7-1-35-49>. (In Russ.).
22. Klimenko A. B. Industrial identity as a basic worldview paradigm of Donbass. *Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities*. 2019;(4):100–105. (In Russ.).
23. Tsvetkova I. V. The symbolic image of the city in the context social identity of young people (for example, empirical studies in Togliatti). *Karelian scientific journal*. 2017;6(2-19):155–158. (In Russ.).
24. Orlova N.G. The identity of industrial cities in Russia and the CIS in the era of globalization: analysis and methods of preservation. *News of KSUAE*. 2024;(3):216–228. (In Russ.). <https://doi.org/10.48612/NewsKSUAE/69.19>
25. Ilyina O. V. New urban media as a subject of constructing territorial identity. *Sign: problematic field in mediaeducation*. 2018;4(30):215–223.
26. Shub M. L. *The Culture of Memory in the Structure of the Identity of Residents of Industrial Cities*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture; 2021(In Russ.).

Информация об авторе / Information about author

Макарова Гузель Ильясовна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, makarova_guzel@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>

Guzel I. Makarova, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher at the Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History, Kazan, makarova_guzel@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>

Поступила в редакцию / Received 20.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 16.06.2026

Принята к публикации / Accepted 22.08.2026

Научная статья / Original research article

УДК 378.147:316.334.3

DOI: <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-72-84>

EDN: PMKMGB

Участие обучающихся в общественно-полезных проектах как механизм развития социально ответственной личности

А. А. Попкова*, О. В. Третьякова, А. В. Воронин

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

*popkovaaa@tyuiu.ru

Аннотация. В статье представлен социологический анализ участия обучающихся в реализации общественно-полезных проектов как механизма развития социально ответственной личности. Актуальность исследования определяется необходимостью социального включения обучающихся в практики решения общественно значимых проблем через проектные команды, наставничество и социальное партнерство. Цель исследования заключается в выявлении организационных условий и эмпирических связей между участием в проектной деятельности и параметрами социальной ответственности обучающихся. Методологическую основу составили анализ научных подходов к социальной ответственности, социальному проектированию, добровольчеству, социально-общественным практикам и обучению служением, а также авторское анкетирование обучающихся. Эмпирическая база состоит из 217 анкет обучающихся 1–3 курсов. Инструментарий исследования включал 10 эмпирических индикаторов, раскрывающих опыт участия, мотивацию, оценку развивающего эффекта, готовность брать ответственность за результат проекта, понимание социальных проблем, гражданскую позицию и влияние проектной деятельности на становление социальной ответственности. Результаты показывают, что 65,9 % обучающихся имеют опыт участия в проектной деятельности в активном или обязательном формате, а у активно участвующих среднее значение индекса сформированности социально ответственной личности составляет 80,3 %. Корреляционный анализ выявил статистически значимую положительную связь между интенсивностью участия в проектах и индексом социальной ответственности ($\rho = 0,375$; $p < 0,001$). Практическая значимость исследования состоит в выделении социального механизма, где преподаватель-наставник и социальный партнер обеспечивают постановку социального запроса, организацию командной работы, ресурсную поддержку и оценку общественного результата.

Ключевые слова: социология управления, социальная ответственность, проектная деятельность, социальное партнерство, обучающиеся

Для цитирования: Попкова А. А., Третьякова О. В., Воронин А. В. Участие обучающихся в общественно-полезных проектах как механизм развития социально ответственной личности. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2026;(3):72–84. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-72-84> EDN PMKMGB

Participation of students in socially useful projects as a mechanism for developing a socially responsible personality

Alena A. Popkova*, Oksana V. Tretyakova, Aleksandr V. Voronin

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

*popkovaaa@tyuiu.ru

Abstract. This article examines students' participation in community-oriented projects as a mechanism of fostering social responsibility. The relevance of this study is determined by the need to involve students in tackling socially significant issues through project teams, mentoring, and social partnerships. This article aims to identify the organizational conditions and empirical relationship between participation in project activities and students' social responsibility. The methodological foundation consists of reviewing scholarly approaches to social responsibility, social project development, volunteering, community engagement, and service-learning, along with an original survey conducted with students. Empirical base of study covers 217 questionnaires from first- to third-year students. The survey includes 10 empirical indicators focusing on participation experience, motivation, perceived developmental outcomes, willingness to take responsibility for project results, understanding of social issues, civic attitudes, and the role of project activities in developing social responsibility. The results suggest that 65.9% of students participated in project activities either voluntarily on an active basis or as part of a mandatory program. Among those who participated actively, the mean score on the social responsibility index is 80.3%. Correlation analysis showed a statistically significant positive relationship between the intensity of participation in project activities and the social responsibility index ($\rho = 0.375$; $p < 0.001$). The practical importance of this study consists in identifying a mechanism where a faculty mentor and a social partner help define the social needs to address, coordinate teamwork, provide resources, and assess of the social result.

Keywords: sociology of management, social responsibility, project activities, social partnerships, students

For citation: Popkova A. A., Tretyakova O. V., Voronin A. V. (2026). Participation of students in socially useful projects as a mechanism for developing a socially responsible personality. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2026;(3):72–84. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-72-84>

Введение

В условиях расширения практико-ориентированных моделей высшего образования общественно-полезный проект выступает не только формой учебной активности, но и социальным процессом, в котором обучающийся включается в диагностику общественной проблемы, проектирование решения, командное взаимодействие, коммуникацию с внешними организациями и оценку полученного социального эффекта. В рамках социологии управления этот процесс целесообразно рассматривать как механизм организационного воздействия на социальные установки и поведенческие практики обучающихся, поскольку он соединяет цели образовательной организации, запросы внешней среды, ресурсы партнеров и индивидуальную готовность молодых людей брать ответственность за общественно значимый результат.

Актуальность исследования определяется тем, что социальная ответственность обучающегося формируется не декларативно, а через включение в реальные организационные контуры: постановку цели, распределение ролей, принятие решений, учет интересов целевых групп, соотнесение собственных действий с общественными последствиями. В этом смысле общественно-полезные проекты являются инструментом социализации в организационной среде вуза, где взаимодействуют обучающиеся, преподаватель-наставник и социальный партнер.

Проблема исследования заключается в необходимости эмпирически показать, какие параметры социально ответственной личности связаны с участием в проектной деятельности и каким образом эта связь проявляется в зависимости от курса обучения.

Цель статьи — выявить основания и эмпирические показатели влияния общественно-полезных проектов на развитие социально ответственной личности обучающе-

гося. Задачи исследования включают: систематизацию теоретических подходов; выделение ключевых параметров социально ответственной личности; двухфакторный анализ результатов в зависимости от курса обучения; оценку корреляционной связи между участием в проектной деятельности и индексом социальной ответственности.

Литературный обзор

Теоретическое осмысление общественно-полезных проектов в логике социологии управления требует перехода от общего описания социальной активности к анализу организационных условий, субъектов координации, механизмов мотивации и измеримых результатов. В научной литературе можно выделить несколько взаимодополняющих подходов к интерпретации социальной ответственности и проектной деятельности обучающихся.

Таблица 1. Теоретические подходы к интерпретации социальной ответственности и проектной деятельности обучающихся

Table 1. Theoretical approaches to understanding social responsibility and students' project activities

Подход	Автор	Интерпретация базовых понятий
Возрастно-личностный	Л. А. Саенко, А. Д. Ситникова; З. Ш. Магомедова; М. Х. Хайбулаев	Социальная ответственность рассматривается как интегративное качество, включающее осознанность последствий действий, принятие норм и готовность к участию в общественно значимых практиках [1–3]
Проектно-деятельностный	Е. И. Бражник, Н. Ф. Маслова, А. Д. Абашина; А. В. Кибальник	Студенческий социальный проект интерпретируется как совместное действие, в котором обучающиеся переходят от идеи к общественно значимому результату, а социальная активность проявляется в проектировании и реализации изменений [4, 5]
Компетентностный	С. И. Осипова, Н. В. Гафурова, Э. А. Рудницкий	Социально-общественные практики раскрываются как среда формирования soft skills: командной работы, коммуникации, самостоятельности, адаптивности и ответственности за результат [6]
Добровольческий и просоциальный	Ю. В. Орлова; Т. В. Потупчик, И. Л. Белых, П. Ю. Лебедева; Д. В. Савченко	Добровольчество и просоциальное поведение выступают формами участия, где ответственность проявляется через личный вклад, гражданскую активность и безопасное взаимодействие с социальными группами [7–9]
Нормативно-субъектный	В. В. Байлук; О. Р. Кривошеева	Ответственность соотносится со свободой выбора, саморегуляцией, способностью соотносить личные интересы с требованиями общества и профессиональной среды [10, 11]
Партнерский и service learning	В. С. Никольский; Е. В. Шаркунова; Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова	Обучение служением и социальное партнерство связывают образовательные результаты с запросами внешних сообществ; социальная активность молодежи раскрывается через практики взаимодействия с организациями и целевыми группами [12–14]

Систематизация подходов показывает, что социально ответственная личность обучающегося в социальном измерении может быть определена как субъект, способный осознавать социальные последствия собственных действий, принимать ответственность за результаты коллективной деятельности, учитывать интересы других групп, соотносить личные цели с общественной пользой и включаться в решение проблем на основе организационно поддержанного взаимодействия.

Для целей настоящего исследования ключевыми параметрами социально ответственной личности обучающегося выделены: 1) осознание последствий действий для общества; 2) учет интересов других людей и социальных групп; 3) ответственность за результат проекта; 4) понимание социальных проблем; 5) гражданская позиция; 6) готовность лично участвовать в решении общественных проблем; 7) способность к командной работе и обмену ценностями. Эти параметры позволяют перейти от общих оценок социальной активности к измеримому анализу результатов проектной деятельности.

Дополнительно в исследовании учитываются работы А. А. Попковой и О. В. Третьяковой, в которых проектная деятельность в вузе рассматривается в связи с личностными изменениями обучающихся и управлением социально-экономическим развитием, а молодежная лаборатория социальных проектов — как механизм реализации образовательного подхода «обучение служением» [15, 16].

Материалы и методы

Эмпирическую основу статьи составили результаты авторского социологического исследования, проведенного методом анкетирования обучающихся. В итоговую выборочную совокупность включены 217 респондентов 1–3 курсов: 1 курс — 101 человек (46,5 %), 2 курс — 101 человек (46,5 %), 3 курс — 15 человек (6,9 %).

Логика анализа основана на сравнении двух социально значимых групп: обучающиеся 1 курса рассматриваются как начинающие проектную деятельность, обучающиеся 2–3 курсов — как группа с опытом проектной деятельности. Исследовательский инструментарий включал десять тематических индикаторов, отражающих личностные характеристики, опыт участия в социально значимой и проектной деятельности, мотивы включения, оценку развивающего эффекта, ответственность за проектный результат, понимание социальных проблем, гражданскую позицию и становление социальной ответственности.

Методика обработки включала расчет частотных распределений в процентах, двухфакторный анализ по статусу проектного опыта и корреляционный анализ. Для оценки связи между участием в проектной деятельности и формированием социально ответственной личности был построен интегральный индекс социальной ответственности, включающий показатели ответственности за проектный результат, понимания социальных проблем, гражданской позиции, готовности брать ответственность за реше-

ние общественных проблем и значимости проектных механизмов. Индекс нормирован в диапазоне от 0 до 100 %. Интенсивность участия в проектной деятельности кодировалась порядковой шкалой: 0 — не участвует или не понимает формат, 1 — хотел бы попробовать, 2 — участвовал только в рамках обязательных заданий, 3 — активно участвовал в нескольких проектах. Для оценки связи использованы коэффициент Спирмена и точечно-бисериальная корреляция для бинарного признака участия.

Результаты и обсуждение

Первичный анализ показывает, что проектная деятельность уже включена в опыт большинства обучающихся: 65,9 % респондентов участвовали в проектах в активном или обязательном формате, в том числе 22,6 % — активно и в нескольких проектах, 43,3 % — только в рамках обязательных учебных заданий. При этом 18,4 % пока не участвовали, но хотели бы попробовать, а 15,7 % не планируют участия или затрудняются с пониманием формата. Следовательно, задача вуза состоит не в создании активности с нуля, а в переводе обязательного и потенциального участия в устойчивые проектные практики с понятной социальной целью и измеримым результатом.

Мотивационная структура участия неоднородна. Главным мотивом 29,4 % респондентов назвали практическую пользу: получение опыта, навыков и возможностей для будущей карьеры. Внутренняя убежденность, связанная с желанием помогать другим, чувством социальной ответственности и гражданского долга, значима для 26,6 %. Социальный аспект участия, включающий общение и принадлежность к команде, отмечен 18,3 %, внешние стимулы — 15,1 %, отсутствие мотивации — 10,6 %. Для социологии управления важен вывод о сочетании ценностных и инструментальных мотивов: проектная деятельность становится эффективной, когда система образования связывает личные образовательные интересы обучающихся с общественно полезным результатом.

Двухфакторный анализ показывает различия между начинающими проектную деятельность и обучающимися с опытом участия в проектах. Среди первокурсников активное или обязательное участие составляет 41,6 %, тогда как в группе 2–3 курсов — 87,1 %. Доля активного участия возрастает с 9,9 до 33,6 %, а доля участия в обязательных проектах — с 31,7 до 53,4 %. У начинающих обучающихся сохраняется значительный резерв потенциального вовлечения: 29,7 % хотели бы попробовать проектную деятельность, еще 28,7 % не участвуют или не понимают формат. В группе 2–3 курсов эти показатели существенно ниже — 8,6 и 4,3% соответственно (рис.1). Следовательно, опыт обучения и включенность в проектные практики выступают факторами перехода от неопределенности к реальному участию.

Связь проектной деятельности с параметрами социально ответственной личности проявляется через несколько измеряемых признаков. В целом по выборке 65,1 % респондентов готовы брать ответственность за проект в целом или за отдельные части

проекта; 64,2 % указали, что проектная деятельность помогла осознать социальные проблемы или глубоко погрузила в них; 54,1 % отметили формирование активной гражданской позиции или укрепление понимания гражданских прав и обязанностей; 73,9 % связали участие с устойчивой готовностью лично включаться в решение общественных проблем или с пониманием личной ответственности каждого. На уровне самооценки влияния проектной деятельности 48,6 % связывают ее с развитием эмпатии, ответственности, критического мышления и самостоятельности, а 24,3 % — с профессиональным становлением и развитием hard и soft skills.

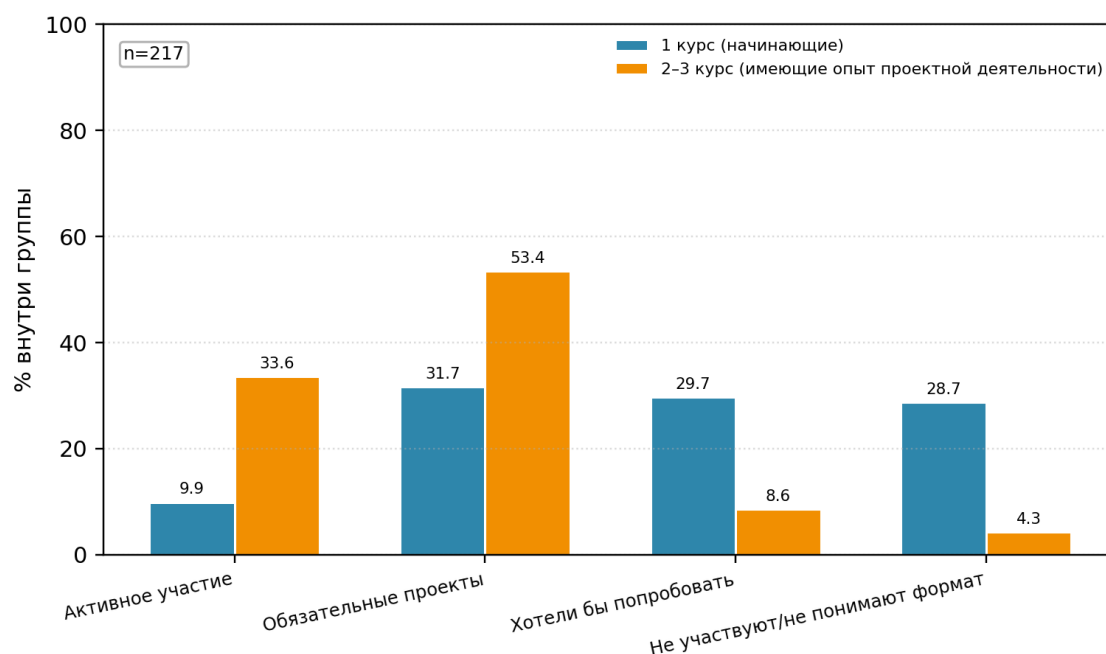

Рис. 1. Включенность в проектную деятельность: начинающие и имеющие опыт, % внутри группы

Fig. 1. Involvement in project activities: beginners and students prior experience, % within group

Сравнение начинающих обучающихся и группы, имеющей опыт проектной деятельности, показывает неоднородную динамику параметров социальной ответственности (рис. 2). У первокурсников наиболее выражена готовность брать ответственность за решение общественных проблем — 78,2 %, при этом понимание социальных проблем фиксируется на уровне 58,4 %, а гражданская позиция — 53,5 %. У обучающихся 2–3 курсов выше показатель понимания социальных проблем — 69,0 %, что связано с накоплением опыта взаимодействия с социальным партнером и получателями результата. Готовность решать общественные проблемы составляет 69,8 %, ответственность за проектный результат — 60,3 %, гражданская позиция — 54,3 %. Эти данные позволяют интерпретировать общественно-полезный проект как механизм не линейного роста всех характеристик, а перераспределения акцентов: от декларативной готовности

у начинающих к более осознанному пониманию социальных проблем у имеющих проектный опыт.

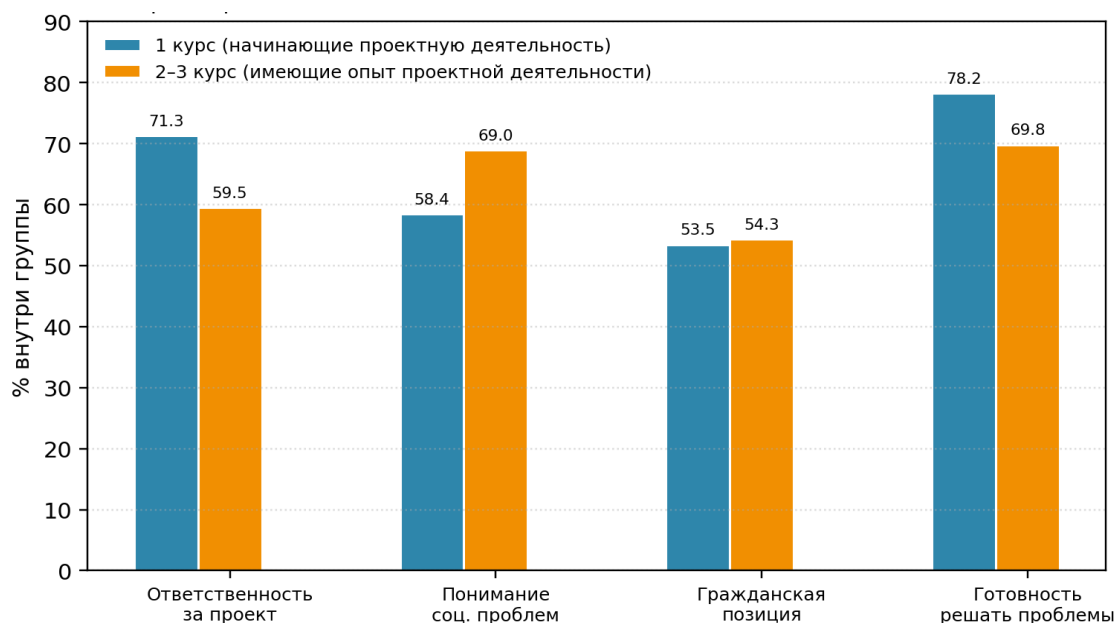

Рис. 2. Параметры социально ответственной личности у начинающих и имеющих опыт, % внутри группы

Fig. 2. Indicators of a socially responsibility among beginners and students with prior experience, % within group

Для проверки связи между участием в проектной деятельности и формированием социально ответственной личности проведен корреляционный анализ. Среднее значение интегрального индекса у обучающихся, активно участвующих в нескольких проектах, составляет 80,3 %, у участников обязательных проектов — 64,6 %, у тех, кто только хотел бы попробовать, — 65,1 %, у не участвующих или не понимающих формат — 51,3 % (рис. 3). Коэффициент ранговой корреляции Спирмена между интенсивностью участия и индексом социальной ответственности равен $\rho = 0,375$ при $p < 0,001$. Это свидетельствует о статистически значимой положительной связи умеренной силы. Точечно-бисериальная корреляция для бинарного признака участия также положительна: $r = 0,240$ при $p < 0,001$; средний индекс у участвующих в активном или обязательном формате составляет 70,0 %, у остальных — 58,3 %.

Полученная корреляционная связь, хотя и является статистически значимой, требует осторожной интерпретации в терминах причинно-следственных отношений. Как справедливо отмечается в методологической литературе, корреляция указывает на наличие взаимосвязи, но не позволяет однозначно утверждать, что именно участие в проектах выступает независимой переменной, определяющей формирование социальной ответственности. Нельзя исключать и обратного эффекта: студенты с изначаль-

но более высоким уровнем гражданской зрелости и ответственности могут быть более склонны к активному участию в общественно-полезных проектах.

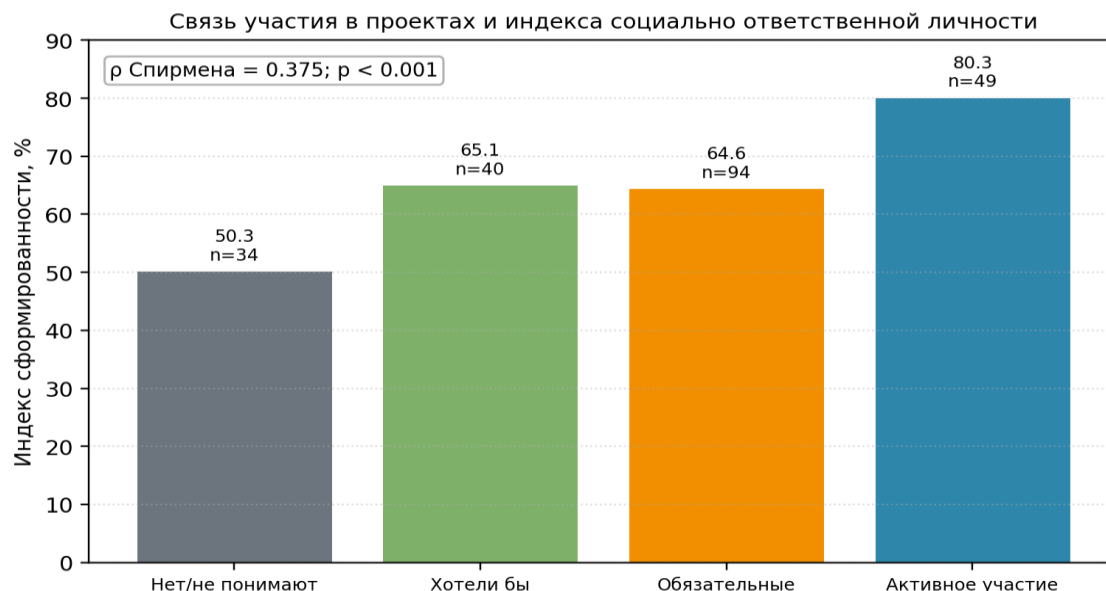

Рис. 3. Связь участия в проектной деятельности и индекса социально ответственной личности
Fig. 3. Relationship between participation in project activities and the social responsibility index

Вместе с тем для обоснования управленческого влияния проектной деятельности как механизма развития мы опираемся на совокупность эмпирических данных, выходящих за рамки одного корреляционного анализа. Во-первых, качественные данные самооценки респондентов показывают, что 73,9 % обучающихся связывают участие в проектах с устойчивой готовностью лично включаться в решение общественных проблем, а 48,6 % напрямую указывают на развитие эмпатии и ответственности именно вследствие проектного опыта. Во-вторых, двухфакторный анализ демонстрирует значимую динамику параметров: у начинающих проектная деятельность преобладает декларативная готовность (78,2 %), тогда как у имеющих опыт — более осознанное понимание социальных проблем (69,0 %), что свидетельствует о качественных изменениях в структуре ответственности. Таким образом, мы рассматриваем проектную деятельность как организационный механизм, который создает среду для актуализации и последующего закрепления социально ответственных практик, при этом не отрицая роли изначальной мотивации обучающихся.

Полученные результаты позволяют рассматривать общественно полезный проект как механизм, в котором социальный результат достигается за счет координации трех субъектов: обучающегося, преподавателя-наставника и социального партнера (рис. 4). Преподаватель-наставник обеспечивает методическую рамку проекта, постановку задач, распределение ролей, сопровождение командной коммуникации и аналитическую рефлексию результата. Социальный партнер формулирует внешний запрос,

предоставляет проблемное поле, ресурсы, обратную связь и критерии общественной полезности. Обучающиеся в этой модели выступают не объектами воздействия, а участниками проектного управления, принимающими решения и несущими ответственность за конечный результат.

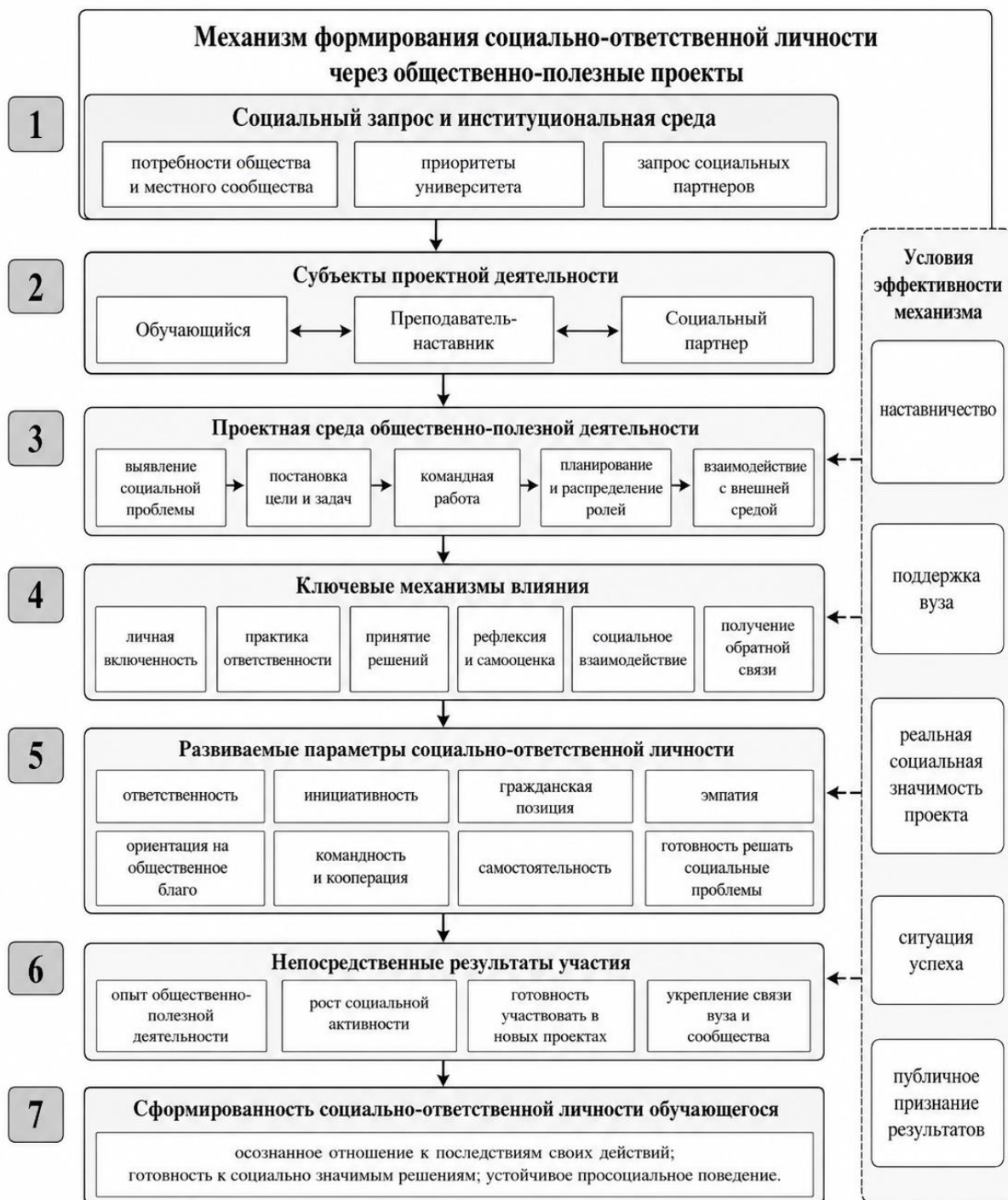

Рис. 4. Механизм формирования социально ответственной личности через общественно-полезные проекты
 Fig. 4. Mechanism for developing social responsibility through socially useful projects

Расширенная схема показывает, что формирование социальной ответственности происходит через несколько последовательных стадий: диагностику проблемы, проектирование решения, реализацию общественно-полезного действия, оценку эффекта и рефлексию. На каждой стадии формируются конкретные параметры личности: на этапе диагностики — понимание социальных проблем и учет интересов целевых групп; на этапе проектирования — готовность принимать решения и распределять ответственность; на этапе реализации — командность, эмпатия и способность взаимодействовать с социальным партнером; на этапе оценки — осознание последствий действий и гражданская позиция. Следовательно, проектная деятельность становится механизмом развития социально ответственной личности только при наличии организационной поддержки, наставничества, партнерского запроса и измерения общественного результата.

Выводы

Социологический анализ показывает, что общественно-полезные проекты целесообразно рассматривать как эффективный организационный механизм, создающий условия для развития и закрепления социально ответственной личности обучающегося, поскольку они объединяют организационные цели вуза, социальный запрос внешней среды, проектную команду, наставничество и партнерскую оценку результата.

Ключевыми параметрами социально ответственной личности обучающегося, развивающимися в результате проектной деятельности, являются: осознание общественных последствий действий; учет интересов других людей и социальных групп; эмпатия; гражданская позиция; ответственность за результат проекта; готовность лично участвовать в решении общественных проблем; способность к командному взаимодействию и обмену ценностями.

Эмпирические данные подтверждают значимость проектной деятельности: 65,9 % обучающихся 1–3 курсов имеют опыт участия в активном или обязательном формате; 22,6 % активно участвуют в нескольких проектах; 18,4 % составляют резерв потенциального вовлечения. Двухфакторный анализ показал, что среди начинающих проектную деятельность активное или обязательное участие составляет 41,6 %, а среди имеющих опыт проектной деятельности — 87,1 %.

Корреляционный анализ выявил статистически значимую положительную связь между интенсивностью участия в проектной деятельности и индексом сформированности социально ответственной личности: $r = 0,375$, $p < 0,001$. Несмотря на то, что корреляция не доказывает однозначной причинно-следственной зависимости, совокупность полученных эмпирических данных (включая самооценку респондентов и динамику параметров при переходе от 1-го к 3-му курсу) позволяет интерпретировать эту связь как индикатор того, что проектная деятельность выступает значимой средой для актуализации и развития осознанности, гражданской позиции и ответственности обучающихся.

Практическое значение результатов состоит в необходимости развивать модель проектной деятельности, в которой преподаватель-наставник отвечает за методическую и организационную рамку, социальный партнер — за общественный запрос и внешнюю оценку полезности, а обучающиеся — за проектное решение и его социальный результат.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contributions

All authors contributed equally to the preparation of the manuscript.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interests.

Список источников

1. Саенко Л. А., Ситникова А. Д. Развитие социальной ответственности у обучающихся на разных возрастных этапах. *Мир науки, культуры, образования*. 2023;6(103):96–99. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-6103-96-99>
2. Хайбулаев М. Х. Формирование социальной ответственности студентов в педагогическом вузе. *Мир науки, культуры, образования*. 2024;2(105):280–285. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-2105-280-285>
3. Магомедова З. Ш. Диагностика сформированности социальной ответственности у студенческой молодежи. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023;11(6). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/13PDMN623.pdf>
4. Бражник Е. И., Маслова Н. Ф., Абашина А. Д. Студенческие социальные проекты: от сотворчества к социальной ответственности. *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*. 2015;(2):56–65. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2015-2-56-65>
5. Кибальник А. В. Социальное проектирование как средство развития социальной активности студенческой молодежи. *Педагогический ИМИДЖ*. 2018;2(39):117–127.
6. Осипова С. И., Гафурова Н. В., Рудницкий Э. А. Формирование Soft skills в условиях социально-общественных практик студентов при реализации образовательной программы в идеологии Международной инициативы CDIO. *Перспективы науки и образования*. 2019;4(40):91–101. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.4.8>
7. Орлова Ю. В. Добровольческая деятельность как средство формирования социальной ответственности студента. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*. 2013;5(4):110–114.
8. Потупчик Т. В., Белых И. Л., Лебедева П. Ю. Волонтерство как фактор формирования социальной ответственности будущих медицинских работников. *Медицинская сестра*. 2020;22(3):6–11. <https://doi.org/10.29296/25879979-2020-03-02>
9. Савченко Д. В., Кисляков П. А., Белякова Н. В. Социальная ответственность и гражданская активность как факторы формирования безопасного просоциального поведения. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2019;4(4):60–64. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-4-60-64>

10. Байлук В. В. Свобода, ответственность и социальная ответственность студентов. *Педагогическое образование в России*. 2016; (2):7–23. <https://doi.org/10.26170/po16-02-01>
11. Кривошеева О. Р. Формирование социальной ответственности студентов физического вуза. *Омский научный вестник*. 2006;6(41):268–272
12. Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи. *Вестник Института социологии*. – 2022;13(1):129–143. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.778>
13. Никольский В. С. Обучение служением в России: становление предметного поля. *Высшее образование в России*. 2023;32(12):9–28. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28>
14. Шаркунова Е. В., Неволлина В. В. Обучение служением как эффективная образовательная методика для комплексного развития личности студента. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2024;43(4):476–485. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2024-43-4-476-485>
15. Попкова А. А., Третьякова О. В. Проектная деятельность в вузе: от личностных изменений к управлению социально-экономическим развитием. *Социология*. 2026;(4):214–219.
16. Попкова А. А., Третьякова О. В. Молодежная лаборатория социальных проектов, как механизм реализации образовательного подхода «Обучение служением». В сб.: *Образовательный подход «Обучение служением»: проблемы, результаты и перспективы развития: материалы конференции*. Ярославль; 2025. С. 120–124.

References

1. Saenko L. A., Sitnikova A. D. Development of social responsibility in students at different age stages. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2023;6(103):96–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-6103-96-99>
2. Khaibulaev M. Kh. Formation of social responsibility of students at a pedagogical university. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*. 2024;2(105):280–285. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-2105-280-285>
3. Magomedova Z. Sh. Diagnostics of the formation of social responsibility among students. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2023;11(6). (In Russ.). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/13PDMN623.pdf>.
4. Brazhnik E. I., Maslova N. F., Abashina A. D. Student's social projects: from co-authorship to social responsibility. *Lomonosov pedagogical education journal*. 2015;(2):56–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2015-2-56-65>
5. Kibalnik A. V. Social projects design as a means of developing the students' social activity. *Pedagogicheskiy IMIDZH*, 2018;2(39):117–127. (In Russ.).
6. Osipova S. I., Gafurova N. V., Rudnitsky E. A. Formation of Soft Skills in the conditions of social and public practices of students in the implementation of the educational program in the ideology of the CDIO international initiative. *Perspectives of science and education*. 2019;4(40):91–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.32744/pse.2019.4.8>
7. Orlova Yu. V. Volunteering as the means of forming the students social responsibility. *Bulletin of the South Ural State university. Series: Education. Educational sciences*. 2013;5(4):110–114. (In Russ.).
8. Potupchik T. V., Belykh I. L., Lebedeva P. Yu. (2020). Volunteering as a key factor of developing social responsibility for future medical workers. *Meditinskaya sestra (The nurse)*. 2020;22(3):6–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.29296/25879979-2020-03-02>
9. Savchenko D. V., Kislyakov P. A., Belyakova N. V. Social responsibility and civic engagement as factors in the formation of safe prosocial behavior. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2019;(4):60–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-4-60-64>

10. Bayluk V. V. Freedom, responsibility and social responsibility of students. *Pedagogical education in Russia*. 2016;(2):7–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/po16-02-01>
11. Krivosheeva O. R. (2006). Formation of social responsibility of students of a physical education university. *Omsk scientific bulletin*. 2006;6(41):268–272. (In Russ.).
12. Kostina E. Yu., Orlova N. A. Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth. *Bulletin of the institute of sociology*. 2022;13(1):129–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.1.778>
13. Nikolskiy V. S. Service learning in Russia: Scoping review. *Higher education in Russia*. 2023;32(12):9–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28>
14. Sharkunova E. V., Nevolina V. V. Ministry Training As an Effective Educational Method for the Comprehensive Development of a Student's Personality. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2024;43(4):476–485. (In Russ.). <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2024-43-4-476-485>
15. Popkova A. A., Tretyakova O. V. (2026). Project activity at university: From personal changes to managing socioeconomic development. *Sociology*, 2026;(4):214–219. (In Russ.).
16. Popkova A. A., Tretyakova O. V. Youth laboratory of social projects as a mechanism for implementing the educational approach "service learning". In.: *The "Service Learning" educational approach: challenges, results, and development prospects: conference materials*. Yaroslavl; 2025. P. 120–124. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Попкова Алена Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, popkovaaa@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8507-8151>

Третьякова Оксана Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, tretjakovaqv@tyuiu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9668-1999>

Воронин Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и организации производства, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, voroninav@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2667-6626>

Alena A. Popkova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, popkovaaa@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8507-8151>

Oksana V. Tretyakova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, tretjakovaqv@tyuiu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9668-1999>

Aleksandr V. Voronin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Economics and Production Organization, Industrial University of Tyumen, voroninav@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2667-6626>

Поступила в редакцию / Received 01.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 22.04.2026

Принята к публикации / Accepted 05.05.2026

Научная статья / Original research article

УДК 316.3

DOI: <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-85-105>

EDN: PUEJIQ

Профессиональное выгорание преподавателей

Л. В. Ребышева*, С. В. Толмачева, А. В. Шляков

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

*rebisheva_lida@mail.ru

Аннотация. Современное состояние образовательной системы страны претерпевает значительные изменения, во многом определяющиеся профессорско-преподавательским составом, который служит одним из значимых рейтинговых показателей высшей школы и имеет особое значение для государственной аккредитации и конкурентоспособности для вуза. Большое внимание уделяется именно качественному совершенствованию кадрового состава во всех видах учебно-методической и научно-исследовательской деятельности. Изменения академической среды усиливают и психосоциальные риски из-за постоянного увеличения нагрузки на профессорско-преподавательский состав, в связи с чем особую актуальность приобретает проблема профессионального выгорания преподавателей. Цель исследования — теоретическое и практическое обоснование причин эмоционального и профессионального истощения преподавателя высшей школы. Эти причины достаточно разнообразны: высокая учебная нагрузка, увеличение количества обязанностей и возлагаемой ответственности, нехватка времени для подготовки к профессиональной деятельности, отсутствие поддержки со стороны администрации. В результате опроса преподавателей кафедры были уточнены конкретные факторы и проявления, способствующие эмоциональному и профессиональному истощению преподавателей высшей школы, что позволило конкретизировать теоретические положения и расширить понимание механизмов возникновения этого состояния. Результаты исследования носят пилотный характер и позволяют подобрать комплексные решения для обозначенной проблемы, затрагивающей не только организационные условия труда, но и личностные ресурсы.

Ключевые слова: высшее образование, профессиональное выгорание, преподаватель, культура, молодежь, интернет, досуговая сфера

Для цитирования: Ребышева Л. В., Толмачева С. В., Шляков А. В. Профессиональное выгорание преподавателей. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2026;(3):85–105 <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-85-105> EDN PUEJIQ

Professional burnout of lecturers

Lidia V. Rebysheva*, Svetlana V. Tolmacheva, Aleksey V. Shlyakov

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

*rebisheva_lida@mail.ru

Abstract. The country's higher education system is undergoing major changes, many of which are driven by university teaching staff. Teaching staff is one of the key performance indicators in higher education and is particularly important for state accreditation and university competitiveness. Considerable attention is paid to enhancing staff competence in educational, methodological, and research activities. Thus, changes in the academic environment are increasing psychosocial risks due to the growing workload of the teaching staff. In this context, lecturer burnout has become particularly relevant. The aim of this study is to provide both theoretical and practical explanations of the factors contributing to emotional and professional exhaustion among university lecturers. These factors are quite diverse and include heavy teaching load, a growing number of duties and responsibilities, insufficient time for professional preparation, and a lack of administrative support. A survey of faculty members in the department helped to identify specific factors and manifestations contributing to the emotional exhaustion and burnout of university lecturer. The obtained data made it possible to clarify theoretical provisions and expand the understanding of the mechanisms underlying this condition.

Keywords: higher education, professional burnout, teacher, culture, youth, internet, leisure

For citation: Rebysheva L. V., Tolmacheva S. V., Shlyakov A. V. Professional burnout of lecturers. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics.* 2026;(3):85–105. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-85-105>

Введение

Современное состояние системы высшего образования в России, затрагивающее как подходы к обучению, так и организационно- управленческие аспекты, можно охарактеризовать с точки зрения неопределенности и нестабильности. В нашей стране всегда наблюдался повышенный интерес к проблемам образования, особенно на современном этапе — активной модернизации высшей школы, характеризующейся изучением и разработкой новых подходов, направленных на обеспечение конкурентоспособности вузов. Это влечет прежде всего обновление содержания образовательного процесса, внедрение новейших технологий и педагогических практик и, соответственно, изменений по подготовке преподавательского (кадрового) состава.

Несмотря на трансформации в обновлении параметров и образовательных технологиях, центральной фигурой в высшем образовании остается лектор, преподаватель, от работы которого в первую очередь зависит качество образовательного процесса. Однако престиж научно-педагогической деятельности, мягко говоря, невысок, что приводит к увеличению среднего возраста преподавательского состава и нежеланию молодежи идти в данную профессию.

Как отмечает М. М. Соколов, «...низкая привлекательность научно-педагогической работы имеет несколько причин:

- относительно невысокий уровень оплаты труда в сочетании с существенной когнитивной нагрузкой и временными затратами, необходимыми для профессионального роста и развития;
- невысокая скорость карьерного продвижения вследствие доминирования в российской университетской культуре черт трансформирующей академической си-

стемы, которая фактически не ограничивает срок пребывания на низших ступенях иерархической лестницы» [1];

- нестабильность развития системы высшего образования, как отмечает Н. И. Архипова, «...на фоне которой положение преподавателей, а также их будущее характеризуется состоянием неопределенности» [2].

Таким образом, невысокий уровень социального престижа и недостаточная оплата труда профессорско-преподавательского состава приводит к достаточно серьезным проблемам старения и дефицита кадрового состава, а самое главное, повышает риск развития синдрома профессионального выгорания преподавателя.

Профессиональное выгорание преподавателя, как правило, начинается с длительного стрессового состояния, возникающего в результате различных причин, не всегда личных. Основопологающие причины этого процесса включают социально-экономические факторы: условия труда, низкая оплата и материальное стимулирование, плохая социальная поддержка и организационная политика вуза. Для обеспечения себе и семьям достойного существования преподаватели вынуждены совмещать преподавание, брать дополнительную нагрузку, вести научную работу, что является обязательным условием, где-то заниматься административной деятельностью, что ведет к уставанию и соответственно выгоранию.

Важно отметить существующее мнение, что эмоциональное (профессиональное) выгорание характерно только для «слабых» людей. Но, как правило, и «устойчивые к стрессам сотрудники» подвержены этому влиянию вследствие создавшихся неблагоприятных условий работы или недостатка поддержки.

Сегодня многие вузы ограничены в финансовых ресурсах, у них отсутствует или морально устарела материальная база, аудиторный фонд отличается неприглядной оснащенностью и изношенностью, что препятствует качественному процессу обучения и вызывает у преподавателя чувства бессилия и разочарования и, таким образом, тоже запускает процесс выгорания.

Серьезной проблемой являются изменения в системе высшего образования, которые предполагают повсеместное использование контрактной системы оплаты труда для преподавателей вуза, что негативно влияет на психологическое состояние человека, особенно возрастного, когда он постоянно находится «под угрозой» не продления трудового договора и потери работы.

Современное качественное образование предполагает внедрение и использование цифровых технологий, активно применяющихся сегодня в учебных процессах. Однако устаревшая материально-техническая база университетов не позволяет в полной мере качественно проводить ни учебные занятия, ни научно-исследовательские работы, ни масштабные внеучебные мероприятия.

Таким образом, эмоциональное выгорание преподавателей высшей школы, как правило, связано с профессиональной деятельностью, организационными факторами, индивидуальными особенностями человека.

Материалы и методы

Непрерывная и активная модернизация высшей школы предполагает наличие высококвалифицированного кадрового состава и начинается с него. Именно преподавательский состав, с точки зрения профессиональной компетентности, становится активным участником этого процесса, проводником всех нововведений и прогнозируемых преобразований и должен решать поставленные перед ним задачи, требующие серьезных психологических усилий. В связи с этим деятельность преподавателя за последнее время кардинально изменилась. Трудовые функции расширились и усложнились, при этом условия труда поменялись в худшую сторону, что повлияло на эффективность труда преподавательского состава, которая в первую очередь определяется организационными условиями труда, обуславливающимися содержанием и особенностями и деятельности.

Преподавательская деятельность всегда считалась сложноорганизованной, имея свои особенности, связанные не только с педагогикой и учебной деятельностью, но и включающие учебно-методическое, научно-исследовательское направление, а также внеучебную работу со студентами. Как отмечает К. Роджерс, профессия педагога относится к виду «человек — человек, предполагая отношения, в которых одна из сторон способствует другой стороне в личностном росте, развитии, лучшей жизнедеятельности и формировании зрелости» [3]. Таким образом, помимо профессиональных качеств, преподаватель должен владеть еще другими различными, которые относятся к общечеловеческим ценностям, наличие педагогического такта и этики, конечно коммуникативности. Он должен уметь слушать, создавать обстановку доверительности и отзываться на переживание других, то есть обладать эмпатией. Технологии современного обучения в высшей школе предполагают на равных обмен мнениями, когда возникает определенное равноправие в отношении со студентами, и преподаватель с помощью своего опыта и знаний помогает обучающимся ориентироваться в научном информационном потоке, таким образом активизируя творческий потенциал студентов и стимулируя их самостоятельность.

Происходящие инновационные изменения в содержании высшего образования повышают качественные компетенции профессорско-преподавательского состава, которые достаточно разнообразны и должны активно использоваться для заинтересованности и мотивации обучающихся в учебном процессе. Как отмечает А. В. Калашникова, «...преподаватель высшей школы — это не просто транслятор знаний, основная задача преподавателя — это вовлечь студента в учебный процесс, а не заставлять его участвовать в нем» [4]. Это подтверждает З. Ф. Есарева: «...преподаватель высшей школы — это научный работник, который хорошо овладел научными методами обучения и воспитания, умело использует технические средства преподавания, непрерывно повышает свою квалификацию, активно участвует в научно-исследовательской работе, в общественной жизни» [5]. Таким образом, преподаватель

должен корректировать свою профессиональную деятельность, находить баланс между педагогической и научной нагрузкой, которая в последнее время только увеличивается. Все это дает обратный эффект, что значительно отражается на качестве учебной и научно-исследовательской работы.

Как отмечает В. Д. Шадриков, «...профессиональный преподаватель должен быть ценностно ориентированным для того, чтобы выстроить собственную успешную модель деятельности, являющуюся ориентиром для профессионального развития» [6]. Когда преподаватель понимает и принимает компоненты труда, «...как ценные для себя, формируется моральная устойчивость, прочность к затруднительным ситуациям в рамках профессии» [6]. Однако следует уточнить, что обеспечивая качество учебного процесса с постоянно меняющимися компетенциями и квалификационными требованиями к преподавателю, необходимо быстро адаптироваться и к новым профессиональным стандартам, которые предполагают разработку нового методического обеспечения читаемых дисциплин, что влечет возрастание рабочей и эмоционально-психологической нагрузки и отрицательно отражается на состоянии профессионального здоровья.

Понятие «эмоциональное сгорание», «синдром эмоционального выгорания» было впервые предложено в 1974 г. американским психологом Г. Фрейденбергом, который понимал его как «...негативное психологическое состояние, возникающее у людей профессий, основанных на взаимодействии в системе "человек — человек"» и предполагал, что из-за продолжительной эмоциональной нагрузки со временем происходит «... умственное, эмоциональное и физическое истощение», что может привести к состоянию "дезадоптированности" к рабочему месту из-за чрезмерной рабочей нагрузки и неадекватных межличностных отношений в коллективе» [7].

Достаточно своеобразно об этой проблеме высказался в 1981 г. ученый Э. Морроу. Внутреннее состояние человека, испытывающего профессиональное выгорание, он назвал «... запахом горячей психологической проводки» [8].

В то же время изучением профессионального выгорания активно занимается американский психолог К. Маслак и в 1978 г. разрабатывает для специалистов в сфере социальных услуг простой в применении опросник, который включает «три субшкалы: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений» [9]. При этом А. М. Салогуб рассматривает эмоциональное истощение «...как основной компонент выгорания, относящийся к начальному этапу проявления равнодушия, проявлением опустошенности, истощенности собственных ресурсов. Второй компонент — «деперсонализацию» — он определяет как «...безразличное, даже где-то негативное и бездушное отношение к другим людям, коллегам, которое, можно сказать, становится формальным» [10]. Если говорить о редукции личных достижений, то здесь уже проявляется ощущение заниженной самооценки к своим достижениям и успехам или преуменьшение собственного достоинства, человек

становится недовольным собой. Таким образом, А. М. Салогуб акцентирует внимание на «профессиональном характере синдрома выгорания», трактовке его «как результата профессиональных проблем» [10].

Основоположником изучения синдрома профессионального выгорания в России считается В. В. Бойко, понимая под ним «...выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия» [11]. По мнению Т. В. Форманюк, «...данный синдром — это специфический вид профессионального заболевания лиц, работающих с людьми» [11].

В. А. Абрамова анализирует понятие «эмоциональное выгорание» разносторонне, например, с точки зрения «...психологического явления негативного характера, приводящего к эмоциональному истощению, возникающему, когда человек длительное время тратит свою эмоциональную энергию без возможности ее восполнить» [12]. Необходимо дополнить, что эмоциональное выгорание связано с полным регрессом профессионального развития и полностью разрушает личность, в том числе в аспекте эффективности профессиональной деятельности.

Г. С. Абрамова и Ю. А. Юдчиц, отождествляя эмоциональное выгорание и профессиональную деформацию, «...выделяют две основные составляющие профессиональной деформации личности в системе профессий "человек — человек"» [13]. Подтверждая эти слова, С. П. Безносков отмечает: «...предмет профессиональной работы — другой человек, его личность, мировоззрение, привычки, психофизиологические и анатомические особенности, детали внутреннего мира, данный источник непосредственно его организует; педагог должен (обязан) сохранить общение с ним, понимать его мысли, чувства и нравственные установки, сопереживать ему, чтобы он мог выбрать наиболее мощные ресурсы воспитательного влияния» [4].

К профессиональному выгоранию интересен и актуален подход авторов Е. Эделевич и А. Бродского, рассматривающих его как «...процесс разрушения иллюзий», когда преподаватель не получает идеализированные свои представления в реальной ситуации, и, следовательно, его результат не такой, какой хотелось бы [15]. В подобной ситуации, как показывают исследования, очень часто оказывается молодое поколение преподавателей, которое с энтузиазмом начинает трудовую деятельность, строит карьерные планы, но зачастую быстро уходит из профессии разочарованным и нереализованным. Таким образом, деятельность преподавателя проходит через различные кризисные состояния в процессе профессиональной реализации, что может постепенно привести к профессиональному выгоранию.

На сегодняшний день существует множество причин, непосредственно связанных с особенностями работы преподавателей и приводящих к профессиональному выгоранию. Формируются они постепенно, зависят от особенностей личности педагога. Достаточно полный и обоснованный обзор причин развития профессионального

эмоционального выгорания в своей работе приводит В. Г. Ляшенко, разделяя все факторы, провоцирующие «...формирования профессионального выгорания как внешние и внутренние; субъективные и объективные» [16].

Одной из основных первопричин профессионального выгорания, по мнению В. В. Бойко, является «хронический стресс», [17] который может возникнуть как под воздействием условий внешней среды (тяжелая жизненная ситуация), так и под влиянием индивидуальных особенностей человека, его реагирования на происходящее и восприятия.

Доктор психологических наук Н. В. Водопьянова в многочисленных трудах уточняет, что профессиональное выгорание — это «...долговременная стрессовая реакция, возникающая вследствие продолжительных профессиональных стрессов средней интенсивности. Ее можно рассматривать в аспекте личностной деформации, происходящей под влиянием профессиональных стрессов» [18].

Далее нельзя не согласиться с мнением Р. З. Сабанчевой, которая отмечает: «...неоднократные ситуации, связанные с тем, что усилия преподавателя сталкиваются с равнодушием, невниманием или даже враждебностью со стороны студентов, приводят к тому, что у него, как у профессионала, может возникнуть кризис самооценки и профессиональной мотивации» [19]. Профессия преподавателя относится к разряду публичных, когда предполагается общение с различными людьми в различных эмоциональных состояниях и на постоянной основе. Таким образом, преподаватель, участвуя в коммуникационном процессе, должен владеть «коммуникационной культурой», которая будет характеризовать его как профессионала и определяться особенностями личности. Если человек достаточно замкнут и сосредоточен на своих проблемах, это также провоцирует накопление стресса.

Публичность и открытость жизни преподавателя заставляют его постоянно контролировать себя, так как необходимо ежедневно следить за своей пунктуальностью, внешним видом, уравновешенностью, вежливостью. Таким образом, самоорганизация личности является частью профессии и обеспечивает ее квалификацию (продуктивность). Как указано в одной из универсальных компетенций будущего преподавателя, «...его самоорганизация в профессии — способность управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития в течение всей жизни» [20].

Продолжают в этом плане процесс выгорания индивидуальные особенности человека, которые проявляются прежде всего через личностные качества, уровень профессиональных компетенций, стиль общения, а также в «завышенных требованиях» к себе и своей работе. Одним из критериев индивидуальных особенностей преподавателя выступает эффективность профессиональной деятельности, определяющаяся результатами продуктивной деятельности учеников, положительными отзывами коллег и студентов и высокой оценкой руководства вуза. Таким образом, можно говорить о профессиональной компетентности преподавателя и личностной реализации

в профессии. Однако перфекционизм и чрезмерная самокритичность могут влиять не только положительно, но и вызывать определенные отрицательные эмоции, когда результат работы не достигнут, что определенно способствует развитию профессионального выгорания.

На степень профессионального выгорания преподавателя достаточно сильно влияют и организационные факторы, к которым относятся конфликты в коллективе, когда напряженные отношения создают «нездоровую атмосферу» и с коллегами, и с руководством, например, несправедливое распределение нагрузки, административное давление и неэффективное управление. Преподаватели, вовлеченные в конфликты, могут испытывать стресс, разочарование, беспокойство. Особенность профессии предполагает возникновение межличностного непонимания, которое в некоторых случаях неизбежно, но результаты его влияния могут отражаться на качестве образовательного процесса.

Определенные особенности условий преподавательской работы включают коммерческую составляющую образования, серьезно влияющую на стабильное эмоциональное поведение преподавательского состава любого вуза. Так, например, в контрактной системе работы иногда устанавливаются требования, неприемлемые для преподавателя вуза и нарушающие определенные нормы трудового законодательства (переход к новым условиям труда в короткие сроки). Работать в таких условиях невозможно, поскольку человек находится в постоянном стрессе, что некорректно воздействует на психологическое состояние любого работника, особенно возрастного, по причине отсутствия понимания продления сроков контракта. Следовательно, это состояние усугубляет риск развития синдрома профессионального выгорания.

Началом кардинальных изменений в образовательном процессе вузов послужила также цифровизация образования, что, можно сказать, явилось триггером для преподавателя его цифровой трансформации. Этот процесс оказался достаточно болезненным для возрастного профессорско-преподавательского состава в силу сложности. С одной стороны, цифровизация предполагает применение новейших технологий и тем самым делает образовательный процесс инновационным и эффективным. С другой стороны, у преподавателя возникают этические проблемы, так как его опыт и знания не всегда соответствуют новым образовательным компетенциям. Необходимо отметить и то, что во многих вузах цифровые технологии задействуются на рутинном уровне из-за устаревшей материально-технической базы, слабого интернета и отсутствия административной поддержки. Таким образом, классический образовательный процесс, постепенно «переходя на цифру», не всегда однозначно положительно сказывается на качестве образования.

Влияет на профессиональное выгорание преподавателя вуза рабочая среда и ее особенности, ориентированные прежде всего на профессиональное развитие личности с учетом всех современных технологий и тенденций в науке. Современные

подходы к обучению включают информационно-коммуникационные технологии, интерактивные учебные платформы (тестовые задания), электронные учебники и методические пособия, виртуальные классы с использованием игровых технологий (онлайн-занятия), которые позволяют в разы повысить эффективность образовательного процесса, но при этом требуют значительной дополнительной подготовки со стороны преподавателя, в том числе времени, которое никто этого не учитывает. Таким образом, продолжительность рабочего дня возрастает. Важно отметить и то, что здесь необходимо находить баланс между преподавательской и исследовательской деятельностью.

Определенные проблемы, вызывающие профессиональное выгорание, связаны с социальной поддержкой преподавателей не только со стороны семьи, но и руководства вуза. Можно констатировать, что основные виды льгот и социальной помощи, установленные законодательно, руководством вузов соблюдаются. Однако сегодня все же наблюдается необоснованный подход в решении некоторых вопросов. Например, получение педагогическими работниками жилых помещений по договорам социального найма вне очереди, так как самостоятельно вузы не строят такого жилья. Многие семьи преподавателей, в лучшем случае, временно проживают в служебных квартирах или общежитиях квартирного типа, но при увольнении из вуза обязаны их освободить.

Необходимо отметить низкую заработную плату молодых преподавателей. Она является существенной проблемой в связи с необходимостью дополнительных ресурсов для обучения в аспирантуре, публикации научных трудов (в большинстве своем они платные), написания и защиты диссертаций для повышения своего профессионального потенциала. Бюрократические трудности в оформлении документооборота и согласующих документов не позволяют расширять географию участия в научных конференциях, что сказывается на мотивации к профессиональному росту и способствует возникновению синдрома профессионального выгорания.

Отсюда следует, что профессиональное выгорание — не внезапное событие. Оно не возникает беспричинно, а является постепенно развивающимся процессом. Причинами профессионального выгорания, как говорилось выше, могут быть внешние и внутренние факторы.

Необходимо учитывать, что у любого человека стрессовая ситуация может возникнуть не только от нестабильной политической или экономической ситуации в стране, но и от плохих организационных условий работы, социально-психологического климата в коллективе. Поэтому данный процесс можно предупредить и выявить на первоначальной стадии, когда проявляются первичные признаки (снижение заинтересованности в своей работе), и не допустить критической ситуации, когда возникает циничное и негативное отношение к работе, постепенно разрушающее человека.

Результаты и обсуждение

Профессиональное выгорание преподавателя, по данным различных исследований, формируется постепенно. Понимая предполагаемые причины этого явления, можно своевременно обнаружить и провести профилактические мероприятия.

С целью определения основных причин синдрома профессионального выгорания был проведен опрос преподавательского состава на одном из подразделений вуза (кафедре). Участвовали 39 человек профессорско-преподавательского состава. Остепенность кафедры составляет 95 %, в том числе 11 чел., или 28 %, имеют степень доктора наук; 26 чел., или 66 %, имеют степень кандидата наук; 2 чел., или 6 % составляют старшие преподаватели. Средний возраст по кафедре — 52 года. Минимальный стаж в профессии — 20 лет, максимальный — 57 лет, то есть все респонденты — это профессионалы со значительным опытом работы. Несмотря на возраст и стаж в профессии, 100 % опрошенных считают проблему профессионального выгорания актуальной в связи с особенностями своего труда, который предполагает высокую ответственность и эмоциональную вовлеченность в учебный процесс.

В первую очередь участникам опроса было предложено определить основные причины, представленные пятью группами и формирующие, по мнению респондентов, синдром профессионального выгорания (рис. 1).

Рис. 1. Ранжирование причин профессионального выгорания преподавателей
Fig. 1. Ranking of the factors of professional burnout among university lecturers

Представленные на рисунке 1 ответы позволяют сделать вывод, что все перечисленные причины, вызывающие профессиональное выгорание преподавателей кафедры, актуальны, но не все реально действуют в равной степени. Если говорить о причинах, связанных с мотивацией, то оплата труда служит для любого работающего главным фактором. Однако в высшей школе оплата труда преподавателя имеет свои особенности — прежде всего престиж профессии, тесно связанный с уровнем дохода. Поэтому невысокая заработная плата может снижать общую оценку социальной значимости профессии и в глазах общества работа преподавателя воспринимается как менее престижная.

Низкий уровень оплаты труда преподавательского состава негативно отражается на привлечении молодых сотрудников. Талантливая молодежь стала реже выбирать профессию преподавателя. С одной стороны, окончив аспирантуру, молодые люди идут в профессию преподавать, руководствуясь внутренними мотивами и желанием делиться знаниями, и понимают, что их скромные доходы не соответствуют ожиданиям и затратам времени и сил. С другой стороны, нельзя сказать, что мотивационные показатели (надбавки за ученую степень, публикационную активность, участие в грантах) не работают. Для амбициозной молодежи — это инструмент, способствующий не только стимулированию профессионального роста, но и довольно быстрому продвижению по карьерной лестнице. Современному вузу, чтобы оставаться конкурентоспособным, нужны не только исследователи, но и те, кто реализуют организационные задачи: управляют ресурсами, развивают инфраструктуру, координируют проекты. Поэтому выпускники аспирантуры, защитившие научные работы, позиционирующие себя с точки зрения коммуникабельности, умения работать с людьми, достаточно быстро становятся руководителями различных структурных подразделений вуза и могут реализовать себя достаточно успешно.

Экзистенциальную группу признаков профессионального выгорания преподавателя, связанных с чувством незащищенности, отметили 74 % респондентов. К таким причинам относятся социальная и экономическая нестабильность, культурные и общественные изменения, которые затрагивают ценности, нормы, идентичности, способы общения и взаимодействия людей. На современном этапе огромное влияние на преподавательскую деятельность оказали происходящие изменения, вызванные внедрением и использованием цифровых технологий в образовательный процесс. Начали меняться методы преподавания, материально-техническая оснащенность вузов, повсеместно используется онлайн-обучение, внедряются цифровые программы, которые нарушили коммуникативные связи и умения преподавателей с обучающимися, где-то даже из-за нехватки цифровых компетенций.

Как отмечает П. Смирнов, «...прежде всего, существует сопротивление цифровизации, обусловленное консервативными подходами среди преподавателей и администрации, вызванное страхом перед изменениями, недоверием к цифровым тех-

нологиям или отсутствием мотивации к освоению новых методов» [21]. Таким образом, из «монопольного транслятора знаний» преподаватель становится «навигатором» в информационном пространстве. Несмотря на то, что цифровые инструменты расширили возможности обратной связи, общение с педагогом сводится к различным вариантам тестирования, письменным ответам. При этом не все преподаватели, особенно возрастные, легко осваивают новые цифровые технологии. Кроме того, возникают сложности по интеграции цифровых ресурсов в лекционные курсы преподавателя, где правильно должны быть встроены цифровая этика и безопасность. Необходимо отметить и то, что цифровые технологии развиваются достаточно быстро, что обязывает вуз постоянно обновлять техническую базу и программное обеспечение.

Следующая группа причин относится к ролевым конфликтам, которые также способствуют развитию синдрома профессионального выгорания. Это отметили 79 % респондентов, указав на их значительное влияние на психологическое состояние.

В академической среде часто приходится разделять рабочее и личное время, что не всегда получается правильно. Например, семья у преподавателей не всегда находится не на «первом» месте, так как специфика деятельности предполагает необходимость дополнительного времени для подготовки к занятиям, написания научных статей для конференций и командировок, связанных с их проведением соответственно. Поэтому у человека может часто возникать чувство вины, в результате чего он начинает испытывать напряжение, которое может привести к стрессу. Таким образом, преподаватель пытается быть успешным, заниматься карьерным ростом для самореализации, но при этом, у него не хватает времени на семью, особенно это очевидно для женщин. В подобных случаях часто приходится идти на компромисс или делать выбор.

Необходимо отметить, что научная и административная работа в вузе отнимает много времени в ущерб личным интересам. В этом случае поддержка коллег, профессионального сообщества и семьи любому человеку просто необходима. В противном случае он ощущает себя одиноким в своих трудностях. Сначала такое непонимание со стороны руководства или семьи может вызвать у работника эмоциональное напряжение, чувство несправедливости, а в дальнейшем, возможно, привести и к конфликтной ситуации. Таким образом, слабая социальная поддержка значительно влияет на появление синдрома профессионального выгорания.

Условия, в первую очередь формирующие мотивацию преподавателя к работе и влияющие на его внутреннее состояние, относятся к организационным и связаны с функционированием учебного учреждения, что отметили 100 % опрошенных.

Кадровая политика любого вуза должна выстраиваться на принципах стратегического планирования, где четко прописаны долгосрочные цели работы с кадровым составом, в том числе мероприятия по профилактике выгорания сотрудников. Одним из направлений в этом случае является создание условий для профессиональ-

ного развития, чтобы работа приносила удовлетворение, а не превращалась в рутинный процесс. Работа преподавателя высшего учебного заведения предполагает регулярное повышение квалификации, освоение новых технологий, отвечающих времени, что позволит сохранить не только интерес к работе, но и быть «на одной волне» с обучающимися. Необходимо отметить и такие важные организационные моменты, как удобное расписание, рациональное распределение нагрузки для того, чтобы гибко планировать свое время.

Мощным мотиватором для педагога высшей школы служит возможность профессионального роста, связанная не только с повышением квалификации и участием в различных научных конференциях, но и использованием его практического опыта в разработке образовательных программ и методических материалов, которые отражают реальные профессиональные задачи. Таким образом, публичное признание заслуг преподавателя, то есть доброжелательная обратная связь со стороны коллег и администрации, позитивная атмосфера повышают его самооценку, так как он понимает значимость своего труда. Однако если в его адрес звучит необоснованная критика, со стороны коллег проявляются интриги и непонимание, все это способно создать достаточно напряженную атмосферу в коллективе и негативно повлиять на психологическое состояние. Таким образом, хронические стрессы и выгорание приводят к эмоциональному истощению, цинизму, а следовательно, к снижению профессиональной эффективности.

Обостряет проблему профессионального выгорания и современная система эффективных контрактов. С одной стороны, в эффективном контракте прописаны обязанности, критерии оценки профессиональной деятельности преподавателя и их связь с оплатой труда (материальные стимулы), что повышает мотивацию преподавателей к качественному труду и результативности работы. С другой стороны, строгая привязка к конкретным показателям, размытые границы ответственности и угроза их невыполнения создают предпосылки к хроническому стрессу. В этом случае администрация вуза должна обеспечить все условия для достижения поставленных целей, то есть развивать поддерживающую среду и обратную связь. Таким образом, задача руководства вуза выстроить данную систему так, чтобы она была направлена на сохранение профессионального здоровья преподавателей.

Развитию синдрома профессионального выгорания достаточно активно способствуют личностные причины, отмеченные 62 % респондентов. Сами по себе эти причины не создают стрессовую ситуацию, но усугубляют ее, поскольку зависят от характерных особенностей человека.

К таким особенностям в преподавательской деятельности относится склонность к перфекционизму, высокая ответственность, низкая стрессоустойчивость и неумение «отключаться» от работы. Профессия преподавателя построена на интенсивном общении, предполагающем работу со студентами и их проблемами, что влечет

большие эмоциональные затраты. Находясь в постоянном взаимодействии со студентами, преподаватель постоянно должен поддерживать их мотивацию к учебе, особенно к своему предмету, что требует дополнительных усилий, энергии и эмоциональной вовлеченности. При этом, с одной стороны, необходимо проявлять доброжелательность и поддержку, а с другой, должна соблюдаться профессиональная дистанция, и, конечно, контроль эмоциональных срывов.

Одна из серьезных проблем, связанных с профессиональным выгоранием — это конфликт между личными и профессиональными ценностями, который можно связать с высокой ответственностью. Например, конфликт ценностей возникает между идеалом в профессии преподавателя, когда он при полной самоотдаче хотел бы получить «на выходе успешного ученика», но при низкой мотивации к учебе обучающихся и бюрократических подходах в процессе обучения получается обратный результат. Но если бы личные ценности совпадали с ценностями работы, преподаватель и обучающийся, однозначно, были бы увлечены учебным процессом и полученным результатом. Таким образом, личностные ценности, как указывает, Е. С. Смирнова, «...задают направление в поведении человека, в том числе и профессиональной деятельности» [22]. Можно сказать, что ценностные особенности личности преподавателя в какой-то мере определяют стратегию его профессиональной карьеры, когда человек выделяет перспективные проекты, жестко выстраивает свое время между рутинной работой и профессиональным ростом. Так, уверенный в себе, он выставляет такие же высокие требования к своим ученикам, коллегам, что связано с проявлением элементов перфекционизма. Однако здесь надо учитывать, что перфекционизм, выступая стремлением к идеалу при выполнении работы, может привести к излишней самокритике, вызвать мнительность и переживание, если что-то не получилось, и тем самым запустить синдром выгорания.

Таким образом, профессиональное выгорание у преподавателей высших учебных заведений нужно считать серьезной проблемой. Однако ее можно контролировать и предотвратить. Возникает и усугубляется синдром профессионального выгорания, как было сказано выше, когда человек уже не может справляться со стрессовыми ситуациями. В связи с этим необходимо установить причины, запустившие данный процесс, и предупредить их развитие, так как он затрагивает не отдельного преподавателя, а, возможно и весь образовательный процесс в вузе. В этом случае следует разработать и провести комплексную систему профилактических мер.

На рисунке 2 представлены мнения респондентов о разработанных мероприятиях, которые могут предупредить эти негативные процессы и как они работают.

Анализируя ответы респондентов, можно сказать, что все предложенные профилактические меры имеют место быть и являются достаточно актуальными. Работа преподавателя вуза сочетает огромный потенциал для профессионального роста и содержит риски синдрома профессионального выгорания, что отмечают 92 % респондентов.

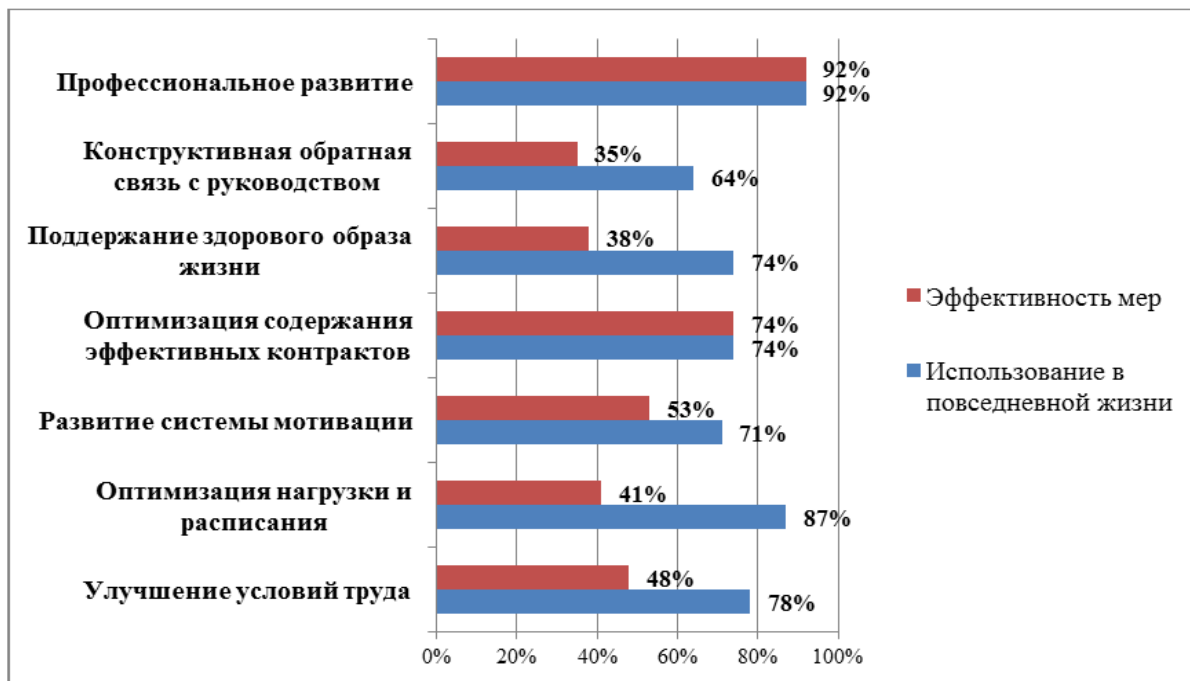

Рис. 2. Отношение респондентов в отношении предложенных мер по профилактике синдрома профессионального выгорания
Fig. 2. Respondents' attitudes towards the proposed measures for preventing professional burnout syndrome

Профессиональное развитие преподавателя представляет собой непрерывный процесс совершенствования предметных знаний, методической базы, освоение новых технологий, связанных с цифровизацией и онлайн-обучением. Однако обучение и внедрение новых цифровых методик для возрастных преподавателей дается непросто и требует много времени и сил. При этом рабочее место преподавателя не всегда оборудовано с учетом необходимых стандартов, так как материально-техническая база вуза технически устарела, что вызывает сложности и демотивирует человека. Поэтому в этом направлении более опытным коллегам важно выступать наставниками, то есть формировать культуру поддержки.

На статус преподавателя напрямую влияет публикационная активность, участие в грантах, руководство аспирантами. При этом важна не любая публикация, а статьи в журналах, индексируемых в ведущих международных базах данных (Scopus, Web of Science) и научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Показатели публикационной активности напрямую влияют на уровень заработной платы. Руководство аспирантами и их успешные защиты научных работ также значительно повышают научный авторитет и говорят о профессиональной зрелости преподавателя. При таком интенсивном совмещении деятельности очень важно соблюдать баланс нагрузки и уметь расставлять приоритеты, что не всегда удается и может привести к эмоциональному истощению.

Из числа опрошенных 74 % поддержали здоровый образ жизни (соблюдение режима дня, психологическая разгрузка) как эффективную меру. Но прибегнуть к ней получается не всегда, что объясняется спецификой профессии, основанной на высокой эмоциональной нагрузке с большим количеством социальных контактов. Режим дня преподавателя иногда бывает достаточно хаотичным, может нарушаться из-за срочных, незапланированных мероприятий или ненормированного графика. Как отмечалось ранее, преподавательская деятельность построена на постоянном общении с различными людьми, решении конфликтных ситуаций, что создает эмоциональную напряженность, иногда даже нервозность, которые могут привести к хронической усталости. В этом случае необходимо научиться работать в «рамках своих физических и психологических возможностей», сохраняя ресурс. При этом поддерживать оптимистический и позитивный настрой, который позволит сохранять интерес к работе, определять границы профессиональной ответственности, контролировать свои эмоции, даже не достигнув результата, не пытаться повторить более успешных коллег и научиться отдыхать в выходные дни. Кроме того, нужно скорректировать и нагрузку преподавателя, распределить ее равномерно в течение учебного года, а не так, что один семестр он работает на износ и проводит от 4 до 5 пар в день, а в следующий семестр ведет занятия только один раз в неделю.

Тесно связаны с профессиональным выгоранием и условия труда преподавателя (78 %), например, недостаток личного пространства, проблемы с вентиляцией, акустикой, что негативно влияет не только на состояние здоровья, но и на эмоциональное состояние. Необходимо отметить и устаревшие материально-технические возможности вуза, когда в результате недостаточного финансирования используется устаревшее оборудование. Из-за ограниченных технических возможностей замедляется внедрение современных методов обучения, из-за чего снижается качество образовательного процесса, а преподаватели, наряду со студентами, испытывают разочарование.

Отнимает большое количество времени чрезмерный документооборот, включающий составление различных отчетов, согласование программ, учебно-методические комплексы, при этом часть документов может дублироваться для различных структур вуза. В этом случае необходимо внедрение единого подхода к методическому обеспечению организации учебного процесса и обязательная ликвидация дублирующихся по функционалу структур.

Мощным инструментом мотивации и эмоциональной стабильности для преподавателя вуза может стать грамотно составленный эффективный контракт, в котором четко определены критерии оценки профессиональной деятельности, условия труда и меры поддержки, размеры стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда преподавателя и качества оказываемых услуг, различные меры социальной поддержки, что отметили 74 % респондентов. Для эффективной работы контракта необходима достижимость и релевантность конкретности показателей и крите-

риев, чтобы преподаватель понимал, что от него ожидается, и мог повлиять на результаты своей работы. Кроме того, должна четко прослеживаться связь стимулирующих выплат и надбавок с результатами и качеством выполняемых работ и услуг, что скажется на эффективности образовательного процесса. Таким образом, усовершенствование системы эффективных контрактов должно существенно повлиять на условия и размеры заработной платы преподавателя. Все перечисленные меры профилактики должны поддерживаться различными мероприятиями, которые позволят своевременно определить начальную стадию профессионального выгорания и будут направлены на понижение уровня эмоционального напряжения и стрессовой ситуации, с последующим формированием позитивного отношения к себе и повышению самооценки. Основная инициатива решения этой проблемы должна начинаться с усовершенствования эффективных контрактов и исходить все же от администрации вуза, отвечающей за создание условий для улучшения качественного состава научных и научно-педагогических кадров.

По мнению 74 % опрошенных, конструктивная обратная связь между руководством вуза и работниками поможет снизить риски процесса выгорания и поддерживать профессиональную деятельность. При этом обратная связь должна быть действительно конструктивна и построена не на обвинениях сторон, а на диалоге, которой поможет выйти из создавшейся ситуации. Поэтому работник должен выявлять проблемы, а руководство вуза — проводить регулярный анализ деятельности педагога (процесс работы, взаимодействие в коллективе и т. д.), который позволит решать проблему комплексно, корректировать подходы и обеспечивать условия для профессионального роста педагога, а также поддерживать здоровую рабочую атмосферу в коллективе.

Администрацией вуза должны быть организованы условия для поддержания и восстановления здоровья преподавательского состава, что связано с обязательным периодическим прохождением углубленных медицинских осмотров, благодаря которым могут быть выявлены первые признаки морального усталости, раздраженности — причин профессионального выгорания. Таким образом, существующая проблема профессионального выгорания преподавателя актуальна и требует только комплексного решения.

Выводы

Происходящие в российском образовании изменения следует активно направить на систематизацию кадровой работы в вузе в связи с тем, что предыдущий период экстенсивного развития образования и тотальный дефицит финансирования негативно повлияли на качественное изменение преподавательского состава. Для этих целей разработаны и реализуются различные федеральные целевые программы, направленные на создание условий качественного состава научно-педагогических кадров и эффектив-

ных систем мотивации труда преподавателя. Однако предложенные мероприятия не всегда работают в пользу преподавательского состава, профессиональная деятельность которого в последние годы осуществляется в условиях постоянной социально-экономической нестабильности. Поэтому проблема профессионального выгорания преподавателей, которая сегодня выходит на первый план, должна решаться в комплексном формате.

Первоначальной причиной профессионального выгорания является стресс, так как работа преподавателя связана с эмоциональной нагрузкой, большими объемами и ответственностью. Развивается и усугубляется этот процесс в зависимости от организационных и личностных факторов, которые особенно опасны на начальной стадии своего развития и проявляются как просто уставание человека, которое затем переходит в нервное напряжение и сопротивление, что может привести уже к хронической усталости и, соответственно, истощению нервной системы, с чем человек не может справиться самостоятельно. Для того чтобы этого не случилось, руководству вузов прежде всего необходимо проводить профилактические мероприятия, которые можно объединить в определенные направления:

- улучшение организационных условий для профессиональной деятельности с учетом личных интересов преподавателей; создание среды для непрерывного профессионального развития преподавателя, минимизация монотонной, шаблонной работы, всесторонняя конструктивная оценка его деятельности;
- развитие корпоративной культуры, которая обеспечит мотивацию сотрудников и позволит наладить обратную связь с руководством вуза, окажет поддержку при оформлении эффективных контрактов;
- создание условий и разработка профилактических мер для ведения здорового образа жизни, разработка и использование рациональных режимов труда и отдыха, корпоративных программ здоровья, обеспечение компенсаций санаторно-курортного лечения преподавателей и другое.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contribution

All authors contributed equally to the preparation of the manuscript.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interests.

Список источников

1. Соколов М. М. Трансформирующие и селективные системы: исследование по сравнительной социологии академических рынков и карьер. *Вопросы образования*. 2019;(2):35–77. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-35-77>
2. Архипов Н. И., Колетвинова Е. Ю., Седова О. Л. Проблемы кадрового обеспечения в условиях модернизации системы высшего профессионального образования в России. *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2012;(10):11–25.
3. Роджерс К. *Взгляд на психотерапию. Становление человека*. Москва: Прогресс; 2004. 217 с.
4. Калашникова А. В. Мотивация педагога как фактор повышения качества высшего образования. *Современные наукоемкие технологии*. 2010;(7):304–307.
5. Есарева З. Ф. *Особенности деятельности преподавателя высшей школы*. Ленинград: Издательство Ленинградский университет; 1993. 152 с.
6. Шадриков В. Д. *Проблемы системогенеза профессиональной деятельности*. Москва: Наука; 1982. 185 с.
7. Гайдар К. М., Малютина О. П. Особенности профессионального выгорания преподавателя высшей школы в современных условиях. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования*. 2016;(3):27–30.
8. Фармагей А. А. *Психическое выгорание*. Москва. 2009. 320 с.
9. Maslach C., Jackson S. E. The measurement of experienced burnout. *Journal of Occupational Behavior*. 1981;(2):99–113.
10. Салогуб А. М. Структура и содержание синдрома эмоционального выгорания в исследованиях зарубежных и отечественных ученых. *Молодой ученый*. 2014;5(64):459–461.
11. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. Санкт-Петербург: Сударыня; 1999. 28 с.
12. Абрамов В. А., Алексейчук И. С., Алексейчук А. И. Исследование синдрома эмоционального выгорания на этапе мета-обзоров. Ч. 1. *Журнал психиатрии и медицинской психологии*. 2008;1(18):117–123.
13. Касьянова Е. Н. *Основные подходы к изучению эмоционального выгорания в психологии*. URL: <https://www.b17.ru/article/349191/>
14. Безносков С. П. *Профессиональная деформация личности*. Санкт-Петербург: Речь; 2004. 272 с.
15. Ермакова Е. В. Изучение синдрома эмоционального выгорания как нарушения ценностно-смысловой сферы личности (теоретический аспект). *Культурно-историческая психология*. 2010;6(1):27–39.
16. Ляшенко В. Г. Концептуальные модели и факторы профессионального выгорания педагогов в учреждении высшего. *StudNet*. 2020;(8):51–58.
17. Бойко В. В. *Энергия эмоций в общении: Взгляд на себя и на других*. Москва: Филинъ; 1996. 467 с.
18. Трошина М. *Выгорание и жажда смысла*. URL: <https://www.b17.ru/blog/64991>
19. Сабанчиева Р. З. Эмоциональное выгорание и самореализация преподавателя высшей школы в профессиональной деятельности. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2008;12(2):222–227.
20. *Методические рекомендации по подготовке кадров по программам педагогического бакалавриата на основе единых подходов к их структуре и с одержанию («Ядро высшего педагогического образования»)*. URL: <https://www.kspu.ru/upload/documents/2023/12/11/70e4d2b3c2cacdf9a1c44867b160d7da/metodicheskie-rekomendatsii-po-podgotovke-pedagogicheskikh-kadrov-na-osnove-ediny.pdf?ysclid=mtihieh7kn409342957>

21. Смирнов П. *Цифровизация против традиций*. Москва: Педагогика; 2022. 45 с.
22. Смирнова Е. С., Ивутина Е. П. Ценностные ориентации как фактор эмоционального выгорания (на примере педагогических работников). *Концепт*. 2022;(11):97–104. URL: <http://e-koncept.ru/2022/222014.htm>. <http://doi.org/10.24412/2304-120X-2022-12014>

References

1. Sokolov M. M. Transformative and selective systems: a study in comparative sociology of academic markets and careers. *Educational Studies Moscow*. 2019;(2):35–77. (In Russ.). <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-35-77>
2. Arkhipova N. I., Koletvinova E. Y., Sedova O. L. The staffing problems of higher education system in Russia. *RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*. 2012;(10):11–25. (In Russ.).
3. Rogers K. *A Look at Psychotherapy. The Formation of a Person*. Moscow: Progress; 2004. (In Russ.).
4. Kalashnikova A.V. Teacher Motivation as a Factor in Improving the Quality of Higher Education. *Modern High Technologies*. 2010;(7):304–307. (In Russ.).
5. Yesareva Z. F. *Features of the activity of the teacher of the higher school*. Leningrad: Publishing House Leningrad University; 1993. (In Russ.).
6. Shadrikov V. D. *Problems of Systemogenesis of Professional Activity*. Moscow: Nauka Publishing House; 1982. (In Russ.).
7. Gaidar K. M., Malyutina O. P. Features of Professional Burnout of a Higher School Teacher in Modern Conditions. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*. 2016;(3):27–30. (In Russ.).
8. Farmagey A. A. *Mental Burnout*. Moscow; 2009. (In Russ.).
9. Maslach C., Jackson S. E. The measurement of experienced burnout. *Journal of Occupational Behavior*. 1981;(2):99–113.
10. Salogub A.M. Structure and content of the syndrome of emotional burnout in the studies of foreign and domestic scientists. *Young scientist*. 2014;5(64):459–461. (In Russ.).
11. Boiko, V. V. *The Syndrome of "Emotional Burnout" in Professional Communication*. St. Petersburg: Madam, 1999. (In Russ.).
12. Abramov V. A., Alekseichuk I. S., Alekseichuk A. I. Research of the Syndrome of Emotional Burnout at the Stage of Meta Reviews. Part 1. *Journal of Psychiatry and Medical Psychology*. 2008;1(18):117–123. (In Russ.).
13. Kasyanova E. N. *The Main Approaches to the Study of Emotional Burnout in Psychology*. (In Russ.). URL: <https://www.b17.ru/article/349191/>
14. Beznosov S. P. *Professional deformation of the personality*. Saint Petersburg: Rech; 2004. (In Russ.).
15. Ermakova E. V. Study of emotional burnout syndrome as value meaning personality sphere disorder (theoretical aspect). *Cultural and historical psychology*. 2010;6(1):27–39. (In Russ.).
16. Lyashenko V. G. Conceptual Models and Factors of Professional Burnout of Teachers in Higher Education Institutions. *StudNet*. 2020;(8):51–58. (In Russ.).
17. Boyko V. V. *Emotional Energy in Communication: A Look at Yourself and Others*. Moscow: Filin; 1996. (In Russ.).
18. Troshina M. *Burnout and the Quest for Meaning*. (In Russ.). URL: <https://www.b17.ru/blog/64991>

19. Sabanchieva R. Z. Emotional Burnout and Self-Realization of a Higher School Teacher in Professional Activity. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2008;12(2):222– 227. (In Russ.).
20. *Methodological recommendations for training personnel under bachelor's degree programs in pedagogy, based on unified approaches to their structure and content* ("Core of Higher Pedagogical Education"). (In Russ.). URL: <https://www.kspu.ru/upload/documents/2023/12/11/70e4d2b3c2cacdf9a1c44867b160d7da/metodicheskie-rekomendatsii-po-podgotovke-pedagogicheskikh-kadrov-na-osnove-ediny.pdf?ysclid=mtihieh7kn409342957>
21. Smirnov P. *Digitalization vs. Traditions*. Moscow: Pedagogika; 2022. (In Russ.).
22. Smirnova E. S., Ivutina E. P. Value Orientations as a Factor of Emotional Burnout (on the Example of teaching staff). *Concept*. 2022;(11):97–104. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2304-120X-2022-12014>

Информация об авторах / Information about the authors

Ребышева Лидия Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, rebisheva_lida@mail.ru; SPIN-код: 4546-0395, AuthorID: 419799

Толмачева Светлана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, tolmachevasv@tyuiu.ru; SPIN-код: 2076-2154, AuthorID: 622977

Шляков Алексей Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, shljakovav@tyuiu.ru; SPIN-код: 6502-1369, AuthorID: 680196

Lidia V. Rebysheva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, rebisheva_lida@mail.ru; SPIN-код: 4546-0395, AuthorID: 419799

Svetlana V. Tolmacheva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, tolmachevasv@tyuiu.ru; SPIN-код: 2076-2154, AuthorID: 622977

Alexey V. Shlyakov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Humanities and Technologies, Industrial University of Tyumen, shljakovav@tyuiu.ru; SPIN-код: 6502-1369, AuthorID: 680196

Поступила в редакцию / Received 26.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 25.06.2026

Принята к публикации / Accepted 10.07.2026

Научная статья / Original research article

УДК 316.35

DOI: <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-106-117>

EDN: NYVCNQ

Методы мотивации студентов к обучению (по материалам экспертного опроса)

А. В. Стружкина

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация
alena_struzhkina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию традиционных и инновационных методов обучения, способных повысить познавательную активность студентов высших учебных заведений. Для достижения цели был использован метод неформализованного интервью с профессорско-преподавательским составом. Рассматривались образовательные практики экспертов, направленные на повышение учебной мотивации студентов. Основное внимание уделено изучению современных методик, наиболее часто применяемых преподавателями в повседневной практике. По результатам были выявлены самые эффективные методы обучения на лекционных и семинарских занятиях. Сделан вывод, что традиционные и инновационные методы способствуют повышению мотивации к обучению, улучшают качество высшего образования, помогают студентам адаптироваться к образовательной среде.

Ключевые слова: высшее образование, учебная мотивация, методы обучения, преподаватели, студенты

Благодарности: Исследование проводилось в Новосибирском государственном университете экономики и управления

Для цитирования: Стружкина А. В. Методы мотивации студентов к обучению (по материалам экспертного опроса). *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2026;(3):106–117. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-106-117> EDN NYVCNQ

Methods of motivation of students to learn (based on the materials of an expert survey)

Alena V. Struzhkina

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation
alena_struzhkina@mail.ru

Abstract. This article examines traditional and innovative teaching methods that can enhance the university students' cognitive activity. To achieve this aim, the author uses informal interviews with faculty. The study examines expert educational practices aimed at increasing students' motivation to learn. Researcher focuses on contemporary methods that faculty uses most often in their daily teaching practice. The results of the study identify the most effective teaching methods in lectures and seminars. The article concludes that both traditional and innovative methods can increase students' motivation to learn, improve the quality of higher education, and support students in adapting to the educational environment.

Keywords: higher education, academic motivation, teaching methods, teachers, students

Acknowledgements: The study was conducted at the Novosibirsk State University of Economics and Management

For citation: Struzhkina A.V. Methods of motivation of students to learn (based on the materials of an expert survey). *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2026;(3):106–117. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-106-117>

Введение

Образование является одним из основных социальных институтов современного общества, поскольку влияет на развитие, воспитание и социализацию подрастающего поколения. За последние десятилетия произошли кардинальные изменения на всех уровнях системы образования, в том числе высшего. Нововведения связаны не только с реформированием, но и с изменяющимися условиями жизни, вызванными глобализацией, цифровизацией, виртуализацией.

Сегодня важную роль в системе высшего образования играют новые технологии. Внедрение инновационных методов и подходов, персонализация обучения, дистанционный формат прочно вошли в учебный процесс. Преподаватель высшей школы обладает всеми необходимыми компетенциями, позволяющими активно использовать современные технологии в своей профессиональной деятельности. Однако он сталкивается с рядом проблем, в данном случае с низкой мотивацией студентов к обучению.

Современные студенты выросли в эпоху глобальной цифровизации общества. Они не представляют свою жизнь без гаджетов, интернета и новых возможностей, дающих круглосуточный доступ к различным источникам информации. Как отмечают исследователи Н. В. Розенберг и Л. В. Рожкова, 87 % студенческой молодежи активно используют интернет для учебы и работы [1]. Интернет стал главным источником для поиска ответов на любой вопрос. Поэтому студенты не хотят тратить время на тот учебный материал, который, по их мнению, не пригодится в дальнейшем. Преподаватели понимают сложившуюся ситуацию и для повышения мотивации студентов предлагают создавать необходимую образовательную среду для формирования профессиональных компетенций, а также использовать методы как учебной, так и внеучебной деятельности [2].

Многие исследователи рассуждают о новом поколении молодежи, предлагают учитывать специфику развития познавательных процессов современного студенчества, повышение уровня самоорганизации, персонификации проектирования и реализации процессов учения и преподавания [3]. Принимая во внимание эти особенности, большинство вузов пересматривают и переформируют основные профессиональные образовательные программы, где ведущую роль отводят созданию необходимых условий для формирования устойчивой мотивации студентов [4]. Поэтому основным фактором, влияющим на развитие учебной мотивации, является создание преподавателями мотивирующей образовательной среды [5].

В исследовании нам было важно понять, какие методы мотивации к обучению студентов наиболее эффективны, по мнению преподавателей, сегодня в образовательном процессе.

Литературный обзор

Материалом для исследования послужили научные статьи отечественных ученых. Анализ публикаций с 2020 по 2025 г. позволяет сделать вывод, что учебная мотивация играет важную роль в образовательном процессе. Это подтверждают исследователи Т. А. Борзова [6], Г. В. Милованова, Н. М. Куляшова, Е. Ю. Шемякина [7], Е. И. Лебедева [8]. Интерес к проблеме учебной мотивации в вузе связан прежде всего с процессом профессионализации студентов, где закладываются основы карьерного становления будущего специалиста [9]. В современных условиях мотивация профессиональной деятельности рассматривается как важнейший компонент личностной мотивации в процессе подготовки специалиста в высшей школе [10].

Исследователи справедливо отмечают среди студентов как высокую мотивацию к обучению, так и низкую. На сегодняшний день остается актуальной проблема низкой мотивации. Когда рассматривают изменения в мотивации учебного поведения современных студентов, отмечают снижение ценностно-мотивированного отношения к учебе с позиции общественной пользы. Все больше студентов думают о статусе, престижности будущей специальности и финансовом благополучии, результат — снижение мотивации к обучению [11].

Безусловно, учебная мотивация — одна из важнейших проблем российского современного общества. Можно применять разные методы и подходы, чтобы повысить интерес студентов, либо использовать средства управления мотивацией, например, проведение занятий методом малых групп [12].

Интерес к изучению учебной мотивации студентов появляется в результате происходящих изменений в системе высшего образования. Новые технологии прочно внедрились в образовательный процесс и активно используются преподавателями. С одной стороны, хорошо, когда студента ставят в эпицентр учебного процесса и предоставляют возможность самостоятельно развивать индивидуальные способности при помощи интерактивного или проектного обучения. Но с другой стороны, возникают проблемы. Не все преподаватели сразу готовы перейти от традиционных методов к инновационным. Не у всех участников образовательного процесса существует равный доступ к цифровым технологиям [13]. К тому же под влиянием цифровой среды у молодого поколения изменяются ценностные ориентиры, которые направлены на формирование уникальной идентичности с акцентом на адаптивность, инновации и самостоятельность [14].

Задачи преподавателей — решать проблему низкой мотивации студентов к обучению при помощи традиционных и инновационных методов, создавать необходимую

образовательную среду, мотивировать заниматься научно-исследовательской деятельностью. Поэтому возрастает значение преподавателя вуза как ключевого агента, формирующего учебную мотивацию и субъективное восприятие качества образования [15].

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели в исследовании был использован метод неформализованного интервью, посредством которого были опрошены преподаватели как эксперты в области учебной мотивации студентов.

Тексты интервью кодировались по методике А. Страусса и Дж. Корбин [16]. При открытом кодировании выделялись главные мысли и создавались коды. На этапе осевого кодирования мы анализировали полученные данные и объединяли их в категории. Словесные методы сопоставлялись с такими кодами, как: «интересный рассказ», «артистические приемы», «живое общение». Наглядные методы — с «визуализацией», «видеороликами», «презентациями». Аналогично кодировались практические методы: «игры», «кейсы», «проекты». Объединив все коды в категории, мы перешли к избирательному (селективному) кодированию. Анализируя полученные данные на третьем этапе, определили, что основной категорией является комплексный подход к обучению.

Исследование проводилось в 2025 г. в одном из высших учебных заведений. В опросе участвовали 35 респондентов, занимающих должности от старшего преподавателя до проректора. По гендерному аспекту в опросе было задействовано 9 мужчин и 26 женщин. Из них руководящие должности занимают 5 мужчин и 16 женщин.

Отбор экспертов осуществлялся по следующим критериям: стаж работы в образовании, наличие ученой степени, основная специализация, преподавание на разных курсах и факультетах, проведение занятий в поточной аудитории. Целенаправленно одним из критериев отбора было наличие руководящей должности, поскольку при анализе эмпирических данных нам важно учитывать мнения всех участников образовательного процесса.

Педагогический стаж работы экспертов в профессиональной деятельности составляет от 3 до 40 лет. От 3 до 10 лет работают в вузе 5 экспертов. Опыт работы от 10 до 20 лет имеют 10 экспертов.

У 12 экспертов стаж работы от 20 до 30 лет. В образовании 8 экспертов от 30 до 40 лет. Большая часть экспертов (22 человека) имеют педагогический опыт работы со студентами от 20 до 30 лет.

У экспертов ученые степени в разных областях знания: технических, гуманитарных, социальных, естественных и юридических. Не имеют степени, занимая должность старшего преподавателя, 4 эксперта, 2 из них обучаются на 3-м курсе в аспирантуре.

Эксперты преподают разные дисциплины, соответствующие их профилю: административное право, бухгалтерский учет, история, психология личности, линейная ал-

гебра, логика и критическое мышление, статистика и др. Преподаватели проводят лекционные и семинарские занятия на всех курсах и уровнях высшего образования.

Действующими лекторами в поточных аудиториях на 100–150 студентов и более являются 20 из 35 экспертов. Опыт работы со студентами в потоке имеют 8. У 5 нет поточных лекций, но есть опыт проведения и организации внеучебных мероприятий, предполагающих большое количество участников. В поточной аудитории до 100 человек лекции читают 2 эксперта.

Таким образом, эксперты имеют разную специализацию и опыт работы в профессиональной деятельности, но абсолютно все заинтересованы в активной учебной мотивации студентов на занятиях.

В статье представлен материал анализа личных профессиональных практик экспертов.

Результаты и обсуждение

В условиях глобализации, интернета и цифровизации преподаватели наряду с традиционными методами используют инновационные, направленные на повышение мотивации студентов к обучению. В связи с этим нам важно было определить наиболее часто используемые методы обучения на лекционных и семинарских занятиях.

Комплексный подход включает не только цели и задачи преподавателя, но применение разнообразных методов обучения, сочетание традиционных приемов и инновационных. В социологическом исследовании нам важно было сделать срез применяемых методов на лекционных и семинарских занятиях в повседневной практике экспертов.

В ходе интервью экспертам был задан конкретизирующий вопрос: *«Какие Вы используете методы мотивации студентов к обучению на лекционных занятиях?»*.

Ответы распределились следующим образом: 15 из 35 экспертов вовлекают студентов в активное взаимодействие и обсуждение заданной темы, 10 обучают студентов на лекциях при помощи проблемного подхода, другие 10 готовят лекционный материал с учетом специализации студентов.

Показательно, что у самых молодых преподавателей, со стажем работы от 3 до 10 лет, сформировалось четкое убеждение, что результат полученных знаний зависит не только от правильно подобранных мотивирующих методов, но и от благоприятной психологической атмосферы на занятиях. Эксперты с педагогическим стажем работы от 10 до 20 лет призывают активно вступать в диалоги и дискуссии со студентами. Преподаватели со стажем от 20 до 30 лет выбирают спокойное общение со студентами через интересный рассказ. Возможны и дискуссии, но с большим количеством примеров из реальной жизни, также применяют чаще презентации с видеофрагментами. Самые опытные эксперты, которые в образовании от 30 до 40 лет, делают упор на свои профессиональные навыки и личные качества: *«На сложных дисциплинах необходимо*

постоянное общение со студентами, интересный рассказ с презентациями и очень важны личностные качества преподавателя — опыт, знание, харизма!» (эксперт 28).

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что и молодые специалисты, и более опытные преподаватели на лекционных занятиях чаще всего используют устное изложение материала при помощи беседы, рассказа, объяснения, дискуссии. Исследователи в области профессиональной мотивации студентов тоже отмечают эффективность учебной дискуссии, направленной на поиск, расширение, углубление и систематизацию известной информации [17].

Стоит обратить внимание, что эксперты и гуманитарного, и технического профилей на лекционных занятиях применяют интерактивное и проблемное обучение, прибегая к ораторским приемам.

Рассмотрим примеры:

«Использую интерактивные методы обучения, так как происходит творческое осмысление содержания лекции через интерактивные задания. Мотивирую студентов к активной познавательной деятельности» (эксперт 25).

«Проблемный подход помогает на лекционных занятиях держать интригу на интересующие студентов вопросы» (эксперт 31).

«Проблемный подход, интересный рассказ, юмор и артистические приемы помогают удержать внимание студентов на лекционных занятиях» (эксперт 23).

Фрагменты интервью отражают положительную динамику использования интерактивного и проблемного подходов, которые направлены не только на запоминание теории, но и активное взаимодействие лектора и студентов. Следует отметить, что преподаватели гуманитарных дисциплин более творчески подходят к подготовке лекционного материала, чаще устраивают викторины, квизы, дискуссии.

Отметим, что 10 экспертов из 35, которые занимают руководящие должности, готовят лекционный материал с учетом специализации студентов:

«Лекционный материал с упором на специальность. Теория связана с практикой. Поэтому очень много практических примеров, чтобы студенты понимали, для чего им пригодятся эти знания» (эксперт 6).

«Теорию подкрепляю практикой, регулярно обновляю свежие данные по профессиональной деятельности студентов. Делаю уклон на специализацию, так как замотивированные студенты будут дальше работать по профессии» (эксперт 8).

Примеры фрагментов интервью позволяют говорить об актуальном практико-ориентированном обучении в высшем образовании. Сегодня вузы и работодатели активно сотрудничают в подготовке компетентных специалистов на рынке труда. Поэтому эксперты заинтересованы в том, чтобы выпускник обладал всеми необходимыми знаниями и умениями для развития своей профессиональной деятельности.

Все вышеперечисленные методы мотивации студентов к обучению на лекционных занятиях применяются в одной группе. В поточной аудитории на 100 и более сту-

дентов работают 20 экспертов из 35. Поэтому преподавателям был задан вопрос: *«Какие Вы используете методы, чтобы удержать интерес к обучению в аудитории на 100–150 студентов?»*.

Ответы распределились следующим образом: 15 экспертов из 35 используют во время лекции проблемные вопросы и применяют визуализацию теоретического материала при помощи презентаций; 10 экспертов практикуют приемы ораторского мастерства; 7 экспертов применяют большое количество примеров из реальной жизни; 5 экспертов используют интерактивные задания; 4 эксперта демонстрируют обучающие видеоролики; 3 эксперта применяют игровые технологии; 2 эксперта практикуют совместные лекции преподавателя и студента.

Все эксперты считают, что именно интересный рассказ может удержать внимание студентов во время лекционных занятий в поточной аудитории: *«Интересный рассказ, именно рассказ "без бумажек". Обязательно открытое общение со студентами и проблемные вопросы для обсуждения»* (эксперт 35).

Показательно, что 18 экспертов из 35, преимущественно гуманитарного профиля, утверждают, что активное взаимодействие преподавателя и студентов повышает интерес к обучению в поточных аудиториях. Другие 17 экспертов, преимущественно со стажем от 20 до 30 лет, считают, что огромную роль в подаче лекционного материала играют личные качества и классические педагогические подходы.

Полученные результаты исследования о методах, удерживающих внимание студентов в поточной аудитории, позволяют говорить о том, что наиболее эффективными средствами для мотивации к обучению являются: интересный рассказ с активным взаимодействием преподавателя и студентов (дискуссии), использование наглядности (презентации), применение проблемного подхода при изложении теоретического материала с учетом специальности студентов.

Необходимо отметить, что в поточных аудиториях замотивировать студентов к обучению сложнее. Поэтому очень многое зависит от самого преподавателя и его методов: *«Удержать интерес к обучению может сам преподаватель. Мотивация в руках преподавателя! Задача преподавателя — показать студентам, как в дальнейшем эта дисциплина им пригодится. Студенту необходимо дать хороший инструментарий, чтобы быть успешным в своей деятельности»* (эксперт 22).

Рассмотрим, какие методы мотивации студентов применяют эксперты на семинарских занятиях. Преподавателям предлагалось ответить на вопрос: *«Какие Вы используете методы мотивации студентов к обучению на семинарских занятиях?»*

Ответы распределились следующим образом: 12 экспертов из 35 применяют проектную деятельность и используют метод кейсов, 11 экспертов применяют балльно-рейтинговую систему, 10 экспертов разрабатывают практические задания с учетом специализации студентов, 9 экспертов проводят дебаты, тренинги, круглые столы и активно используют игровые технологии, 7 экспертов проверяют знания студентов через те-

стовые задания, контрольные работы, диктанты, коллоквиумы, опросы. Другие 7 экспертов организуют выездные семинарские занятия на профильные предприятия, либо приглашают специалистов для беседы со студентами, 6 экспертов применяют интерактивное обучение.

Показательно, что 5 экспертов из 35 целенаправленно сами мотивируют студентов на семинарских занятиях: *«Вручаю мотивационные грамоты, открытки, наклейки»* (эксперт 7) или разрабатывают задания, которые студенты смогут выполнить, чтобы почувствовать себя успешными: *«Настраиваю студентов на успех!»* (эксперт 21).

Стоит обратить внимание, что преподаватели гуманитарного профиля более творчески подходят к проведению семинарских заданий, где студенты сами организуют и проводят мероприятия в рамках изучаемой дисциплины: *«Использую творческий подход к обучению с разнообразными методами: от индивидуального задания до проектных сессий»* (эксперт 26).

Эксперты экономического профиля применяют групповую работу: *«Мотивация познается в изучении дисциплины через групповую работу, в которой каждый студент выполняет определенную задачу, может отстаивать свою позицию и доказывать свою точку зрения»* (эксперт 24).

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод, что на семинарских занятиях эксперты чаще всего применяют проектную деятельность, метод кейсов и балльно-рейтинговую систему. Данные методы к обучению не просто мотивируют студентов к постоянной работе на паре, но и помогают взаимодействовать друг с другом, искать причинно-следственные связи, анализировать полученные данные, применять свои знания на практике и т. д.

Исследователи проектной деятельности делают акцент на положительной динамике развития учебной и профессиональной мотивации студентов [18], подтверждают высокий инновационный потенциал применения проектов в обучении [19]. Проектное обучение рассматривается как комплекс мероприятий, позволяющих достичь поставленных целей за определенный промежуток времени [20]. Кроме того, наблюдается повышенный интерес участников проекта к исследованиям, что способствует развитию коммуникабельности, способности критически оценивать происходящее, выделять единичное и общее [21]. Благодаря проектному обучению у студентов высших учебных заведений не только повышается мотивация к обучению, но и развивается критическое мышление, формируются профессиональные компетенции, приобретается индивидуальный социальный опыт.

Хотелось бы отметить, что в ходе интервью эксперты давали по несколько вариантов ответа на вопросы о методах обучения на лекционных и семинарских занятиях. Каждый эксперт применяет и традиционные, и инновационные методы обучения студентов, что позволяет говорить о применении комплексного подхода в системе высшего образования.

Таким образом, для повышения интереса студентов к обучению на лекционных и семинарских занятиях необходимо применять такие эффективные методы мотивации, как: нестандартное изложение материала, учебные дискуссии, проектная деятельность, обратная связь, игровые технологии и т. д.

В итоге используемые преподавателями методы мотивации студентов к обучению направлены на достижение самой главной цели — повышения качества высшего образования.

Выводы

Современное высшее образование на фоне модернизации и введения новых технологий проходит через значительные изменения. Цифровизация образовательного процесса, с одной стороны, развивает современные методы обучения, помогает расширить доступ к образованию, приводит к индивидуализации обучения, но с другой порождает серьезные проблемы, связанные с низкой мотивацией студентов, клиповым мышлением, чрезмерным употреблением гаджетов.

Данная ситуация формирует для преподавателей высших учебных заведений вызовы использовать не только традиционные методы обучения, но и применять как можно больше инновационных, способных повысить познавательный интерес студентов.

Результаты исследования показывают: для удержания внимания студентов на занятиях, преподавателям необходимо не только интересно рассказывать лекционный материал, но и осуществлять постоянную смену деятельности, вовлекать студентов в обсуждение проблемного вопроса, приводить примеры с уклоном на их специализацию. Теоретический и практический материал должен обязательно визуально запоминаться.

Таким образом, комплексный подход обучения в сочетании традиционных и инновационных методов направлен на повышение мотивации студентов к обучению, улучшение качества и доступность высшего образования, адаптацию студентов к современным тенденциям.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The author declares no conflict of interests.

Список источников

1. Розенберг Н. В., Рожкова Л. В. Интернет в жизни российской молодежи. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2023;3(67):5–19. <http://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-3-1>
2. Богдан Н. В., Бородин Е. С. Структура мотивов к обучению у студентов-первокурсников в современной высшей школе. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки»*. 2021;3(3):59–70. <http://doi.org/10.14529/ped210305>

3. Цыренова В. Б., Лумбунова Н. Б. Управление учебной мотивацией студентов в условиях цифровизации. *Вестник Томского государственного университета*. 2021;(470):203–209. <http://doi.org/10.17223/15617793/470/24>
4. Федулова К. А., Гузанов Б. Н., Котова И. А. Развитие профессиональной мотивации студентов в процессе специально организованной научно-исследовательской работы. *Современная высшая школа: инновационный аспект*. 2024;16(1-63):89–100.
5. Каитов А. П. Теоретические аспекты проблемы развития учебной мотивации у студентов высшей школы в зарубежных исследованиях. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023;28(1):24–38. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-1-24-38>
6. Борзова Т. А. Мотивация студентов к обучению в современном вузе. *Мир науки, культуры, образования*. 2023;5(102):11–13. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-5102-11-13>
7. Милованова Г. В., Куляшова Н. М., Шемякина Е. Ю. Сравнительный анализ мотивационных особенностей студентов на разных этапах обучения. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2022;(6):46–57. <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2022-11043>
8. Лебедева Е. И. Учебная мотивация обучающихся вуза с разным уровнем самооценки и притязаний. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2022;(4):297–311. https://doi.org/10.35231/18186653_2022_4_297
9. Черняк Т. В. Мотивация обучения как фактор профессионального развития будущих специалистов. *Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования*. 2022;1(12):40–47. https://doi.org/10.52170/2618-7949_2022_12_40
10. Сидорова Н. В., Якубова А. А. Профессиональная мотивация студенческой молодежи: опыт эмпирических исследований. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022;(12):92–96. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.14>
11. Крылова М. А. Специфика мотивации девиантного поведения студентов в учебном процессе. *Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований»*. 2022;1(5):81–86. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2022-1-81-86>
12. Минина Ю. И., Малышева О. В. Управление учебной мотивацией студентов. *Вестник Самарского муниципального института управления*. 2024;(2):71–81.
13. Филатова Т. А., Колца Э. Э. Вызовы и инновации в современной педагогике. Педагогические науки. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023;12-5(87):11–14. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-12-5-11-14>
14. Розенберг Н. В., Афанасьева Ю. Л., Рудакова И. А. Социальный портрет современной студенческой молодежи: ценностные аспекты (по материалам социологических исследований). *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2025;1(73):24–41. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2025-1-3>
15. Тарасов С. В., Спасская Е. Б., Проект Ю. Л. Образ преподавателя как фактор оценки образовательной среды вуза и учебной мотивации студентов. *Высшее образование в России*. 2025;34(7):52–73. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-7-52-73>
16. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники; пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. 256 с.
17. Зубова Л. В., Гамова Н. А., Гирина А. Н. Формирование мотивации профессиональной деятельности студентов экономических направлений вуза. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2020;4(227):26–32. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-227-26>
18. Елагина В. С. Технология проектного обучения как средство оценки образовательных результатов обучающихся. *Педагогика: история, перспективы*. 2021;4(5):12–20. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2021-4-5-12-20>
19. Воронцова Т. В., Бориско С. Н., Рыкова Б. В. Инновационный потенциал проектной деятельности в вузе. *Педагогические исследования*. 2022;(3):58–74.

20. Пузанова Ж. В., Кострикин Е. Г. Проектный подход в обучении: практика в вузах. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2025;25(3): 652–664. <http://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-652-664>

21. Щупленков О. В., Щупленков Н. О. Организация проектной деятельности в вузе в системе научной рефлексии. *Вестник Мининского университета*. 2024;12(2):5. <http://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-2-5>

References

1. Rosenberg N. V., Rozhkova L. V. Internet in the Lives of Russian Youth. *University proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2023;3(67):5–19. (In Russ.). <http://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-3-1>

2. Bogdan N. V., Borodina E. S. The structure of learning motives of freshmen in tertiary education. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences*. 2021;3(3):59–70. (In Russ.). <http://doi.org/10.14529/ped210305>

3. Tsyrenova V. B., Lumbunova N. B. Managing Students' learning Motivation in the Digitalization Context of *Tomsk State University journal*. 2021;(470):203–209. (In Russ.). <http://doi.org/10.17223/15617793/470/24>

4. Fedulova K. A., Guzanov B. N., Kotova I. A. Development of professional motivation of students in the process of specially organized research work. *Contemporary higher education: innovative aspects*. 2024;16(1-63):89–100.

5. Kaitov A. P. Theoretical aspects of the problem of educational motivation development among students of higher education in foreign studies. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2023;28(1):24–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-1-24-38>

6. Borzova T. A. Motivation of students to study in a modern university. *Mir nauki, kultura, obrazovaniya*. 2023;5(102):11–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-5102-11-13>

7. Milovanova G. V., Kulyashova N. M., Shemyakina E. Yu. Comparative Analysis of Motivational Characteristics of Students at Different Stages of Study. *Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"*. 2022;(6):46–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2022-11043>

8. Lebedeva E. I. Educational motivation of university students with different levels of self-esteem and aspirations. *Pushkin Leningrad state university journal*. 2022;(4):297–311. (In Russ.). https://doi.org/10.35231/18186653_2022_4_297

9. Chernyak T. V. Motivation for Learning as a Factor in the Professional Development of Future Specialists-to-be. *The Siberian Transport University A scientific journal Bulletin: Humanitarian research*. 2022;1(12):40–47. (In Russ.). https://doi.org/10.52170/2618-7949_2022_12_40

10. Sidorova N. V., Yakubova A. A. Professional Motivation of Student Youth: Empirical Research Experience. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2022;(12):92–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.14>

11. Krylova M. A. The specifics of motivation of deviant behavior of students in the educational process. *Russian academic journal «Telescope: journal of sociological and marketing research»*. 2022;1(5):81–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2022-1-81-86>

12. Minina Yu. I., Malysheva O. V. Incentive management of student learning. *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*. 2024;(2):71–81. (In Russ.).

13. Filatova T. A., Koltsa E. E. Challenges and Innovations in Modern Pedagogy. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023;12-5(87):11–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-12-5-11-14>

14. Rosenberg N. V., Afanasyeva Yu. L., Rudakova I. A. A social image of modern student youth: value aspects (by the materials of sociological research results). *University proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2025;1(73):24–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2025-1-3>

15. Tarasov S. V., Spasskaya E. B., Proekt Yu. L. The Image of the University Instructor as a Factor in Students' Assessment of the Educational Environment and Academic Motivation. *Higher Education in Russia*. 2025;34(7):52–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-7-52-73>
16. Strauss A., Corbin J. *Fundamentals of Qualitative Research: Grounded Theory, Procedures, and Techniques*. Moscow: Editorial URSS, 2001. (In Russ.).
17. Zubova L. V., Gamova N. A., Girina A. N. Formation of motivation of professional activity of students of economic directions of the university. *Bulletin of the Orenburg State University*. 2020;4(227):26–32. <https://doi.org/10.25198/1814-6457-227-26>
18. Elagina V. S. Project training technology as a means of assessment educational results of students. *Pedagogy: history, prospects*. 2021;4(5):12–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2021-4-5-12-20>
19. Vorontsova T. V., Borisko S. N., Rykova B. V. Innovative potential of university project-based activity. *Pedagogical Research*. 2022;(3):58–74. (In Russ.).
20. Puzyanova Zh. V., Kostrikin E. G. Project-based approach in teaching: university practice. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2025;25(3):652–664. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-652-664>
21. Shchuplenkov O. V., Shchuplenkov N. O. Organization of project activities at the university in the system of scientific reflection. *Vestnik of Minin University*. 2024;12(2):5. (In Russ.). <http://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-2-5>

Информация об авторе / Information about the author

Стружкина Алёна Владимировна, аспирант кафедры социологии, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, alena_struzhkina@mail.ru	Alena V. Struzhkina, Postgraduate Student, Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management, alena_struzhkina@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 30.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 17.06.2026

Принята к публикации / Accepted 26.08.2026

Научная статья / Original research article

УДК 316.36:316.346:314.15

DOI: <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-118-133>

EDN: CABWFO

Отцовство в общественном мнении: социально-демографический анализ в контексте семейной политики

Ш. Ф. Фарахутдинов^{1*}, Л. Л. Мехришвили²

¹Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Российская Федерация

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

*fshamil@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению социально-демографической специфики восприятия отцовства в современной России. Актуальность исследования обусловлена трансформацией института семьи, изменением гендерного разделения родительского труда и включением развития вовлеченного отцовства в число приоритетов государственной демографической политики. Цель работы — выявить различия в оценках сложности отцовской роли и в содержании образа идеального отца в зависимости от пола, возраста и уровня образования респондентов. Эмпирической базой выступили данные всероссийского телефонного опроса ВЦИОМ (N = 16 00, декабрь 2025). Применялись методы вторичного анализа данных, включая построение таблиц сопряженности, расчет критерия хи-квадрат Пирсона, t-критерия Стьюдента и коэффициента V Крамера. Результаты показывают, что две трети респондентов оценивают отцовство как скорее трудную роль; наиболее оптимистичные оценки характерны для возрастной группы 29–33 лет, при этом у женщин пик оптимизма сдвинут на 24–28 лет, а у мужчин — на 29–33 года. Образ хорошего отца включает как традиционные компоненты (материальное обеспечение, защита, авторитет), так и современные (эмоциональная близость, участие в воспитании). У женщин этот образ связан с эмоциональной составляющей и инструментальными функциями, а мужчины чаще артикулируют статусно-нормативные аспекты. Образовательный уровень также дифференцирует восприятие: в группах с невысоким образованием чаще востребовано физическое присутствие отца в повседневной рутине, при высоком — акцент смещается на качество взаимодействия и эмоциональную вовлеченность. Результаты свидетельствуют о неоднородности нормативных ожиданий. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов для разработки мер поддержки отцовства.

Ключевые слова: семья, вовлеченное отцовство, социально-демографическая дифференциация, семейная политика, репродуктивные установки, общественное мнение

Финансирование и благодарности: Обработка и статистический анализ данных проведены Ш. Ф. Фарахутдиновым в Институте проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН в рамках государственного задания Минобрнауки России (FWRZ-2026-0031, рег. карта 126022618031-4). Интерпретация материала и формулирование выводов осуществлялись Л. Л. Мехришвили в рамках научной тематики Института социологии ФНИСЦ РАН.

Для цитирования: Фарахутдинов Ш. Ф., Мехришвили Л. Л. Отцовство в общественном мнении: социально-демографический анализ в контексте семейной политики. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2026;(3):118–133. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-118-133> EDN CABWFO

Fatherhood in public opinion: a socio-demographic analysis in the context of family policy

Shamil F. Farakhutdinov^{1*}, Lamara L. Mekhrishvili²

© Ш. Ф. Фарахутдинов, Л. Л. Мехришвили, 2026

¹Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russian Federation

²Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS, Moscow, Russian Federation

*fshamil@mail.ru

Abstract. The article examines the socio-demographic specifics of the perception of fatherhood in contemporary Russia. The relevance of this study arises from the transformation of the institution of the family, shifts in the gender division of parental labor, and the increasing emphasis on engaged fatherhood as a priority of state demographic policy. This work analyzes differences in perceptions of how difficult it is to be a father and in views of the ideal father depending on respondents' gender, age, and educational background. The empirical base consists of data from a nationwide telephone survey by VCIOM (N=1 600, December 2025). The study applies methods for secondary data analysis, including contingency tables, Pearson's chi-square test, Student t-test, and Cramér's V. The results show that two-thirds of respondents consider fatherhood to be a rather difficult role. The most positive perceptions are characteristic of the 29–33 age group. Meanwhile, women are most optimistic at ages 24–28, while men are most optimistic at ages 29–33. The image of a good father includes both traditional components (financial support, protection, and authority) and recent ones (emotional closeness and involvement in childrearing). Among women, this image is associated with the emotional component and instrumental functions, whereas men more often emphasize status-related and normative aspects. Educational background also shapes perceptions of fatherhood. Respondents with lower education levels often prioritize the father's physical presence in daily family life. Respondents with higher education levels place greater emphasis on interactional quality and emotional engagement. The results indicate the heterogeneity of normative expectations. The practical significance of this work is that its results can serve to develop measures of support for fatherhood.

Keywords: family, fatherhood involved, socio-demographic differentiation, family policy, reproductive attitudes, public opinion

Funding and Acknowledgments: Data processing and statistical analysis were carried out by Sh. F. Farakhutdinov at the Institute for the Development of the North, Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (FWRZ-2026-0031, registration card 126022618031-4). Interpretation of the material and formulation of the conclusions were performed by L. L. Mekhrishvili as part of her current research and educational activities.

For citation: Farakhutdinov Sh. F., Mekhrishvili L. L. Fatherhood in public opinion: a socio-demographic analysis in the context of family policy. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics.* 2026;(3):118–133. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-118-133>

Введение

Исследование общественного мнения об отцовстве и осмысление данного социального феномена обретает все большую актуальность в связи со стремительными трансформациями как в сфере гендерного разделения труда родителей, так и в системе современного семейного уклада. Мужская роль мужчины в семье сегодня наполняется все более сложным содержанием на фоне традиционного восприятия стереотипа главы семьи как авторитета, защитника и кормильца. Помимо создания материального благополучия, в современном общественном сознании все чаще проявляются ожидания непосредственного участия отцов в решении повседневных проблем семьи, в воспитании детей, в установлении с ними эмоционально-психологической близости, в проявлении понимания и эмпатии. Не случайно дефиниции «активное», «ответственное» и даже «вовлеченное» отцовство все чаще становятся предметом публичного дискурса.

Внешняя простота и целостность данных понятий не исключает ряд внутренних проблемных противоречий: формальное терминологическое единство скрывает содержательное различие общественных представлений об отцовстве, заключающихся в дуальности материальной и эмоциональной сфер жизнедеятельности. С одной стороны, это материальная ответственность отца за семейное благосостояние, экономическое обеспечение, социальную защиту; с другой — эмоциональный приоритет главы семьи в душевных коммуникациях, в повседневной заботе, в эмоциональной доступности. Этот подход не исключает и промежуточную позицию, при которой экспрессивная вовлеченность родителя являет собой дополнительную функцию, а не заменяет и не отменяет традиционные.

Отчетливо проявленное практико-ориентированное измерение отцовства традиционно доминирует в российском историческом контексте. При этом все чаще в семейной политике российского государства появляется тренд изменения роли мужчин в рождении и воспитании детей, усиления ответственности мужчин в создании семьи. На развитии культуры ответственного («вовлеченного») отцовства акцентировал внимание и Президент Российской Федерации В. В. Путин в декабре 2025 г. Этот посыл проявился не только в поручениях федеральному правительству и региональным властям по разработке и реализации практических мер, но и сформировался в качестве приоритетов демографической политики. Таким образом, отцовство, перейдя из субъекта внутрисемейной роли в объект институционального регулирования, поменяло сущность своего социального статуса.

Формирование представлений о новой роли отца в современных российских реалиях детерминирует целый комплекс факторов: семейные ожидания, уровень доходов, социальные характеристики, жизненный опыт представителей семейного сообщества, уровень образования, возраст членов семейных групп. Следовательно, исследователям семейно-демографических процессов и общественных ориентиров современной роли отцовства недостаточно останавливаться на фиксации некой сложившейся идеальной доминанты, а следует выявлять, анализировать и осмысливать все более проявляющиеся социально-демографические дифференциальные тенденции. Именно различия представлений социальных групп о востребованных в общественном сознании моделях отцовства должны лечь в основу оценки эффективности инициатив социальной политики и результативности практики семейной политики.

Представляется, что этот подход позволит реализовать задачи исследования: осмыслить сходства и различия традиционных и современных компонент идеального в образе отца; зафиксировать преобладающие ожидания различных социальных групп; выявить факторы, влияющие на полярность мнений и позиций. Понимание и оценка неоднородности смысложизненных ориентиров представителей семейных групп обретает важность и значимость в контексте развития и реализации адекватной социальным потребностям демографической и семейной политики.

Литературный обзор

В мировой научной литературе существует достаточно четкое разграничение между нормативной и практической функциями отцовства. Нормативная, выражающаяся термином *fatherhood*, — это комплекс культурных образцов и ожиданий, а также прав и обязанностей закрепленных в законодательстве. Практическая функция, обозначаемая как *fathering*, рассматривается как реальное поведение отцов по отношению к детям в различных жизненных ситуациях [1]. В социологии семьи это различие представляет собой ключевое концептуальное положение, отчасти созвучное ролевой модели структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Бейлза. [2]. Согласно их подходу в традиционной нуклеарной семье родительские роли дифференцированы: отец выполняет инструментальную функцию, а мать — экспрессивную. Несмотря на то, что этот подход неоднократно критиковался, его аналитическая ценность в качестве операционального инструмента признается многими авторами. В рамках нашего исследования данная методологическая рамка позволяет рассматривать отцовство как баланс действенно-целевой и эмоционально-поддерживающей составляющих, наполнение которых различается социально-демографических группах.

Другим значимым теоретическим ресурсом выступает концепция гегемонной маскулинности, разработанная Р. Коннел [3]. Согласно этому подходу отцовство неотделимо от более широких представлений о мужественности и о том, каким должен быть «настоящий мужчина». Гегемонная маскулинность задает нормативный образец, которому отцы должны соответствовать. Е. Б. Хитрук исследовала эволюцию этой концепции и обозначила ее онтологическое значение для раскрытия механизмов гендерного неравенства в современных условиях [4]. А. Н. Липасова, опираясь на данную концепцию, проанализировала модели отцовства в современном российском среднем классе [5]. Е. О. Ермолова и Д. О. Радионова изучили феномен «ответственного отцовства» через призму влияния гегемонной маскулинности, определив, что традиционные принципы маскулинности могут выступать барьером на пути формирования вовлеченного отцовства [6]. Т. А. Гурко выявила разрыв между традиционными представлениями об отце-кормильце и реальными практиками вовлеченности, а также устойчивость материнской монополии на повседневную заботу о детях [7].

Еще одной продуктивной для нашей работы основой выступает концепция вовлеченного отцовства. Согласно ее базовым положениям, сформулированным М. Лэмбом и коллегами, участие отца в жизни ребенка проявляется через три аспекта. Во-первых, непосредственное взаимодействие, подразумевающее прямой контакт с ребенком в ходе рутинных взаимодействий. Во-вторых, доступность, предполагающая постоянное психологическое и физическое присутствие отца. В-третьих, ответственность, означающая не только принятие решений, но и организацию условий жизни ребенка. Методологическая функция этой модели проявляется в выведении отцовства за пределы простого присутствия в жизни ребенка и позволяет учитывать как интенсивное, так и

фоновое выполнение своей роли. В отечественных исследованиях данная рамка используется для анализа конкретных стратегий и практик отцовства. А. В. Авдеева, исходя из концепции Лэмба, выделяет стратегии участия отцов в уходе за детьми в современной России и показывает, что даже при декларируемой ориентации на вовлеченность повседневная забота остается преимущественно материнской обязанностью [8]. О. Н. Безрукова и В. А. Самойлова рассматривают вовлеченное отцовство как изменяющийся феномен, включающий ценностно-смысловые, аффективные и поведенческие компоненты. Авторы демонстрируют, что в российских семьях происходит постепенный сдвиг от традиционного к вовлеченному отцовству, однако межпоколенческая трансляция все еще воспроизводит традиционные паттерны [9]. И. О. Шевченко анализирует практики отцовства в различных типах семей и констатирует распространение вовлеченного отцовства и перераспределение трудовой нагрузки в пользу семейных обязанностей [10]. Т. К. Ростовская с коллегами анализирует социальный портрет одиноких отцов, исследуя спектр практик современного российского отцовства [11]. А. Л. Янак выстраивает многоуровневую факторную модель, влияющую на отцовскую вовлеченность на микро, мезо- и макроуровнях [12].

Комплекс представленных теоретико-методологических подходов в нашем исследовании создает предпосылки для эмпирического изучения общественных нормативных представлений об отцовстве, а также интерпретации данных в последующих разделах работы.

Материалы и методы

В исследовании применен метод вторичного анализа данных. Источником эмпирического материала выступила база данных ВЦИОМ, сформированная в рамках всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник», проведенного 19 декабря 2025 г. Объем выборки составил 1 600 респондентов, статистическая погрешность — 2,5 % при доверительной вероятности 95 %. Массив охватывает вопросы, позволяющие реконструировать представления общества об образе отца, а также стандартный набор социально-демографических характеристик, включая пол, возраст, уровень образования, регион и тип населенного пункта¹. База данных размещена в открытом доступе, что обеспечивает возможность независимой верификации результатов исследования любым заинтересованным лицом, повышая тем самым объективность настоящей работы.

Аналитический инструментарий исследования включал комплекс статистических методов обработки данных. На этапе предварительной подготовки была проведена первичная обработка массива, которая предусматривала перекодировку и категоризацию переменных, а также группировку малонаполненных категорий для обеспечения статистической мощности. В отдельных случаях из анализа исключались невалидные

---

¹ Образ отца в современном обществе [Электронный ресурс] // Аналитический обзор ВЦИОМ от 13 янв. 2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-otca-v-sovremennom-obshchestve> (дата обращения: 27.01.2026).

наблюдения. Основной этап аналитической работы заключался в построении таблиц сопряженности и исследовании частот с применением критерия хи-квадрат Пирсона (χ^2), t-критерия Стьюдента для независимых выборок и коэффициента V Крамера как меры силы связи. Для вопросов с множественными ответами расчет статистических показателей осуществлялся по базе ответов, а не респондентов, что обеспечило корректность интерпретации ассоциаций. Аналитические процедуры выполнялись в пакете IBM SPSS Statistics 27 с соблюдением методологических требований к обработке социологических данных.

Результаты и их обсуждение

Восприятие трудности отцовской роли. Мнение респондентов относительно того, легко ли быть в современном обществе отцом, распределилось следующим образом: две трети респондентов (66,3 %) считают, что скорее трудно, пятая часть (20,3 %) полагает, что легко, а каждый шестой (13,4 %) затруднился с ответом. Для выделения возрастной специфики ответов на данный вопрос мы сравнили возраст в содержательных вариантах. Среднее значение возраста среди полагающих, что роль отца трудная, составило 43,26 лет, а среди тех, кто считает ее легкой — 49,45 лет. Различия оказались статистически значимыми (t — критерий Стьюдента $< 0,001$).

Характер рассматриваемой переменной, выраженный в полном количестве лет, то есть абсолютной шкале, позволил нам осуществить категоризацию и проследить возрастную динамику оценок трудности отцовства. В ходе категоризации мы установили пятилетние возрастные интервалы, позволившие достичь необходимый для текущей исследовательской задачи уровень детализации. При построении соответствующей таблицы сопряженности респонденты, затруднившиеся с ответом, были исключены из анализа. Тест на хи-квадрат указал на статистическую значимость различий в оценках трудности отцовства в разных возрастных когортах ($(\chi^2) \approx 59,32$; $(df) = 10$; $p < 0,001$). Для содержательного анализа мы рассмотрели долю ответов «отцовство — легко» в разных возрастных группах. Поскольку анализируемый вопрос предполагает дихотомическую шкалу ответов («легко» / «трудно»), а указанные варианты являются взаимодополняющими, анализ распределения ответов по одной из двух категорий позволяет реконструировать общую картину оценок. Динамика в группе респондентов, считающих отцовство трудным, будет обратной по отношению к оценивающим его как легкое.

Распределение ответов демонстрирует выраженную возрастную динамику. Наиболее оптимистично отцовство воспринимается респондентами в возрасте 29–33 лет. Более трети из них (36,2 %) выбрали вариант «легко». В возрастных группах 24–28 лет и среди тех, кто младше 22 лет, этот вариант отметило менее четверти респондентов (22,2 и 22,4 % соответственно). Аналогичным образом наблюдается устойчивое снижение доли людей, считающих отцовство легким, и в старших возрастных группах. После 44 лет доля позитивных оценок падает с 30,1 % в когорте 44–48 лет

до 7,5 % у респондентов старше 69 лет. Связь между возрастом и оценкой отцовства, судя по коэффициенту V Крамера (0,207), можно охарактеризовать как слабую, хотя статистически она является значимой.

Пик оптимистических оценок в группе 29–33 лет, на наш взгляд, не случаен: этот возраст совпадает с наиболее интенсивным этапом родительства, когда физические и эмоциональные ресурсы еще высоки, а опыт кризисов накопиться не успевает. Снижение доли ответов «легко» в старших когортах, напротив, может свидетельствовать о пересмотре отношения к отцовству. Жизненные трудности, экономические проблемы и разрушение стереотипов о родительстве, безусловно, меняют мнение о простоте роли отца. Умеренные оценки молодежи до 28 лет объясняются отсутствием личного родительского опыта: их суждения носят скорее гипотетический характер. В целом возрастная кривая напоминает перевернутую U-образную форму: максимум приходится на активный родительский возраст, после чего следует монотонный спад. Такая динамика, по-видимому, отражает не только индивидуальные изменения, но и ценностные сдвиги между поколениями (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов респондентов, считающих отцовство легким возрасту, в мужской и женской подвыборках (% в возрастной группе)

Table 1. Distribution of respondents who consider fatherhood easy across age groups in male and female subsamples (% by age group)

<= 23	24–28	29–33	34–38	39–43	44–48	49–53	54–58	59–63	64–68	69 +
Все наблюдения (V Крамера = 0,207)										
22,4	22,2	36,2	29,7	31,5	30,1	23,5	24,5	16,8	16,1	7,5
Женщины (V Крамера = 0,270)										
36,2	43,5	34,6	28,9	34,1	28,1	25,0	24,1	11,9	9,7	7,0
Мужчины (V Крамера = 0,205)										
11,5	14,0	38,2	30,6	28,1	31,8	21,9	25,0	22,9	24,5	8,8

Сравнение возрастной динамики мужчин и женщин выявляет существенные различия в восприятии сложности отцовства. У женщин (V Крамера = 0,270) наблюдается выраженный юношеский оптимизм с абсолютным пиком в 24–28 лет (43,5 %), затем следует спад с резким снижением после 59 лет (7–12 %). Мужчины (V = 0,205) демонстрируют более поздний пик в 29–33 года (38,2 %) и высокую стабильность оценок (21–31 %) на протяжении 30–64 лет с поздним спадом после 69 лет (8,8 %).

Ключевое различие заключается в том, что женщины проявляют максимальный оптимизм до начала активного материнства, что может отражать идеализированные ожидания от мужской роли, сформированные медийным дискурсом «нового отцовства» и отсутствием личного опыта. Мужчины достигают пика уже на этапе начала отцовства и сохраняют устойчивые умеренно оптимистичные оценки в течение всего активного

родительского периода. Разница в силе связи свидетельствует о большей вариабельности женских оценок, тогда как мужские демонстрируют стабильность, соответствующую меньшей изменчивости социальных ролей мужчин в семье. Таким образом, гендерная специфика возрастных оценок отцовства отражает различия в жизненном опыте и социальных ожиданиях. Женщины демонстрируют более ранний оптимизм и поздний пессимизм, мужчины — реалистичный пик в начале отцовства и стабильность в среднем возрасте. Визуальное отображение динамики представлено на рисунке 1.

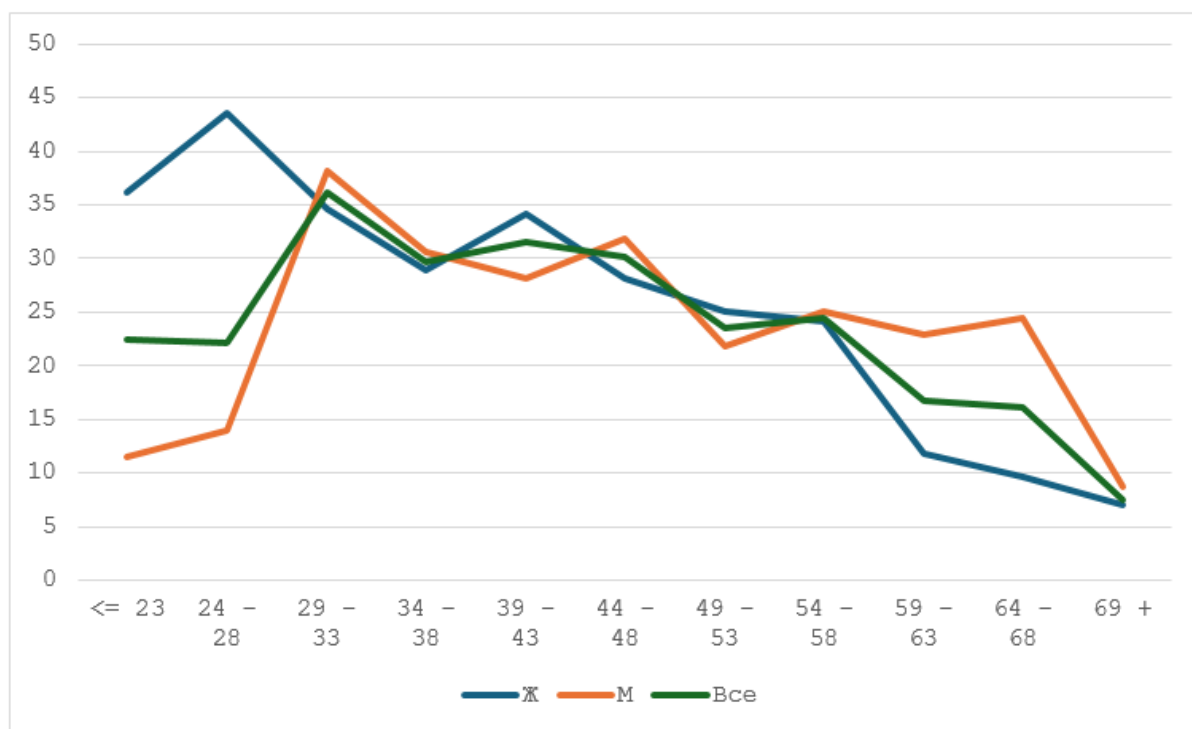

Рис. 1. Половозрастная динамика мнений относительно того, легко ли быть в современном обществе отцом (%)

Fig. 1. Age- and gender-specific variation in views on whether it is easy to be a father in contemporary society (%) (%)

Содержание представлений о качествах идеального отца. Ключевой вопрос анкеты был сформулирован в виде неоконченного предложения и звучал: «Продолжите фразу "Хороший отец — это тот, кто...". Вы можете назвать до трех вариантов». Вопрос носил открытый характер и предполагал самостоятельную формулировку респондентами своих ответов. Полученные ответы были систематизированы и сгруппированы в 35 семантических категорий, отражающих тот или иной аспект современного отцовства. Категории мы укрупнили в 7 групп, отражающих базовые измерения феномена современного отцовства. Распределение ответов респондентов и их принадлежность к группам представлены в таблице 2.

Таблица 2. Семантическая группировка ассоциаций качеств современного отцовства
Table 2. Semantic grouping of associations related to the qualities of contemporary fatherhood

Ответ	%
Группа 1 (48,8 %) <i>Участие в жизни ребенка, воспитание — отражает практическую вовлеченность отца в процесс развития и становления личности ребенка</i>	
04. Занимается воспитанием / участвует или хорошо воспитывает	35,2
06. Внимательный	0,6
12. Дал образование / знания	0,8
17. Занимается с ребенком / проводит время / участвует в жизни	7,0
19. Интересуется жизнью детей / разговаривает / прислушивается	5,2
Группа 2 (49,3 %) <i>Эмоционально-личностные характеристики — объединяет показатели эмоциональной близости, принятия и личностной привязанности</i>	
01. Кто любит своего ребенка	17,8
08. Поддерживает / верит в своего ребенка	12,7
14. Будет другом	0,8
16. Заботливый	12,3
20. Понимающий / не осудит	4,3
33. Балует	0,3
34. Дал жизнь / родил / родной отец	1,1
Группа 3 (10,4 %) <i>Экономическая функция, содержание семьи — охватывает аспекты материального обеспечения и финансовой ответственности</i>	
18. Содержит семью / зарабатывает / кормилец	9,3
26. Работает	1,1
Группа 4 (18,4 %) <i>Функция обеспечения безопасности — включает характеристики защиты, стабильности и надежности</i>	
02. Ответственность / опора / можно положиться / надежный	5,5
07. Защита / безопасность / спокойствие	5,7
09. Всегда придет на помощь / помощь / выручка	6,1
22. Мужественный / готов умереть за семью	1,1
Группа 5 (31,5 %) <i>Авторитет, ответственность. Отражает статусные и властные характеристики отцовства</i>	
05. Служит примером / авторитет / личность / глава семьи	8,1
10. Вырастил детей	4,4
11. Дает советы / наставления	3,8
15. Думает о будущем ребенка / семьи	1,0
21. Патриот / любит свою страну / Родину	0,9
23. Научит жизни / передаст опыт	8,2
27. Справедливый	1,3
28. Уважает / уважаемый	3,4
35. Мудрый	0,4
Группа 6 (14 %) <i>Ориентация на семью — демонстрирует направленность отца на сохранение и развитие семейных связей</i>	
03. Всегда рядом / дома находится	8,7
24. Не бросает детей / семью	2,0
31. Хороший семьянин / семейный человек	3,3
Группа 7 (9,1 %) <i>Личностные качества — объединяет характеристики, отражающие общую адекватность и социально одобряемые черты личности</i>	
13. Добрый / доброжелательный	1,8
25. Без вредных привычек / не пьет	1,5
29. Честный / порядочный	1,5
30. Хороший отец / хороший человек / мой отец	3,6
32. Адекватный / не бьет детей	0,8

Анализ сопряженности данного вопроса с полом показал, что женщины и мужчины по-разному ассоциируют качества хорошего отца. Статистическая значимость различий подтверждается результатами теста хи-квадрат (χ^2): 35.29, (df): 6, p-value: <0,0001) (рис. 2).

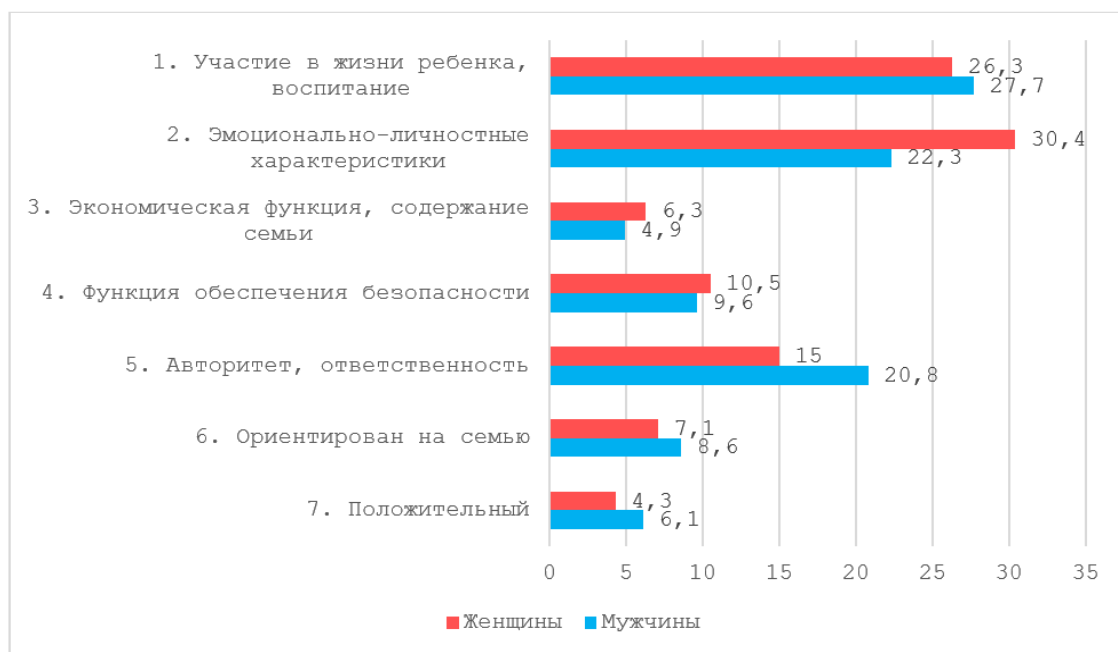

Рис. 2. Распределение групп качеств отцовства по полу (% в категории пола)
Fig. 2. Distribution of fatherhood quality groups by gender (% within gender group)

Статистически значимое различие в распределении ассоциаций «хороший отец» по полу обусловлено преимущественно двумя группами качеств (группы 2 и 5). Женщины значимо чаще мужчин ассоциируют хорошего отца с характеристиками, отражающими их ориентацию на эмоциональную близость и повседневную вовлеченность отца в жизнь ребенка. Мужчины, напротив, значительно чаще представлены в группе «Авторитет, ответственность», подчеркивая традиционные — статусные, властные и морально-ответственные — функции отцовства.

Обращают на себя внимание чуть более высокие, чем у женщин, ожидания у мужчин относительно участия в жизни ребенка (группа 1). Несмотря на то, что различия здесь менее резкие, чем в описанных выше группах, сам факт такого распределения требует интерпретации. Полагаем, что подобная ситуация может отражать две тенденции характерные для семейной сферы: культурный запрос «нового отцовства» и высокая разводимость, в результате которой мужчины оказываются дистанцированы от родных детей.

Еще более размыты, но показательны гендерные различия, связанные с материальным обеспечением и обеспечением безопасности (группы 3 и 4). Женщины придают этим функциям идеального отца заметно большее значение, чем мужчины. И напротив,

такие качества, как ориентация на семью и проявление положительных черт характера, мужчины отмечали чаще (группы 6 и 7).

Таким образом, можно констатировать более выраженную ориентацию женщин на инструментальные функции отца и смещение у мужчин акцентов на экспрессивные функции. На наш взгляд, это свидетельствует о продолжающемся влиянии традиционных ожиданий на женские представления. Мужчины же склонны смещать фокус на иные аспекты отцовства, считая безопасность и материальное обеспечение само собой разумеющимся.

Анализ взаимосвязи рассматриваемого вопроса с уровнем образования также выявил статистически значимые различия между респондентами с разным образовательным статусом. ($\chi^2 \approx 70,64$; $(df) = 18$; $p\text{-value} \approx 3,5 \cdot 10^{-8}$ ($p < 0,001$)) (табл. 2). Отметим, что при построении таблицы сопряженности группы респондентов без основного общего образования (4 наблюдения) и имеющие такое образование (50 наблюдений) были объединены, ввиду их малочисленности, с обладателями среднего общего образования (233 наблюдений).

Таблица 2. Распределение групп качеств идеального отца по уровню образования респондентов (% в категории образования)

Table 2. Distribution of ideal father quality groups by respondents' educational background (% within educational group)

Группа качеств	Уровень образования (%)			
	Среднее общее и ниже	Среднее профессиональное	Высшее (незаконченное высшее)	Два и более высших, ученая степень
1. Участие в жизни ребенка, воспитание	36,9	31,3	21,8	22,8
2. Эмоционально-личностные характеристики	17,1	25,9	30,4	29,1
3. Экономическая функция, содержание семьи	5,0	6,1	6,0	4,3
4. Функция обеспечения безопасности	9,9	9,5	10,0	13,2
5. Авторитет, ответственность	14,6	14,7	18,9	22,4
6. Ориентирован на семью	10,5	7,3	8,1	3,9
7. Положительный	6,1	5,2	4,8	4,2
Всего	100	100	100	100

Из приведенных данных видно, что важность участия идеального отца в жизни ребенка постепенно снижается с ростом образовательного уровня и в случае с ориентированностью на семью (группы 1 и 6). Противоположная тенденция в запросе

к эмоционально-личностным характеристикам и группе ответов, связанных с авторитетностью и ответственностью отца (группы 2 и 5).

Такие результаты можно объяснить тем, что менее образованные респонденты чаще видят идеального отца как активного воспитателя и участника повседневной жизни, что связано с традиционными нормами. В группах с невысоким социальным капиталом сохраняется модель, где отец должен быть «присутствующим» (воспитывает, занимается, проводит время), чтобы компенсировать материальные трудности или сложности с доступом к внешним ресурсам (детсады, кружки). Значительный акцент на стабильности семьи как самостоятельной ценности в данной когорте может быть связан с потребностью избежать риска развода и вероятного снижения уровня жизни.

С ростом образования акцент смещается: люди чаще делегируют воспитание профессионалам (образование, психологи, курсы), а от отца ожидают других ролей — эмоциональной поддержки или авторитета. Это отражает индивидуализацию и специализацию ролей у представителей (условно) среднего класса. Семья здесь чаще воспринимается функционально — как средство для самореализации всех ее членов. В среде высокообразованных людей чаще распространены эгалитарные брачные отношения, где принцип «семья ради семьи» не является доминирующим; акцент смещается на индивидуальные характеристики отца, а не на коллективную «семейность».

Таблицы сопряженности рассматриваемого вопроса с другими социально-демографическими не выявили статистически значимых различий. Представления об отце относительно однородны по России, независимо от федерального округа, материального положения семьи и типа населенного пункта.

Выводы

Приведенные в работе результаты демонстрируют, что представления россиян относительно отцовства нельзя однозначно отнести к традиционной либо современной модели. В разных сегментах общественного мнения, скорее, присутствуют их различные соотношения. Действительно, с одной стороны, материальное обеспечение, защита и авторитет мужчины сегодня не теряют своей актуальности. С другой стороны, в российском социуме постепенно формируется установка на более эмпатичное отношение к детям и участие в их повседневной жизни со стороны мужчин. Это свидетельствует о значимости вовлеченного отцовства в современном обществе, однако в различных социально-демографических группах данная потребность проявляется по-разному.

Возрастные различия в оценке трудности отцовской роли проявляются наиболее отчетливо. Доли респондентов, не считающих отцовство трудной задачей, растут до возраста, совпадающего с пиком репродуктивной активности (у женщин 24–28 лет, у мужчин 29–33 лет), а потом планомерно снижаются к старшим возрастным группам. Подобное явление можно объяснить различным соотношением ожиданий и жизненного опыта в разные периоды жизни людей, причем у мужчин и женщин характер этого ба-

ланса проявляется по-разному. Для молодых женщин образ отца, вероятно, идеализируется и связан с нормативными ожиданиями, в которых отец выступает надежным, поддерживающим и эмоционально включенным партнером. По мере накопления реального семейного опыта, связанного с трудностями совмещения родительства, домашних обязанностей и занятости, такая позиция корректируется, а оценки отцовской роли становятся сдержанными.

У мужчин прослеживается несколько иная возрастная динамика. До периода создания семьи и появления детей роль отца чаще воспринимается как сложная и требующая значительных усилий. Заметный сдвиг в сторону ее положительной оценки приходится на период 29–33 лет. В последующих возрастных группах этот показатель плавно снижается без резких колебаний. Такая динамика позволяет заключить, что отношение мужчин к отцовству связано с непосредственным опытом выполнения данной роли. По мере появления детей и включения в практики заботы о ребенке отцовство, вероятно, начинает восприниматься как более освоенная и адекватно воспринимаемая часть жизни.

В содержании образа хорошего отца гендерные различия также проявляются довольно отчетливо. Мужчины, характеризуя его идеальные качества, упоминают авторитет, ответственность, наставничество, ориентацию на семью и положительные личностные качества, акцентируя, таким образом, внимание на нормативных, статусных и воспитательных аспектах отцовства. Женский взгляд формулирует запрос на заботе и эмоциональной близости с ребенком, ожидая при этом материальную поддержку и защиту семьи. Полученные результаты позволяют предположить, что в представлениях респондентов происходит трансформация традиционной модели отцовства. Образ хорошего отца по-прежнему включает ответственность, материальное обеспечение, защиту семьи и авторитет, однако эти характеристики дополняются ожиданиями эмоциональной близости и заботливого участия в жизни ребенка. Такое сочетание традиционных и эгалитарных норм можно рассматривать как проявление переходной, или гибридной, модели отцовства, в которой роль кормильца сохраняется, но уже не воспринимается как достаточное условие хорошего отцовства.

Образовательный фактор также влияет на особенности восприятия отцовства и отражает различия в ресурсах и организации семейного быта. Респонденты с невысоким образованием, как правило, чаще упоминают необходимость личного присутствия отца в повседневной рутине и характеризуют идеального отца как ориентированного на семью человека, проводящего время и непосредственно участвующего в воспитании ребенка. Вероятно, что в такой установке скрываются латентные опасения развода, следствием которого станет угроза стабильности и потеря ключевого канала поддержки. В условиях ограниченных ресурсов, характерных для людей с невысоким социальным капиталом, требование физического присутствия может быть защитной стратегией, направленной на сохранение целостности семьи. Среди респондентов с высоким образовательным уровнем внимание на физическом присутствии акцентируется реже, смещаясь

на качество взаимодействия и эмоциональную вовлеченность в воспитательный процесс. Логично предположить, что подобная установка может быть следствием более широкого доступа к социальным ресурсам и экономической автономности, снижающим последствия для детей от потенциального распада семьи. Отцовство в таких группах воспринимается не как «страховка от развода», а как добровольный вклад в развитие ребенка.

Примечательно, что статистически значимых различий в представлениях об отцовстве по федеральным округам, типу населенного пункта семьи не выявлено. По всей видимости, подобная территориальная однородность связана с существованием общего для страны нормативного поля, сформировавшегося под влиянием СМИ, государственной семейной политики, системы образования и других институциональных акторов. В результате базовый образ отцовской роли воспроизводится в разных территориальных и поселенческих контекстах, что создает устойчивую основу для формирования и реализации общенациональной политики поддержки ответственного и вовлеченного отцовства.

В целом в современном российском обществе восприятие отцовства складывается из устоявшихся традиционных представлений и новых ожиданий, связанных с более активным участием мужчины в жизни ребенка. Такое сочетание свидетельствует о постепенной трансформации отцовской роли, требующей соответствующей реакции со стороны государства. Сегодня важны такие меры, как создание условий, в которых мужчина сможет одновременно нести материальную нагрузку и реально участвовать в заботе и воспитании детей. Необходимы: доступные механизмы отпуска по уходу за ребенком, гибкие формы занятости, включение отцов в программы подготовки к родительству и семейного консультирования. При этом меры, направленные на поддержку вовлеченного отцовства, должны учитывать неоднородность общественных представлений и избегать универсального образа «идеального отца», одинаково применимого ко всем социальным группам.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

All authors contributed equally to the preparation of the manuscript.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interests.

Список источников

1. Lamb M. E. (Ed.). *The Role of the Father in Child Development*. 3rd ed. New York: John Wiley & Sons, 1997. 544 p.

2. Parsons T., Bales R. F. *Family, Socialization and Interaction Process*. Glencoe, IL: The Free Press; 1955. 422 p.
3. Connell R. W. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. XVII, 334 p.
4. Хитрук Е. Б. Концепция гегемонной маскулинности в теории Рэйвин Коннелл: от XX к XXI столетию. *Социологический журнал*. 2017;23(4):8–30. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5526>.
5. Липасова А. Модели отцовства в среднем классе современной России. *Социологическое обозрение*. 2016;15(4):202–214. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-4-202-214>
6. Ермолова Е. О., Радионова Д. О. Влияние гегемонной маскулинности на формирование ответственного отцовства. *Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета*. 2022;4(3):14–27. URL: <https://bppsasu.ru/article/view/11893>
7. Гурко Т. А. *Отцовство: представления и практики*. Блог Института социологии РАН. 24 сентября 2024. URL: https://www.isras.ru/blog_gurko3.html
8. Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми. *Социологические исследования*. 2012;(11):95–104. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_11/Avdeeva.pdf
9. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция. *Социологические исследования*. 2022;(2):94–106. <https://doi.org/10.31857/S013216250016969-8>.
10. Шевченко И. О. *Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ*. Москва : Тривант; 2019. 298 с.
11. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Социальный портрет одиноких отцов: анализ в рамках концепции ответственного родительства. *Социальное пространство*. 2023;9(1). <https://doi.org/10.15838/sa.2023.1.37.2> URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29561>
12. Янак А. Л. Факторная модель отцовской вовлеченности. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022;25(4):140–176. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.6>

References

1. Lamb M. E. (Ed.). *The Role of the Father in Child Development*. 3rd ed. New York: John Wiley & Sons, 1997.
2. Parsons T., Bales R. F. *Family, Socialization and Interaction Process*. Glencoe, IL: The Free Press; 1955. 422 p.
3. Connell R. W. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. XVII, 334 p.
4. Khitruk E. B. The concept of hegemonic masculinity in the theory of Raewyn Connell: from the XX to the XXI century. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2017;23(4):8–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.4.5526>.
5. Lipasova A. (2016). Fatherhood models in the middle class of contemporary Russia. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, no. 4, pp. 202–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-4-202-214>
6. Ermolova E. O., Radionova D. O. Impact of hegemonic masculinity on the formation of responsible fatherhood. *Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University*. 2022;4(3):14–27. (In Russ.). URL: <https://bppsasu.ru/article/view/11893>
7. Gurko T. A. *Fatherhood: perceptions and practices*. Blog Instituta sotsiologii RAN, 24 September 2024. (In Russ.). URL: https://www.isras.ru/blog_gurko3.html

8. Avdeeva A. V. (2012). "Involved fatherhood" in modern Russia: strategies of participation in child care. *Sociological Studies*. 2012;(11):95–104. (In Russ.) URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_11/Avdeeva.pdf
9. Bezrukova O. N., Samoilova V. A. Fatherhood in Modern Russia: Meanings, Values, Practices and Intergenerational Translation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(2):94–106. <https://doi.org/10.31857/S013216250016969-8>.
10. Shevchenko I. O. *Fathers and fatherhood in modern Russia: sociological analysis*. Moscow: Trovant; 2019. (In Russ.)
11. Rostovskaya T. K., Vasilieva E. N. Social Portrait of Single Fathers: an Analysis within the Framework of Responsible Parenthood. *Social area*. 2023;9(1). (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/sa.2023.1.37.2> URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29561>
12. Yanak A. A Factorial Model of Paternal Involvement. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022;25(4):140–176. (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.6>

Информация об авторах / Information about the authors

Фарахутдинов Шамиль Фаритович, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора этнологии и социальной антропологии, Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень, fshamil@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0849-7248>; РИНЦ SPIN-код: 8072-8282; Web of Science Researcher ID: I-6296-2018; Scopus Author ID: 57195493757

Мехришвили Ламара Ленгизовна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, mehrishvilill@tyuiu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8144-3652>; РИНЦ SPIN-код: 9893-9080; Web of Science Researcher ID: GLQ-9744-2022; Scopus Author ID: 59254688700

Shamil F. Farakhutdinov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Ethnology and Social Anthropology, Institute of Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, fshamil@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0849-7248>; RSCI SPIN code: 8072-8282; Web of Science Researcher ID: I-6296-2018; Scopus Author ID: 57195493757

Lamara L. Mekhrishvili, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, mehrishvilill@tyuiu.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8144-3652>; RSCI SPIN code: 9893-9080; Web of Science Researcher ID: GLQ-9744-2022; Scopus Author ID: 59254688700

Поступила в редакцию / Received 01.04.2026

Поступила после рецензирования / Revised 22.04.2026

Принята к публикации / Accepted 05.05.2026

Научная статья / Original research article

УДК 374.32

DOI: <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-134-149>

EDN: CJTHQO

Хадж как социокультурный феномен ислама

Н. Г. Хайруллина

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

hajrullinang@tyuiu.ru

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы паломничества верующих на примере российских мусульман, проживающих в Тюменской области. Исследование строится на эмпирических данных, полученных автором при реализации проекта «Хадж как социокультурный феномен ислама». Выбор темы не случаен — текущий год объявлен Годом единства народов России. Цель статьи — сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей россиян различных национальностей и вероисповеданий, в первую очередь духовности, крепкой семьи, милосердия, справедливости, взаимоуважения и др., которые передаются россиянами от поколения к поколению. Показано, что хадж как и паломничество, обладает всеми признаками религиозного ритуала и включает следующие этапы: подготовка (изучение обрядов, заучивание молитв, приобретение одежды); само путешествие; ритуалы у святынь (Кааба, Арафат, Мина, Муздалиф) и возвращение домой в обновленном качестве. При этом человек, совершающий хадж, на время путешествия полностью исключается из привычных социальных связей, обязанностей и ролей и открывается для получения новых знаний, трансформаций или исцеления. Самая интересная часть статьи — результаты исследований (анкетный опрос, глубинные интервью, медиа-исследование). На примере нарративов паломников охарактеризована среда, в которой формировалась религиозность тюменских мусульман и возможность передачи (трансляции) основ (опыта) верующими (включая подрастающее поколение, молодежь) для совершения в будущем паломничества (хаджа) к святым местам Саудовской Аравии (Мекка, Медина) как одного из пяти столпов ислама. Участники через воспоминания своего детства, духовной атмосферы в доме, семейных традиций рассказали о своем пути к принятию ислама. На основе опыта совершения хаджа, анализа изменений, которые почувствовали в себе после его совершения, хаджи охарактеризовали социокультурную роль хаджа в жизни мусульманского сообщества, поделились своими планами на будущее. Проведенное медиа-исследование для измерения частоты упоминаний темы хаджа и паломничества мусульман в российских регионах показало, что в мусульманских регионах частота упоминаний (как мы и предполагали) выше, чем в немусульманских, таковой является Тюменская область. Несмотря на это, такие мегаполисы, как Москва и Санкт-Петербург, лидируют по числу упоминаний темы хаджа.

Ключевые слова: религия, ислам, хадж, паломничество, Коран, Мекка, Кааба, верующие, мусульманская культура

Для цитирования: Хайруллина Н. Г. Хадж как социокультурный феномен ислама. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2026;(3):134–149. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-0-0> EDN CJTHQO

Hajj as a sociocultural phenomenon of Islam

Nursafa G. Khairullina

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

hajrullinang@tyuiu.ru

© Н. Г. Хайруллина, 2026

Abstract. This article discusses the pilgrimage through the experience of Russian Muslims living in Tyumen Region. This study draws on empirical data collected by the author as part of the project “Hajj as a sociocultural phenomenon of Islam.” This topic is particularly relevant in the context of the current Year of Unity of the Peoples of Russia. The article aims to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values among Russians of different ethnic and religious backgrounds, including spirituality, strong family ties, mercy, justice, and mutual respect, which are passed from one generation to the next. The article shows that Hajj, like pilgrimage in general, has all the key features of a religious ritual. It includes preparation (learning the rituals, memorizing prayers, and purchasing appropriate clothing); the journey itself; performing rituals at holy sites (the Kaaba, Arafat, Mina, and Muzdalifah); and returning home with a renewed sense of self. During this journey, a person performing Hajj temporarily steps outside their usual social connections, responsibilities, and roles, becoming open to new knowledge, personal transformation, and healing. The most interesting part of the article is the results of the research, which included a questionnaire survey, in-depth interviews, and a media study. Using the pilgrims' narratives as an example, the article describes the environment in which the religiosity of Tyumen Muslims developed and examines how religious foundations and experience may be transmitted to believers (including young generation), who may undertake the pilgrimage to the holy sites of Saudi Arabia (Mecca and Medina), in the future. As one of the Five Pillars of Islam, Hajj plays a crucial role in this process. Participants recalled their childhoods, the spiritual atmosphere in their home, and family traditions. They spoke about their conversion to Islam, their experience of performing the Hajj, the changes they felt afterward, as well as about sociocultural role of the Hajj in the life of the Muslim community, and shared their plans for the future. A media study measuring the frequency of the Hajj in Russian regions revealed that mentions were higher in traditionally Muslim republics than in predominantly non-Muslim areas like the Tyumen Region. However, due to their population size, megacities such as Moscow and St. Petersburg showed the highest absolute mention counts. At the same time, megacities such as Moscow and Saint Petersburg lead in the number of references to Hajj.

Keywords: religion, Islam, Hajj, pilgrimage, Quran, Mecca, Kaaba, believers, Muslim culture

For citation: Khairullina N. G. Hajj as a sociocultural phenomenon of Islam. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics.* 2026;(3):134–149. <http://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-3-134-149>

Введение

На протяжении столетий в России гармонично проживают представители свыше ста девяносто национальностей и вероисповеданий. В конце 2025 г. в нашей стране Указом Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858 утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года, в которой поставлена задача укрепления гражданской идентичности россиян, а также задача сохранения согласия между представителями различных национальностей. Не случайно 2026 г. официально объявлен Годом единства народов России [1]. На решение проблем сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей направлен Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В соответствующем документе традиционные ценности определены и утверждены как нравственные ориентиры, благодаря которым должно формироваться мировоззрение россиян. Среди этих ориентиров — духовность, крепкая семья, милосердие, справедливость, взаимопомощь, взаимоуважение, патриотизм и другие духовно-нравственные ценности, которые передаются россиянами от поколения к поколению [2].

Важной ценностью, по нашему мнению, является духовность человека, на формирование которой основополагающее влияние оказывают религия, нравственность. Духовность показывает, как человек определяет свое место в этом мире, смысл его появления и существования, как он воспринимает окружающий его мир. В связи с происходящими в мире социокультурными трансформациями границы понятия религия постепенно стираются, но религия остается в основе поведения человека.

Для многих религия представляется как истина, благочестие, как система жизненных ценностей или феномен. Э. Фромм различал понятия религия и религиозность. В работе, посвященной психоанализу и религии, он писал, что у каждого человека есть потребность в религии, но для каждого она персонализирована: одни поклоняются животным, другие деревьям, кто-то идолам, Богу, вождям, деньгам и пр., вызывая любовь, угнетение или братство людей [3]. М. Элиаде заметил, что это слово употребляется потому, что у нас нет никакого другого взамен, хотя далеко не всегда оно соответствует тому, что мы хотим сказать [4].

Анализ многочисленных источников позволяет утверждать, что религия влияет на формирование нравственных норм верующих [5–7]. В статье рассматривается религия ислам, благодаря высокой нравственности которой возвышается умма (община) и процветает ее цивилизация, хотя многие предвещали ее распад после ухода из жизни Пророка Мухаммада (сгвс)¹. Ибн Хиббан передал, что «Более полноценный в имане (вере) тот из верующих, чья нравственность является наилучшей». В одном из хадисов, представленных в сборнике Хиббана, передается, что Посланник Аллаха (сгвс) сказал: «Наилучшие из вас те, кто обладает наилучшей нравственностью, если они обучались (религиозным знаниям)» [8]. Разъяснение наилучшего верующего приводит Р. Сибгатуллин: обладатель высокой нравственности, религиозных знаний, верующий в Аллаха и его Посланника, а вера — основа благих деяний [9].

За последние десять лет количество российских мусульман, совершивших хадж (паломничество) в святые места Саудовской Аравии (Мекку, Медину), увеличивается в первую очередь за счет жителей мусульманских республик (Чечня, Дагестан, Ингушетия, Татарстан). Жители перечисленных республик собираются в хадж не по одиночке, а семьями, большими группами из аулов, в отличие от жителей российских регионов, где мусульмане являются меньшинством, например, в Тюменской области и других субъектах Российской Федерации. Поскольку хадж позволяет индивиду переосмыслить собственную идентичность и интегрироваться в коллективное духовное и культурное пространство мусульманского мира, то рассмотрим данный социокультурный феномен на материалах тюменских мусульман.

Методика и методы

1. Для изучения социокультурной роли хаджа в 2023–2025 гг. был осуществлен анкетный опрос тюменских татар (n = 84), совершивших в различные годы паломничество в святые места.

---

¹СГВС переводится как «мир ему и благословение Аллаха»

2. В период с 2024–2026 гг. проведены глубинные интервью (n=20). В 2026 г. интервью проводятся не только среди тюменских мусульман, но и среди мусульман, проживающих в Казани и Владикавказе, что позволит выполнить сравнительный анализ роли хаджа в жизни мусульман различных российских регионов.

3. В мае 2026 г. было проведено медиа-исследование для измерения частоты упоминаний темы хаджа и паломничества мусульман в российских регионах, чтобы выяснить, в каких субъектах РФ ислам замечен как этнокультурная среда. Для этого мы измеряли: 1) частоту упоминаний; 2) источники и площадки новостей; 3) контексты — хадж, паломничество и др.; 4) отдельно выделили Тюменскую область.

Методика исследования включала медиасрез всех российских субъектов по частоте упоминаний с этнокультурным прокси. Первый шаг: определение перечня слов по упоминаниям: отправка/возвращение паломников, квоты, стоимость и организация поездок, общие новости о хадже, религиозно-просветительский контекст, религиозные и государственные институты и риски, происшествия, безопасность; следующий — определение регионов (все 89 субъектов РФ, включая республики, края, области, города федерального значения, автономные округа и новые регионы). Третий шаг: прокси (оценка этнокультурных групп) и четвертый — сравнительный анализ.

Результаты и обсуждение

В основе религии ислам — пять столпов, обязательных для всех верующих мусульман: свидетельство веры (шахада), ежедневная молитва (совершение намаза), выплата милостыни (закят), пост в священный месяц рамадан, паломничество (хадж) в святые места Саудовской Аравии (Мекка, Медина). В Коране говорится, что «Аллах обязывает тех людей, кто в состоянии совершить поездку, отправиться в Хадж к Его Дому» [10]. Опираясь на Коран, А. Ю. Ильина показывает, что хадж обращен не к одному человеку, а ко всему сообществу верующих. В исламе человек отвечает не только за себя, но и перед другими — это принципиальная черта религии. Коран задает общую рамку, а вот личное решение отправиться в путь, то есть внутренняя интенция, рождается уже внутри самого человека [11]. Паломничество в Мекку — не просто религиозный обряд, а особый культурный феномен в рамках российской мусульманской традиции. Хадж становится возможен только благодаря специфическому типу мышления, который формируется у верующего под влиянием Корана и примера пророка Мухаммада (сгвс), поэтому это путешествие — не массовое явление, на него решаются отдельные верующие.

Паломничество рассматривается Л. И. Фусу не как простое религиозное путешествие, а как ритуал, включающий три фазы перехода: отделение от прежнего статуса; лиминальное состояние (нахождение вне привычных социальных ролей); обратное включение (включение в социум в новом качестве, хаджи). На время паломничества человек теряет привычное окружение (семья, соседи, коллеги по работе и пр.). Его прежний статус временно исчезает (инженер, отец, супруг, сын, брат и пр.). Он стано-

вится лишь паломником, который сознательно с другими готов к психологическим, физическим, моральным и прочим испытаниям. Объединив культурологический и психоаналитический подходы, Фусу показал, что за внешними, религиозными причинами паломничества лежат глубокие психологические механизмы, часто не осознаваемые самим паломником. В путь человека ведет не только сознательная вера, желание показаться или надежда на исцеление, но и неосознанная вина, которая требует искупления через страдания. После посещения святых мест и возвращения домой он получает не только иное социальное качество, но и духовное выздоровление [12].

А. Реутов также не сводит паломничество к обычному путешествию к святыням. По его мнению, это особая религиозная практика, направленная на поклонение, внутреннее очищение и приобщение к духовным и культурным ценностям как ислама, так и христианства. Автору удалось выявить сходства этими двумя традициями, например, признание двойственной структуры мира, осознание собственной греховности без стремления к сверхъестественным силам, важность намерения, нравственное очищение и борьба со страстями. К общим элементам ритуала паломничества отнес отрыв от повседневности, путь, духовное преображение и возвращение обновленным. На основании сравнительного анализа А. Реутов приходит к заключению, что в обеих религиях существует глубокое сходство духовных механизмов [13].

Следует отметить, что хадж следует рассматривать как обряд перехода, поскольку он выводит человека из повседневного потока жизни и вводит в особое ритуальное состояние: облачение в ихрам². В Мекке паломник физически достигает сакрального центра, в сторону которого в обыденной жизни он совершал ежедневную молитву (намаз, салат). Автор отмечает, что паломничество насыщено «ритуальными повторениями»: верующие всего мира семикратно обходят Каабу, пьют воды из источника Замзам, совершают семикратный бег между холмами ас-Сафа и аль-Марва, переживая ключевые моменты священной истории [14]. Кульминационным событием паломничества считается стояние в долине Арафат, неподалеку от горы Прощения, где Мухаммад (СГВС) произнес свою последнюю проповедь. Паломничество без этого стояния теряет силу и должно быть повторено независимо от причины пропуска. *«Нас привезли в палаточный город в долине Арафа до полудня, женщины отдельно, мужчины отдельно, большинство женщин самоуглубились: читали весь день молитвы, просили прощения за совершенные грехи, многие со слезами испрашивали прощения. Я тоже поддалась этому ритуалу, вспоминала всех, кого обидела, начиная с того времени как себя помнила, просила прощения у Всевышнего за грехи, которые были совершены перед живыми и умершими родственниками, обещала не повторять их в будущей, обновленной по-*

---

² Ихрам — одновременно и одеяние (два белых несшитых куска ткани для мужчин), и состояние ритуальной чистоты, требующее отказа от половых отношений, ухода за собой, использования благовоний, ношения украшений, вырывания растений, уничтожения насекомых.

сле хаджа жизни» (хаджи, 58 лет). Этот обряд рассматривается как момент духовного преображения, окончательный переход паломника в новый статус.

После захода солнца верующие проводят ночь в долине Муздалифа, а утром направляются в долину Мина, где символически побивают камнями столбы, олицетворяющие дьявола. Одновременно проводится принесение в жертву овец — это кульминационный обряд, совершаемый всеми прибывшими на хадж мусульманами. Заклание жертвенных животных происходит на специальной территории многочисленной группой профессиональных забойщиков, которые совершают забой согласно исламской традиции. Далее мясо жертвенных животных на специальных рефрижераторах развозится бедным мусульманам африканского континента, вечером паломников кормят приготовленной бараниной. После жертвоприношения паломники обрезают прядь волос, мужчины сбривают бороду, снимают ихрам и постепенно возвращаются к обычной жизни. Представленная выше обобщенная процедура хаджа, по мнению Т. Б. Мамытова, рассматривается как многомерный обряд перехода, в ходе которого верующий проживает умирание прежнего «я» и возрождение в новом, более высоком духовном статусе, укорененном в единстве исламской общины [15].

Таким образом, согласно теории ритуалов, хадж предстает как ритуальный обряд, включающий подготовку, само путешествие, ритуалы у святынь (Кааба, Арафат, Мина и др.), возвращение домой. Далее рассмотрим результаты исследований, подробно раскрывающие все четыре этапа ритуала хаджа.

Результаты анкетных опросов, проведенных автором в предыдущие годы, показали, что религия объединяет людей одной национальности и одновременно различает людей различных национальностей [16]. Представители мусульманских национальностей, проживающих на юге Тюменской области, исповедующие ислам, ежедневно совершают пятикратный намаз. Участники анкетного опроса, проведенного на первом этапе исследования, — это татары, совершившие хадж в различные годы. Все они признались, что ежедневно совершают пятикратный намаз. Каждый второй участник сообщил, что совершает уже 20–30 лет, каждый четвертый — 10–20 лет и такое же число читают намаз, последние — от 4 до 10 лет. Чуть более трети респондентов признались, что к чтению намаза их подтолкнули родители, каждый пятый ответил, что эти человеком был имам мечети, каждый десятый указал на своих дедушек и бабушек и такое же число назвали друзей.

Об исламе, основах совершения намаза, столпах ислама около половины опрошенных узнали из книг и брошюр, более трети участников — от родителей и имама мечети. Примерно каждый третий назвал дедушек и бабушек источником получения религиозных знаний, а каждый четвертый черпал знания самостоятельно из интернета. В варианте ответов «другие источники» от 11 до 14 % респондентов назвали старших братьев и сестер, тетю и дядю, друзей, а 2–3 % участников — онлайн-курсы, уроки в мечети, медресе, чтение толкований Корана и хадисов.

Приведем несколько фрагментов глубинного интервью:

«Основные знания об исламе я получала из интернета и с тех достоверных сайтов, где была нужная мне информация о том, как научиться читать намаз и разобратся в религиозных вопросах» (хаджи, жен., 36 лет).

«Основы знаний об исламе — это то, что было взято в подростковом возрасте на стабильных уроках, где мы учили арабские буквы и суры. База осталась именно оттуда. Далее, на протяжении жизни, посещал уроки в мечетях, пятничные проповеди, получал знания при общении в гостях. Онлайн-курсы не проходил, единственное — учил арабский язык онлайн для чтения Корана» (хаджи, муж., 40 лет).

«Знания я получала в медресе в Тюмени. Когда я туда пришла, оно существовало примерно год. Это было седьмое училище возле Дворца геологов. Мы изучали арабскую графику, учились читать и писать по-арабски, Коран, правила таджвида, совершение намаза, столпы ислама и имана, историю Пророка и пророков» (хаджи, жен., 52 г.).

О предстоящем хадже каждый второй узнал от родственников, знакомых, которые совершили его, 42 % читали дополнительную литературу для паломников, каждый четвертый посещал занятия в мечети и изучал интернет (25 %). Приведем цитаты из интервью.

«Мечта о хадже появилась еще в медресе. Кааба представлялась чем-то неземным — мы видели только фотографии, интернета не было. Когда узнали, что это один из столпов ислама и там находятся наши святыни, очень захотелось поехать. Но знаний о визе, билетах, организации не было — только мечта» (хаджи, жен., 52 г.).

«Первым в нашем окружении Хадж совершил племянник с другом (около 20 лет назад), затем — зять (муж сестры). Именно зять, вернувшись, активно делился знаниями на семейных встречах, объяснял нам пять столпов ислама: веру в Аллаха и Пророка (мир ему), пятикратный намаз, закят, пост в Рамадан и Хадж для тех, кто имеет материальную и физическую возможность. Сильное влияние оказали также моя духовная наставница и та самая родственница, обе уже совершившие к тому времени Хадж» (хаджи, жен., 60 лет).

«В 2009–2010 годах мы с партнером по бизнесу приняли серьезное намерение совершить хадж. Изначально не было финансовых возможностей, поэтому идея была отложена. Однако впоследствии благотворительный фонд объявил набор молодых людей для поездки. Мы подали документы, прошли конкурсный отбор и получили возможность совершить хадж. Таким образом, намерение реализовалось благодаря стечению обстоятельств и, как я считаю, предопределению Всевышнего» (хаджи, муж., 40 лет).

В ходе опроса мы выяснили, какие качества респонденты обнаружили в себе или старались проявить сильнее всего во время хаджа. Две трети опрошенных называли «богобоязненность», 60 % отметили «раскаяние в своих грехах», каждый второй назвал искреннюю веру в Аллаха. Каждый третий назвал смиренность, готовность помочь и

проявить заботу о ближнем, возможность общения со Всевышним. О полном забвении мирской жизни, об отсутствии суеты, о смирении признался каждый пятый респондент.

Большинство паломников, совершивших хадж, почувствовало изменения в себе после возвращения из Саудовской Аравии, что нашло проявление в следующем: «стал(а) более богобоязненным(ой)» — 41,2 %, «делюсь опытом совершения хаджа» — 38,2 %, «стал(а) более скромным(ой)» — 20,6 %, «помогаю нуждающимся» — 20,6 %. Конкретные шаги, требующие усилий, работы над собой, отметили от 2,9 до 11,8 % участников опроса: «читаю намазы по расписанию» — 17,6 %, «стала покрывать голову платком, носить длинную одежду» — 11,8 %, «перестал(а) пропускать намазы» — 11,8 %, «учу новые суры из Корана» — 11,8 %, «начал(а) посещать пятничные проповеди в мечети», «читать Коран и изучать арабский язык» по 2,9 % респондентов.

«После хаджа почувствовал духовный подъем и внутренний рост. Появилось ощущение укрепления духа» (хаджи, муж., 68 лет).

«Существенных внешних изменений в повседневной жизни не зафиксировано, однако усилилось внутреннее осмысление религиозных практик и ответственности. Сложности носили преимущественно адаптационный характер — возвращение к привычному ритму жизни после интенсивного духовного опыта. Окружение в целом отреагировало с уважением и интересом, без выраженных негативных проявлений» (хаджи, муж., 40 лет).

«Стал более обязательным, намазы не пропускаю, стараюсь не пропускать пятничные джума-намазы, стараюсь держать пост, в месяц Рамадан. Раздаю нуждающимся людям продуктовые наборы — садака (милостыня, пер. автора). По мере своей образованности по Исламу стараюсь проповедовать Ислам среди своих родственников. Детей, внуков учу намазу. Уже научились читать намазы, третий год держат пост. Родственники ко мне стали относиться, как к знатоку Ислама, приглашают на маджлисы (встречи мусульман, пер. автора), чтобы я их провел. Еще не очень это хорошо получается, учусь» (хаджи, муж., 60 лет).

«После хаджа чувствуешь еще большую ответственность перед религией и перед собой. Понимаешь, что ты теперь пример для других мусульман: по тебе будут судить об исламе в целом. Появилось желание распространять религию, учить, изучать» (хаджи, жен., 52 года).

На вопрос, является ли мечеть важным местом для общения между людьми, совершивших хадж, и для передачи опыта тем, кто только готовится, одна из участниц глубинного интервью ответила утвердительно. При этом добавила, что «Люди встречаются там, разговаривают, обмениваются впечатлениями, а имамы и другие участники общины тоже рассказывают об этом. При этом я считаю, что одной только мечети недостаточно: информация о хадже должна распространяться и через социальные сети» (хаджи, жен., 36 лет). Мы разделяем эту точку зрения, более того, З. Р. Хабибуллина в 2009 г. обратила внимание научной общественности на то, что среди му-

сульманского населения российских регионов лидируют татары и башкиры, чуть более 50 %, а среди паломников — мусульмане, проживающие в Дагестане и регионах Северного Кавказа, 80 % [17].

Поэтому на третьем этапе исследования мы провели измерение частоты упоминаний темы хаджа и паломничества мусульман в российских регионах, чтобы выяснить, в каких субъектах РФ ислам замечен как этнокультурная среда (рис. 1).

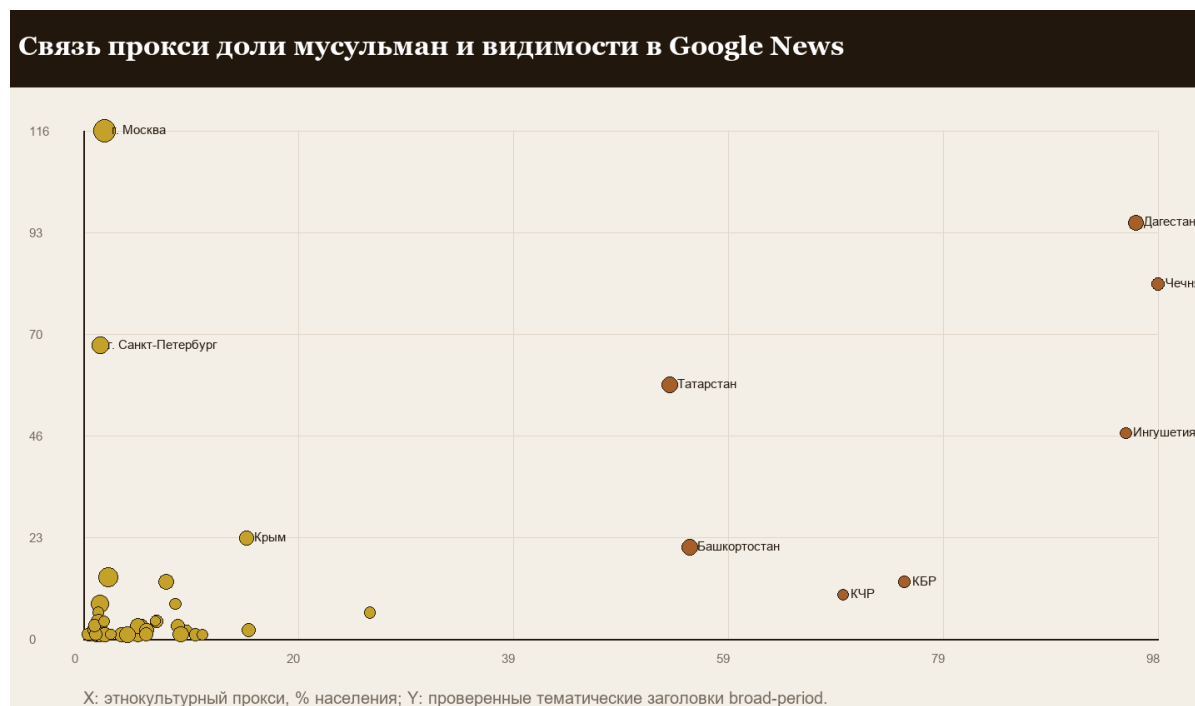

Рис. 1. Этнокультурный прокси: соотношение доли мусульманского населения и проверенных тематических заголовков в Google News

Fig. 1. Ethnocultural proxy: ratio of the muslim population share to verified thematic headlines in Google News

Связь была обнаружена уже на первом открытом срезе: группа с высоким этнокультурным прокси дает в среднем 15,29 упоминаний на субъект, а группа с низким прокси — 0,20 упоминаний. Лидируют в открытом Bing-срезе Москва, Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Татарстан (рис. 1). Важно отметить, что проведен не полный архив СМИ с 1993 г., а сравнимый открытый срез по доступным новостным выдачам. Источник Google News v2 позволил глубже посмотреть выбранные регионы: Тюмень не исчезает, но заметно уступает Северному Кавказу и Поволжье. В целях исследования важно было проанализировать тематику упоминаний в российских регионах. Анализ показал, что упоминания о хадже и паломничестве мусульман обнаружены в 35 российских регионах, топ-8 из них приведены в таблице 1 и Тюменская область представлена как исследуемый регион. По количеству упоминаний она фактически занимает в рейтинге 25 позицию.

Таблица 1. Темы упоминаний по регионам: топ-8 субъектов
Table 1. Topics of mentions by region: top 8 federal subjects

Регион	Тема					
	Отправка	Квоты/ стоимость	Общие новости	Просвещение	Институты	Риски
Москва	33	21	36	25	7	8
Дагестан	31	24	21	20	14	3
Чечня	32	24	34	11	5	2
Санкт-Петербург	18	11	21	8	5	4
Татарстан	20	14	13	7	11	2
Ингушетия	16	7	14	7	4	—
Крым	6	10	3	7	3	3
Башкортостан	10	5	3	2	2	2
Тюменская область	3	1	1	—	—	—

В целом среди всех упоминаний в новостях доминирует практический контекст; отправка и возвращение паломников, квоты, стоимость, логистика (рис. 2), при этом наблюдается позитивная динамика упоминаний за последние пятнадцать лет. Регионы с высоким однокультурным прокси (Дагестан, Чечня, Татарстан и др. мусульманские) дают кратно больше упоминаний о хадже в открытых новостных срезах, чем в немусульманских субъектах РФ, поэтому Тюменская область несопоставима с лидерами (мусульманскими регионами, перечисленными выше) по интенсивности упоминаний.

Темы упоминаний по периодам					
	1993-2004	2005-2009	2010-2014	2015-2019	2020-2026
отправка/возвращение паломников		3	26	33	147
квоты, стоимость и организация поездок		3	2	19	90
общие новости о хадже			24	37	95
религиозно-просветительский контекст		3	16	38	48
религиозные и государственные институты			2	10	43
риски, происшествия и безопасность			1	7	12

Классификация по заголовкам материалов Google News RSS.

Рис. 2. Динамика упоминаний о Хадже, паломничестве
Fig. 2. Dynamics of mentions of Hajj and pilgrimage

В тематической структуре упоминаний лидирует информация, связанная с отправкой и возвращением паломников, общие вопросы хаджа — чуть более половины упоминаний (55, 2 %). Каждое третье упоминание связано с квотами, стоимостью и организацией хаджа (рис. 3).

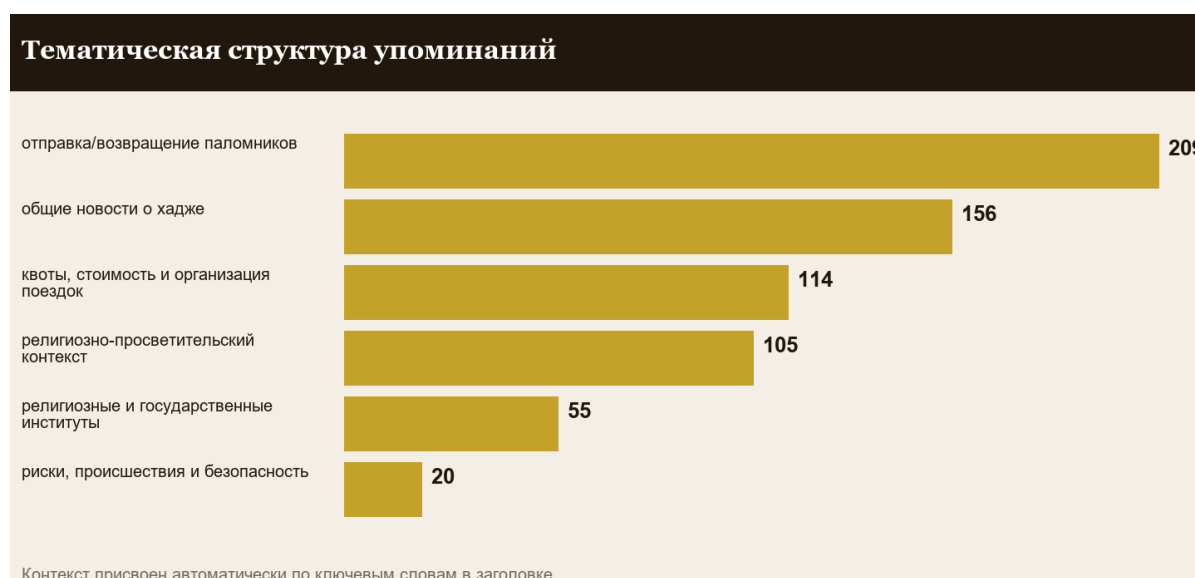

Рис. 3. Тематическая структура упоминаний о Хадже, паломничестве в российских регионах
Fig. 3. Thematic structure of mentions of Hajj and pilgrimage across Russian regions

Многие аспекты, связанные с совершением хаджа, не нашли отражения в статье, например, социальный портрет современного паломника, организация поездок российских мусульман в Саудовскую Аравию, гендерный аспект хаджа, регламентация поведения и ритуалов, изменение отношения к паломничеству в России, организация хаджа как отношения между Россией и Саудовской Аравией и пр. Паломничество мусульман из России в Мекку, как отмечает В. В. Белякова, приобрело массовый характер после присоединения к Российской империи регионов с многочисленным мусульманским населением: Казани, Крыма, Северного Кавказа и Средней Азии. Рост числа паломников потребовал формирования особой системы государственного контроля и дипломатического сопровождения. Поэтому в 1890 г. в Джидде открылось российское консульство, задачей которого стало наблюдение за российскими мусульманами и защита интересов российских подданных на территории Османской империи. Сегодня уже Королевство Саудовская Аравия напрямую сотрудничает с хадж-миссией РФ.

Квота для российских паломников и других государств ежегодно выделяется Саудовской Аравией на международной конференции в Джидде, организованной министерством хаджа этой страны, из соотношения одно место на одну 1 000 человек от каждого миллиона мусульманского населения той или иной страны. С 2018 г. для нашей страны установлена квота на 22 500 человек [18], для Республики

Дагестан — 10 000 чел., Республики Татарстан — 1 800 чел., Республики Башкортостан — 300 чел. Тюменской области и другим немусульманским регионам квота специально не выделяется, поскольку численность мусульман, желающих совершить хадж, не превышает 100 чел. По мнению И. Нуриманова, для удовлетворения потребностей российских мусульман необходима квота 25–26 тысяч мест, но Саудовская Аравия не может предоставить такое число мест, поскольку число мусульман в мире, желающих совершить хадж за свой счет, увеличивается с каждым годом [19].

На сегодняшний день в России аккредитовано девять туроператоров, занимающихся организацией хаджа для наших соотечественников, исповедующих ислам: «Сафа Тур» (Чеченская Республика), «Марва Тур» (Республики Дагестан), «Муслим Тур» (европейская часть России), «Иман Тур» (Республики Ингушетия), «Умма Тур» (Тюменская, Омская, Новосибирская и др. области), «ДУМ РТ Хадж» (Республика Татарстан и города УрФО), «Булгар-Тур» (Республики Башкортостан), «ТФ "Кавказ"» (Северный Кавказ) и «Авн Тур» (Крым и ЮФО).

Следует отметить, что для совершения хаджа через любого туроператора необходимо заплатить около полумиллиона рублей за одного человека (средняя стоимость из Москвы — 5 100 долларов, которая включает авиаперелет с пересадкой в транзитной стране, стандартное размещение в трехзвездочном отеле, двухразовое питание, полное сопровождение во время совершения религиозных обрядов, 3–4 экскурсии). Не каждый мусульманин(ка) может оплатить такую сумму самостоятельно. Поэтому многие в интервью признавались, что откладывали сбережения много лет на совершение главного путешествия в жизни, продавали жилье (приобретали меньшее по площади и вырученную сумму направляли на поездку), иное имущество (дачу, гараж, автомобиль и др. собственность), многим помогли дети, родственники или благотворители из мусульманской уммы, пожелавшие остаться неизвестными, и др. источники.

Согласно исламскому праву основным условием хаджа является наличие у человека финансовой возможности его совершить. На вопрос, за свой ли счет совершили паломничество наши участники опроса, чуть более половины ответили, что оплатили поездку полностью самостоятельно, не прибегая к сторонней финансовой помощи (58 %), остальные признались — «нет» (47 %). Следующий вопрос был адресован респондентам, которые не смогли самостоятельно оплатить поездку. Анализ ответов показал, что в финансировании путешествия в святые места Аравии оказали помощь родители (6 %), супруг (22 %), ближайшие родственники (тети — дяди, братья — сестра) 6 %, частично сам(а), частично благотворители помогли около четверти паломникам (22 %), полностью за счет общественных или религиозных организаций совершили поездку чуть более четверти опрошенных (27,5 %) и 6 % участников сообщили, что 50 % оплатило Духовное управление мусульман Тюменской области (ДУМТО). Поскольку на момент опроса 42 % участников указало, что совершил хадж до 2023 г., то такое распределение ответов выглядит логичным: до пандемии ДУМТО компенсировало

50 % поездки за счет средств Тюменской области, поэтому люди пенсионного возраста смогли воспользоваться указанной схемой софинансирования. К сожалению, финансирование данной программы на сегодняшний день не возобновилось.

В целях нашего исследования важно было выяснить у хаджи духовное значение хаджа. Респондентам разрешалось выбрать не более 5 вариантов ответа из 16 предложенных, а также дописать свой. Представим пятерку лидирующих ответов. Большинство хаджи (91 %) признались, что исполнили один из пяти столпов ислама; три четверти приблизились к Аллаху (75 %), почти такое же число хаджи просили прощения грехов, чтобы попасть в Рай (72,2 %). При этом две трети опрошенных указали, что хадж дал им возможность побывать в Мекке, где находится Кааба и в Медине, городе пророка Мухаммада (сгв) (66,7 %), а каждый второй признался, что совершил одно из самых лучших, добродетельных деяний в исламе.

Приведем еще два варианта ответов, которые раскрывающих социокультурную значимость хаджа: каждый третий участник признался, что во время хаджа испытал свое единство и братство с мусульманами всего мира (на это указывали многие участники глубинного интервью), а каждый четвертый внес мир в свою душу и сердце, получил душевное исцеление. Не случайно на вопрос, хотели бы в будущем наши участники опроса еще раз совершить хадж, почти все (94 %) хаджи ответили «да», мотивируя ответ тем, что «хотят пережить еще раз это путешествие». Как видим, большинство хаджи готовы повторно перенести трудности, с большинством из которых они не встречались в своей повседневной жизни, например, смену часового пояса, климата, высокие температуры, физические нагрузки, отсутствие близких, комфорта и др.

Выводы

Хадж, являясь обязательным столпом ислама, обращен не к одному человеку, а ко всему сообществу верующих мусульман. В исламе человек отвечает не только за себя, но и перед другими — это принципиальная черта. Коран задает общую рамку, а вот личное решение отправиться в путь (внутренняя интенция) рождается внутри самого человека, без которой хадж превращается в формальное действие. Хаджи — это не просто паломник, а человек, готовый к изменению своего сознания и статуса, готовый удалиться временно (от 10 до 30 дней) из привычной жизни, повседневных забот и рутины, не оставив долгов, чтобы оказаться в доме Аллаха. Паломник уходит временно, обязательно возвращается домой, но с обретением более высокого положения среди представителей своей уммы, поэтому на такое путешествие могут решиться не все мусульмане, а только те, кто осознал и готов к внутренним изменениям и последующей работе над собой и на пути своей религии ислам. В этом состоит социокультурная роль хаджа как феномена ислама.

За последние десятилетия традиция паломничества мусульман из российских регионов в святые места Саудовской Аравии имеет позитивную тенденцию. Процесс ор-

ганизации хаджа постоянно совершенствуется аккредитованными туроператорами, улучшается качество предлагаемых Саудовской Аравией паломникам услуг (например, значительно расширилась священная мечеть, на территории которой построены многочисленные санитарные зоны), для проживания строятся гостиницы, для перемещения паломников устраиваются тоннели, мосты и многое другое. Отметим, что российская государственная модель организации хаджа доказала свою эффективность и получила международное признание.

В настоящее время хадж выступает не только религиозным обрядом, но и фактором социокультурной, экономической и политической интеграции мусульман всего мира, стирает национальные и социальные различия, объединяет мусульман всей нашей планеты под единым символом веры, ислама.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The author declares no conflict of interests.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615?ysclid=mngfoz1k8r506403444>
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S>
3. Фромм Э. *Психоанализ и религия*. Ред. В. А. Яковлева. Москва: Политиздат; 1990. 119 с.
4. Элиаде М. *История веры и религиозных идей. В 3 т. Т. 1. От каменного века до Элевсинских мистерий*. Москва: Критерион; 2002. 464 с.
5. Беляков В. В. Паломничество в Мекку. *Восточный архив*. 2023;2(48):8–10. <http://doi.org/10.31696/2072-5795-2023-2-8-10>
6. Ильина А. Ю. Хадж как форма странничества в отечественной мусульманской культуре. *Общество: философия, история, культура*. 2017;(3):75–77. <http://doi.org/10.24158/fik.2017.3.17>
7. Мухаметзянова-Дуггал Р. М., Хабибуллина З. Р. Государственное регулирование хаджа в современной России. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2010;(4):65–69.
8. Ибн Хиббан. *Сахих Ибн Хиббана*. Т. 1 Шакир А. М. Египет: Дар аль-Маариф; [б.г.]. 317 с.
9. Сибгатуллин Р. *Стремление к совершенству*. Казань: Иман; 2021. 112 с.
10. *Коран*. Дамаск: «Рукаби & Надар»; 2003. 604 с.
11. Ильина А. Ю. Социокультурные особенности мусульманского странничества. *Общество: философия, история, культура*. 2021;5(85):62–67. <http://doi.org/10.24158/fik.2021.5.8>
12. Фусу Л. И. Паломничество как лиминальное состояние. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2017;6(6А):247–254.
13. Реутов А. А. Паломничество в христианстве и исламе: сравнительный анализ. *Вестник Оренбургской духовной семинарии*. 2021;1(18):108–127.
14. *Путеводитель паломника*. Казань: ДУМ РТ Хадж; 2022. 29 с.

15. Мамытов Т. Б. Хадж — паломничество. *Известия вузов Кыргызстана*. 2017;(7):169–170.
16. Хайруллина Н. Г., Койше К. К. Этническая идентификация татар Тюменской области: социологическое измерение. *Знание. Понимание. Умение*. 2013;(1):116–120.
17. Хабибуллина З. Р. К вопросу о месте и роли хаджа в жизни современных мусульман Башкортостана. В сб.: *Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения: материалы международной научно-практической конференции*. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН; 2009. С. 381–384.
18. Хайруллина Н. Г. Право российских мусульман на паломничество. *Human Progress*. 2025;11(8):35. <http://doi.org/10.46320/2073-4506-2025-8a-35> URL: http://progress-human.com/images/2025/Том11_8/Khairullina.pdf
19. Нуриманов И. А. Паломничество мусульман России в святые места Аравии (2014–2018 гг.): анализ и перспективы развития. *Азия и Африка сегодня*. 2019;(7):59–63. <http://doi.org/10.31857/S032150750005570-9>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated November 25, 2025, No. 858 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2036 " (In Russ.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615?ysclid=mngfoz1k8r506403444>
2. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". (In Russ.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S>
3. Fromm E. *Psychoanalysis and religion*. Yakovleva V. A., editor. Moscow: Politizdat; 1990. 119 p. (In Russ.).
4. Eliade M. *History of Faith and Religious Ideas*. In 3 vols. Vol. 1. From the Stone Age to the Eleusinian Mysteries. Moscow: Kriterion; 2002. 464 p. (In Russ.).
5. Belyakov V. V. Pilgrimage to Mecca. *The Oriental Archive journal*. 2023;2(48):8–10. (In Russ.). <http://doi.org/10.31696/2072-5795-2023-2-8-10>
6. Ilyina A. Yu. Hajj as a form of pilgrimage in native muslim culture. *Society: philosophy, history, culture*. 2017;(3):75–77. (In Russ.). <http://doi.org/10.24158/fik.2017.3.17>
7. Mukhametzyanova-Duggal R. M., Khabibullina Z. R. State regulation of hajj in modern Russia. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2010;(4):65–69.
8. Ibn Hibban. *Sahih Ibn Hibban*. Vol. 1. Shakir A. M., editor. Egypt: Dar al-Ma'arif; [date unknown]. 317 p.
9. Sibgatullin R. The pursuit of perfection. Kazan: Iman; 2021. 112 p. (In Russ.).
10. *Koran*. Damask: «Rukabi & Nadar»; 2003. 604 p. (In Russ.).
11. Ilyina A. Yu. Socio-cultural features of muslim pilgrimage. *Society: philosophy, history, culture*. 2021;5(85):62–67. (In Russ.). <http://doi.org/10.24158/fik.2021.5.8>
12. Fusu L. I. Pilgrimage as a liminal state. *Context and reflection: philosophy of the world and human being*. 2017;6(6A):247–254. (In Russ.).
13. Reutov A. A. Pilgrimage in Christianity and Islam: a comparative analysis. *Bulletin of the Orenburg Theological Seminary*. 2021;1(18):108–127. (In Russ.).
14. *Pilgrims Guide*. Kazan: DUM RT XadzH; 2022. (In Russ.).
15. Mamytov T. B. The hajj — the pilgrimage. *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana*. 2017;(7):169–170. (In Russ.).
16. Khairullina N. G., Koishe K. K. The ethnic identification of the tatars of Tyumen oblast: a sociological measurement. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2013;(1):116–120. (In Russ.).

17. Habibullina Z. R. À la question de la place et du rôle du Hajj dans la vie des musulmans modernes du Bachkortostan. In.: *Ethnos. Société. Civilisation: II lectures de Kuzeyev: documents de la conférence scientifique et pratique internationale*. Ufa: IEI oz RAN; 2009. Pp. 381–384.
18. Khairullina N. G. The right of russian muslims to pilgrimage. *Human Progress*. 2025;11(8):35. (In Russ.). <http://doi.org/10.46320/2073-4506-2025-8a-35> URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_8/Khairullina.pdf
19. Nurimanov I. A. Pilgrimage of Russian muslims to the sacred sites of Arabia (2014–2018): analysis and development prospects. *Asia and Africa today*. 2019;(7):59–63. (In Russ.). <http://doi.org/10.31857/S032150750005570-9>

Информация об авторе / Information about the author

Хайруллина Нурсафа Гафуровна, **Nursafa G. Khairullina,** Doctor of Sociological Sciences, Industrial University of Tyumen, hajrullinang@tyuiu.ru, ORCID : <https://orcid.org/0000-0001-7290-3290>
доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, hajrullinang@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7290-3290>

Поступила в редакцию / Received 26.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 16.06.2026

Принята к публикации / Accepted 10.07.2026

На научный журнал
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»
(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного каталога «**Пресса России**»: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,
а также можно подписаться через интернет-магазин
«Пресса по подписке»:
https://www.akc.ru/itm/izvestiy_a-vy_iss_hih-uc_hebny_ih-zavedeniy-sot_siologiy_a-y_ekonomika-politika/

Дата выхода в свет 30.09.2026. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 9,99. Усл. печ. л. 18.75. Тираж 500. Заказ № 3322
Распространяется по подписке. Цена свободная.
Центр научной публикационной активности федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625027, Тюмень, ул. Киевская, 52.